

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2017 Том 17 № 2

В номере: Идеология, мораль и международные отношения: опыт Востока и Запада

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал

Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

А.В. Шабига, доктор философских наук, профессор, РУДН, Россия
ir@rudn.university

Заместитель главного редактора

Д.А. Дегтерев, кандидат экономических наук, доцент, РУДН, Россия
degterev_da@rudn.university

Заместитель главного редактора

К.П. Курьлев, доктор исторических наук, доцент, РУДН, Россия
kurylev_kp@rudn.university

Ответственный секретарь

Е.В. Журавлева, старший преподаватель, РУДН, Россия
zhuravleva_ev@rudn.university

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, ректор Дипломатической академии МИД России
Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор Департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН

Протопопов Анатолий Сергеевич, доктор исторических наук, профессор-консультант кафедры ТИМО РУДН
Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге

Фитунни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований

Адилханулы Нурлан Адилханович, заведующий кафедрой региональных исследований Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылайхана, Казахстан

Агрян Ваагн Робертович, заведующий кафедрой факультета международных отношений Ереванского государственного университета, Армения

Акинер Ширин, профессор Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Великобритания

Ван Гуанчжэнь, профессор Школы истории и культуры Шаньдунского университета, Китай

Моханти Арун Кумар, кандидат исторических наук, профессор, руководитель Центра исследований России и Центральной Азии Института международных исследований Университета им. Джавахарлала Неру, Индия

Гутьеррес Дель Сид Ана Тереза, профессор международных отношений Столичного автономного университета, Мексика

Кёхлер Ханс, профессор философии Университета Инсбрука, Австрия

Моргунова Оксана, Центр по изучению России, Центральной и Восточной Европы Университета Глазго, Великобритания

Такахаси Мотоки, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, Япония

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям «История», «Политические науки», «Экономика».

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами «глобального Юга» (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Журнал является международным по проблематике, составу редколлегии и составу авторов. Будучи включенным в международный академический дискурс, журнал регулярно публикует статьи признанных экспертов-международников из РФ, Европы, Азии и США. Вместе с тем, издание дает возможность перспективным исследователям из Азии, Африки и Латинской Америки представить на страницах журнала свое локальное (национальное, региональное) видение мироустройства, что позволяет вырабатывать более сбалансированные подходы к решению глобальных проблем современности.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в особенности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «История международных отношений», «Прикладной анализ», «Политические портреты», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2017 г. следующий:

№ 3	50 лет АСЕАН. Региональное сотрудничество в ЮВА	до 15 июня 2017 г.
№ 4	Терроризм как глобальный проект и угроза международной безопасности	до 15 сентября 2017 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Редактор *Т.К. Будовская*
Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*

Адрес редакции
115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции
117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Подписано в печать 10.05.2017. Выход в свет 15.05.2017. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл.-печ. л. 26,04. Тираж 500 экз. Заказ № 593. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2017

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2017 VOLUME 17 No. 2

**In this issue: The Ideology, morality and international relations:
the experience of the East and West**

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

**Professor Dr. Andrey
Shabaga**
RUDN University, Russia
ir@rudn.university

DEPUTY EDITOR

PhD Denis Degterev
RUDN University, Russia
degterev_da@rudn.university

DEPUTY EDITOR

Doctor Konstantin Kurylev
RUDN University, Russia
kurylev_kp@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Eygeniya Zhuravleva
RUDN University, Russia
zhuravleva_ev@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Bazhanov Eugene Petrovich, Doctor, Rector of the Diplomatic Academy, MFA of Russia

Larionova Marina Vladimirovna, Doctor, Head of the Center for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor of the Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics of the HSE

Mosyakov Dmitry Valentinovich, Doctor, Head of Department of Southeast Asia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Portyakov Vladimir Yakovlevich, Doctor, Deputy Director of the Institute for Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

Protopopov Anatoly Sergeevich, Doctor, Professor of the Department of Theory and History of International Relations of RUDN University

Sapronova Marina Anatolievna, Doctor, Professor of the Department of Oriental Studies of MGIMO University, MFA of Russia

Heifetz Victor Lazarevich, Doctor, Professor of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

Fituni Leonid Leonidovich, Doctor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Global and International Studies

Adilhanuly Nurlan Adilkhanovich, Head of the Department for Regional Studies of the Kazakh University of International Relations and World Languages named Abylaikhan, Kazakhstan

Aglyan Vahagn Robertovich, Head of the Department of International Relations of Yerevan State University, Armenia

Akiner Shirin, Professor of School of Oriental and African Studies (SOAS), University of London, UK

Wang Guangzhen, Professor of the School of History and Culture in Shandong University, China

Mohanty Arun Kumar, PhD, professor, The Head of the Centre for Russian and Central Asian Studies School of International Studies of Jawaharlal Nehru University, India

Gutierrez Del Cid Ana Teresa, Professor of International Relations at Metropolitan Autonomous University, Mexico

Kochler Hans, Professor of Philosophy at the University of Innsbruck, Austria

Morgunova Oksana, PhD, Centre for Russian, Central and East European Studies, University of Glasgow, UK

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Japan

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus>).

Accessible at Academia.Edu and Mendeley.

Aim and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of students body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow to elaborate a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "History of International Relations", "Applied Analysis", "Political Portraits", "International academic cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Research Schools".

Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2017 will deal with the following issues:

# 3 2017	50 years of ASEAN. Regional cooperation in South-East Asia	till 15 June 2017
# 4 2017	Terrorism as a global project and a threat to international security	till 15 September 2017

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Bulletin and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Editor T.K. Budovskaya
Computer design E.P. Dovgolevskaya

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Tel. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Идеология, мораль и международные отношения: опыт Востока и Запада

Алексеева Т.А. «Запад» и «не Запад» в пространстве теории международных отношений	217
Ланцов С.А., Ланцова И.С. Внешнеполитическая программа Октябрьской революции: истоки и результат	233
Лебедева М.М. Незападные теории международных отношений: миф или реальность?	246
Цвык А.В. Этика политической ответственности в международных отношениях	257
Тимофеев И.Н. Понимающая социология внешней политики: «агентная» модель поведения государства на международной арене	265
Чикризова О.С. Дихотомия «обездоленные — высокомерные» в шиитском восприятии международных отношений	279
Понька Т.И., Джанаева А.Э., Чжао Цзелинь. Буддизм как ресурс «мягкой силы» Китая	290
Idahosa S.O., Onimhavo J.A., Ikhidero S.I. Reparation a morale justice for Africa: the Benin (Nigeria) in perspective (Идахоса С.О., Онимхаво Д.А., Ихидеро С.И. Возмещение морального ущерба Африке: на примере Бенинского царства (Нигерия)	301

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

Бокерия С.А. Концепция личностной безопасности в практике ООН	312
Шепелев М.А. Журнал «Geopolitica» и становление итальянской геополитической школы	325
Tsakanyan V.T. The role of cybersecurity in world politics (Цаканян В.Т. Роль кибербезопасности в мировой политике)	339

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Ларионова М.В. Россия в «Группе двадцати»: факторы успеха и задачи на будущее	349
--	-----

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

Иванова Е.А., Куликов С.В., Сульженко А.А. Стереотипные визуальные символы как средство консолидации общественности в контексте международного признания геноцида	372
--	-----

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

Идеология и международные отношения: взгляд из России. Интервью с академиком РАН В.Г. Барановским (ИМЭМО РАН)	383
--	-----

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Volosyuk O.V., Nesterova O.A., Solodkova O.L.** Jesuit strategy in Japan and India in the 16th Century as a precursor to modern Western “Soft Power” (Волосюк О.В., Нестерова О.А., Солодкова О.Л. Стратегии иезуитов при покорении Японии и Индии в конце XVI — начале XVII в. как предтечи современной «мягкой силы») 391
- Филиппов В.Р.** «Франсафрик» и этика в международных отношениях 402

РЕЦЕНЗИИ

- Соков И.А.** Рецензия на монографию: Little, D. Us versus Them: The United States, Radical Islam, and the Rise of the Green Threat. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2016. — 314 p. 416
- Грачиков Е.Н.** Рецензия на книгу: Voskressenski, A.D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies. Palgrave Macmillan, 2017. — 271 p. 425

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: Ideology, morality and international relations: the experience of the East and West

Alekseeva T.A. “The West” and “Non-West” in the Space of International Relations Theory	217
Lantsov S.A., Lantsova I.S. The October Revolution’s Foreign Policy Program: Origins and Results	233
Lebedeva M.M. Non-Western International Relations Theory: Myth or Reality? ..	246
Tsvyk A.V. Ethics of political responsibility in international relations	257
Timofeev I.N. Interpretive sociology of foreign policy: “agent” model of state behavior on the international arena	265
Chikrizova O.S. “Oppressed — oppressors” dichotomy in shi ite perception of international relations	279
Ponka T.I., Dzhanavaeva A.E., Zhao Jielin. Buddhism as a resource of “soft power” of China	290
Idahosa S.O., Onimhawa J.A., Ikhidero S.I. Reparation a morale justice for Africa: the Benin (Nigeria) in perspective	301

PEACE AND SECURITY

Bokeriya S.A. Human Security Concept in the UN Practice	312
Shepelev M.A. The Journal “Geopolitica” and Formation of the Italian Geopolitical School	325
Tsakanyan V.T. The role of cybersecurity in world politics	339

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Larionova M.V. Russia in G20: Factors of Success and Objectives for the Future	349
---	-----

APPLIED ANALYSYS

Ivanova E.A., Kulikov S.V., Sulzhenko A.A. Stereotyped Visual Symbols as a Mean of Public Consolidation in Context Of International Genocide Recognition	372
---	-----

SCIENTIFIC SCHOOL

Ideology and International Relations: Russian View. Interview with Academician, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of Center of The Situational Analysis at RAS V.G. Baranovskiy	383
---	-----

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

- Volosyuk O.V., Nesterova O.A., Solodkova O.L.** Jesuit strategy in Japan and India in the 16th Century as a precursor to modern Western “Soft Power” 391
- Filippov V.R.** Françafrique and Ethics in International Relations 402

REVIEWS

- Sokov I.A.** Review of the book: Little, D. Us versus Them: The United States, Radical Islam, and the Rise of the Green Threat. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2016. — 314 p. 416
- Grachikov E.N.** Review of the book: Voskressenski, A.D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies. Palgrave Macmillan, 2017. — 271 p. 425

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Идеология, мораль и международные отношения: опыт Востока и Запада

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232

«ЗАПАД» И «НЕ ЗАПАД» В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Т.А. Алексеева

Московский государственный институт международных отношений
МИД РФ, Москва, Россия

В последнее время вопрос о «прозападной ориентации» теории международных отношений стал предметом дискуссии в научной среде. Ее критики и сторонники «незападных» теорий отчасти правы. В самом деле, на протяжении более чем полутора столетий теория международных отношений, возникшая и разрабатываемая, главным образом, на Западе, очевидно поддерживала представления, сформировавшиеся сначала в Европе, а затем в США. Англо-американские авторы и сегодня доминируют в дисциплине, причем не только количественно (огромные масштабы публикуемой научной литературы и профессиональных журналов на английском языке плюс влияние университетов и научных центров), но и качественно (впечатляющее финансирование открывает возможность для разработки новых идей и их развития со стороны самых разных научных «школ» — политического реализма, либерализма, конструктивизма, постмодернизма, постмарксизма и т.д.).

В теории международных отношений всегда ощущалась идеологическая предвзятость. Однако на волне деколонизации и позднее, по мере возрастания роли азиатских и других стран в мировой политике, господству Запада в области теории был брошен вызов — международники из КНР, Индии и др. стран пытаются создать собственные теории международных отношений, отражающие опыт и традиции этих стран. Соотношение медленно, но все же начинает меняться. Тем не менее и «незападные» теории также не свободны от идеологических предвзятостей. Нередко они отрицают или подвергают жесткой критике западные теории именно в силу их происхождения. Еще чаще они по существу продолжают развивать те же западные идеи, лишь добавив к ним имена местных мыслителей или какие-то ссылки либо на собственные национальные традиции, религиозное и культурное наследие. Однако, если теория международных отношений является наукой, то неважно, в какой стране она родилась и на каком языке говорили ее главные персоналии. Конечно, элементы идеологии (в большей или меньшей степени) действительно в ней присутствуют. Подобно любой другой социальной науке, имеющей дело не только со структурами, но и с человеческим фактором, она неизбежно идеологична. Но это не означает, что теорию следует отождествлять с идеологией. Выход — в деконструкции имеющихся теорий, их «очищении» от слишком очевидных идеологических моментов, стало быть, позиция международника должна быть априорно критичной, но сохраняющей уже сформированное научное содержание.

Ключевые слова: евроцентризм, теория международных отношений, американское доминирование, «не Запад», «Запад», идеология, наука

С конца прошлого века и особенно в последние годы среди теоретико-международных исследований появилось новое направление — история теории международных отношений [Ashworth 2014; Dunne, Hansen & Wight 2013; Thies 2002;

Quirk & Vigneswaran 2005]. И открытия не заставили себя ждать. За прошедшее двадцатилетие было опубликовано немало работ, ставящих под сомнение каноническое изложение теории МО, предложив альтернативное, иногда убедительное, иной раз не очень, прочтение становления и эволюции теоретических исследований в этой сфере.

В данной статье автор останавливается только на одном аспекте проблемы — пространственном, т.е. на вопросе о том, кто, когда и как сформировал дисциплину теории международных отношений (ТМО) и есть ли (и нужны ли) другие ответы на извечные вопросы войны и мира, сотрудничества и прогресса.

Некоторые критики указывают, что ТМО не столько изучает внешнюю политику и международные отношения как объективную, универсалистскую и позитивистскую (или постпозитивистскую) науку, сколько подспудно, а часто и откровенно поддерживает и восхваляет Запад. Иными словами, грань между научной теорией и внешнеполитической идеологией зачастую оказывается условной. Известный американский международник Стэнли Хоффман даже назвал теорию международных отношений «американской социальной наукой эпохи холодной войны» [Hoffman 1987: 3—24], указав на ее привязанный к конкретному времени, если не конъюнктурный, характер. Эту связь, как представляется, довольно точно разъяснил более поздний автор — известный международник из Канады Роберт Кокс: «Теория всегда существует для кого-то и с какой-то целью» (в другом месте еще жестче — «Теория международных отношений — почти всегда за Запад или во имя интересов Запада»). И далее он раскрывает свою точку зрения: каждая теория опирается на определенный способ мышления. Перспектива вытекает из позиции во времени и пространстве, особенно социального и политического времени и пространства. Мир рассматривается из точки, определяемой в духе нации или социального класса, господства или подчиненности, поднимающейся или склоняющейся к упадку страны, из ощущения неподвижности или присутствия кризиса прошлого опыта или надежд и ожиданий на будущее. Разумеется, совершенная, тщательно разработанная теория никогда не бывает просто выражением (идеологической. — *Прим. авт.*) перспективы. Чем более сложной и совершенной является теория, тем в большей степени она превосходит, выходит за пределы своей установки. Соответственно, не существует теории в себе, в отрыве от времени и пространства [Cox 1981: 127]. Эта формула стала сегодня чуть ли не мантрой для большинства международников.

Беда лишь в том, что сказанное можно отнести практически к любой социальной или гуманитарной науке, что приводит к периодическим вспышкам рассуждений ученых-естественников о том, что вся эта область знания — искусство, литература, метафизика, все что угодно, но никак не наука. Если принять позитивистскую точку зрения на науку, по-видимому, это действительно так. Но вспомним, что на протяжении нескольких десятилетий ТМО твердо стояла на позитивистских основаниях и лишь в 1980—1990-е гг. ей стало тесно в их рамках и начались попытки выхода за пределы ее строгих логических и рационально-фактологических требований.

В конце концов теория МО, подобно другим социальным наукам, «работает» с человеком и, соответственно, должна быть более гибкой, чувствительной к особенностям поведения людей, в том числе и в международной сфере. Крупнейший французский социолог Раймон Арон писал в свое время, что межгосударственные отношения выражаются в специфическом поведении символических персонажей — дипломата и солдата. «Два и только два человека, — пишет Р. Арон, — действуют не просто в качестве членов, а в качестве представителей общностей, к которым они принадлежат: посол при исполнении своих функций представляет политическую единицу, от имени которой он выступает; солдат на поле боя представляет политическую единицу, от имени которой он убивает себе подобного» [Aron 1984: 17, 22]. Иначе говоря, международные отношения в самой своей сущности содержат альтернативу мира и войны. Но при этом они основаны на вероятностном характере того и другого и поэтому включают в себя значительный элемент риска и столь же заметный аспект условности. Как следствие, многие международники воспринимают ТМО одновременно как искусство и как науку.

Заметим, впрочем, что само определение науки отношь не бесспорно, подобно тому, как крайне противоречивы отмечаемые различия между естественными и социальными науками. Как представляется, разговор о теории международных отношений как науке или идеологии (или искусстве) должен происходить скорее через дихотомию «больше-меньше», нежели через противопоставление «или-или».

Столь же неверно полностью отвергать роль Запада в создании и развитии социальных наук, включая и ТМО. В конце концов, именно на Западе родились чуть ли не все основные элементы языка международных исследований — от баланса сил до международных режимов; идеи институтов, в том числе, ООН; общепринятые практики — от методов дипломатии до требований протокола, и т.д., не говоря уже о методологии исследования. Другое дело, что есть определенные искажения и перекосы, заслуживающие внимательного анализа и отдельного разговора. Как бы там ни было, теоретические исследования международных отношений — преимущественно европейский конструкт, проявившийся во множестве форм, идей и взглядов почти за четыре века своего развития, начиная с перехода к модерну (современности) в XVI—XVII вв., тогда же, когда началось изучение классической, а спустя более чем три столетия неклассической и постнеклассической науки в широком смысле слова. И, подобно другим областям знания, ТМО также проходила разные стадии — от философии к международно-политической мысли, теории международных отношений как ее понимали на Западе, и далее — к политической философии, политической теории, социологии, этике, эстетике, лингвистике, аналитике и статистике, разветвляясь и углубляясь, и затрагивая все более широкий спектр познания, подобно самому объекту ее изучения — международным отношениям.

ЕВРОЦЕНТРИЗМ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Проблема евроцентризма вышла на первый план относительно недавно, главным образом, на волне подъема деколонизации. Американский ученый арабского происхождения Эдвард Саид в своей книге «Ориентализм», опубликованной

в 1978 г., показал, что западная покровительственная репрезентация Востока была тесно связана с империализмом. В XIX в. «каждый европеец, — писал Саид, — в отношении того, что он мог сказать о Востоке, являлся... практически полностью евроцентричным расистом и империалистом» [Said 2003: 203—204]. Можно назвать множество авторов, которые рассуждали примерно в том же духе, стремясь дискредитировать и раскритиковать европейскую традицию в исследованиях международных процессов, однако дальше этого все-таки не пошли.

Были и другие крайности. В отличие от Э. Саида, современный американский международник Джон М. Хобсон доказывает, что евроцентризм имеет самые разнообразные формы, причем не только империалистические, но и антиимпериалистические. Но все же, по его мнению, теория МО не справляется со своей главной задачей — созданием объективной и рациональной теории, объясняющей основные международные явления и процессы. Вместо того чтобы разрабатывать общие, универсальные теории межгосударственного поведения, «теория международных отношений не столько объясняет международную политику в объективной, позитивистской и универсальной манере, сколько стремится местнически восхвалять, защищать и продвигать Запад как упреждающий субъект и высший или идеальный нормативный референт мировой политики» [Hobson 2012: 1]. Проанализировав труды широкого круга теоретиков-международников, начиная от Ричарда Кобдена и Адама Смита и вплоть до Кеннета Уолца и Дэвида Хелда, Хобсон пришел к выводу о том, что в области международно-политических знаний удалось сформировать 6 устойчивых мифов, кочующих из одного учебника или монографии в другие, в целом составляющих евроцентрический миф. Все они нуждаются в фундаментальной деконструкции политики [Hobson 2010: 14—20].

Миф первый — историографический (миф о благородной первооснове). Этот аспект связан с историей / историографией дисциплины. Теория, как утверждают множество авторов, явилась воплощением учения вигов о своей интеллектуальной истории, возродившись в период Первой мировой войны с благородными моральными целями — найти способ исключения войны из политики. Однако, по крайней мере с 1760 г., теория уже была подкреплена различными евроцентристскими метанарративами, которые так или иначе совершали работу по защите и представлению Запада как самого важного нормативного объекта в мировой политике. Иначе говоря, можно обнаружить сильную преемственность между ТМО до 1914 г. и ее межвоенным продолжением. Вопреки утверждениям, международная политика (ТМО — в широком смысле), ни прошлая, ни нынешняя никогда не была просто пассивным отражением евроцентризма и научного реализма, а сама играла важную роль в конституировании этого дискурса, т.е. между евроцентризмом и теорией имеется весьма эффективная близость, родство. И, что еще важнее, теория всегда была политически исполнительной, перформативной в том смысле, что она создавала возможности для операционализации и реализации в практике мировой политики своих идей.

Миф второй — позитивистский. Будучи наукой, опирающейся на позитивистскую эпистемологическую основу, теория международных отношений строилась на основании фактов, будучи свободной от ценностей. Но интересы Запада

разнообразны и неоднократно меняли свой фокус, к тому же западные ценности обычно воспринимаются как данность и не нуждаются в анализе при проведении социальных исследований как высшем идеале и образце, на который следует равняться в мировой практике. Они обычно подразумеваются, воспринимаются как данность, не нуждающаяся в дополнительном обосновании. Иными словами, большинство теорий международных отношений не только не свободно от ценностей, а проводит ограниченный анализ Запада, который маскируется под всеобщий.

Миф третий — «миф о великих дебатах». Утверждается, что ТМО движется вперед посредством напряженных, но здоровых интеллектуальных столкновений — дебатов, принимающих форму манихейских героических сражений. Как считается, это и составляет формирующую генеалогию дисциплины, таким образом, студенты могут получить представление о ней всего лишь изучив эти великие битвы: между либерализмом (идеализмом) и реализмом, между бихевиорализмом и историческим (традиционным подходом английской школы), и, наконец, между тремя лидирующими парадигмами в 1970-х гг. и между позитивистами и пост-позитивистами в 1990-х гг. По мнению Хобсона, пока введение в дисциплину подается через столкновение между радикально различными теориями, будь то реализм, либерализм, марксизм или конструктивизм — выходит, что все эти теории во многом проявляют лишь незначительные отклонения от согласованного евроцентризма (или просто принятых в академической среде норм и правил. — *Прим. авт.*).

Миф четвертый — *суверенитет/анархия*. Теория МО имеет дело с изучением и теоретизацией отношений между суверенными государствами в анархическом мире (т.е. при отсутствии верховного авторитета). Иными словами, анархия подразумевает суверенитет. Однако международно-политическая мысль, как правило, начинала свой анализ не с суверенитета, а с социального анализа, соответственно, межгосударственные отношения рассматривались как следствие, вытекавшее из априорной концепции «социального стандарта цивилизации». Хотя и по-разному, но ТМО направляла свое внимание не на одноуровневое поле юридически равных суверенных государств, а на неровную площадку глобально-цивилизационной иерархии и градации суверенитета. Более того, была выдвинута идея формальной иерархии, которая поддерживает гиперсуверенитет западных государств и либо отрицает суверенитет как таковой в отношении восточной формы правления (неоимпериалистическая международная теория после 1989 г.), либо обосновывает «условный суверенитет», который может быть преодолен, если не отвечает «условиям цивилизованности», что вполне соответствует принципам либерального подхода к МО.

Пятый миф — *миф о глобализации*. Это не означает, что глобализации не существует. Популярна идея, что глобализация — относительно недавний феномен (во многих статьях и книгах доказывается, что глобализация началась с 1970-х гг., точнее, в это время американскими бизнес-школами был введен в оборот сам термин. — *Прим. авт.*). Однако фактически, начиная с 1760 гг., мыслители немало внимания уделяли именно процессам и проблемам глобализации, даже если употребляли другие термины (у Карла Маркса речь шла об универсали-

зации. — *Прим. авт.*). Глобализация была политически сконструирована разными путями. Первый вариант — как противопоставление угрозе варварства (политический реализм, и особенно так называемый западный реализм после 1989 г.), а также культурный реализм до 1945 г. и «Евроцентрический культурный реализм» после 1989 г. Другое течение — «глобализация как возможность для Запада» — перестройка мира с целью направить его «по западному пути» (от всевозможных теорий догоняющего развития, модернизации и вплоть до распространения демократии). Джон Хобсон выделил в нем 3 источника: «патерналистский евроцентризм» (Маркс, Джон Аткинсон Хобсон, Анджел, Циммерн, Вулф); либерально-империалистический «наступательный реализм» (offensive realism) (Рейнш, Сиджвик, Уилсон и Кид и др.); и, наконец современный «патерналистский евроцентризм» (Роулс, Фукуяма и мн. др.).

Шестой миф — теоретический миф о великих традициях. Речь идет о стандартной линейной идее продолжающихся великих традиций в теоретических исследованиях международных отношений. Ключевые теории — либерализм, реализм и марксизм — часто представляют с точки зрения антиисторических непрерывных великих традиций, которые появились несколько столетий назад, если не тысячелетий. Например, политический реализм прослеживает свою традицию от Фукидида, через Томаса Гоббса и Н. Макиавелли, позднее Карра и Моргентау и вплоть до Уолца, Гилпина и Миршаймера. В процессе строительства линейки, все неоднородности становятся неотчетливыми, но каждый теоретик демонстрирует изоморфные свойства своего теоретизирования.

Корни всех перечисленных мифов, по Хобсону, лежат в общепризнанном, но неверном предположении о том, что ТМО представляет собой совокупность книг, содержащих объективные трансисторические взгляды и утверждения универсальных истин, о самоопределенной сфере деятельности, описанной как международная политика. Или иначе, это якобы свободное от ценностей объяснение политики в отсутствие центрального авторитета. Хобсон видит в ней нечто иное — попытку узаконить и рационализировать превосходство Запада над всеми остальными, выискивая чуть ли не в каждом тезисе эксплицитный или имплицитный расизм, а также империалистические и патерналистские темы. Хобсон выделил несколько типов расизма в ТМО: научный расизм, расизм-реализм, расистский либерализм, расистско-реалистский империализм, универсалистский оборонительный расизм и расистский культурный реализм. Это позволило ему применить расистский принцип чуть ли не ко всей истории теории международных отношений, что, разумеется, является крайностью и изрядным преувеличением.

Хотя некоторые моменты зафиксированы Хобсоном довольно правильно, все же его возвращение к обвинениям ТМО в неприкрытом расизме, как представляется, перегиб и, строго говоря, еще один миф, заслуживающий не менее тщательного анализа, нежели 6 мифов, сформулированных самим исследователем.

Неудивительно, что это вызвало изрядную критику подхода Хобсона. В частности, американский исследователь Роберт Виталис доказывает, что если проблемы империи, расизма и империализма в целом, в самом деле, занимали централь-

ное место в конце XIX в., они оставались почти незаметными на фоне истории теоретической мысли со времен вестфальских договоров [Vitalis 2000: 331—336]. Не говоря уже о сегодняшнем дне.

Скажем больше. Евроцентризм пронизывает чуть ли не все социальные науки, хотя отрицать роль европейских ученых в создании современной науки было бы другой идеологической крайностью. Все-таки есть различие между признанием роли Европы в истории человечества и обвинениями в полном евроцентризме, элементы которого неизбежно присутствуют, но отнюдь не сводятся только к этому. Иначе, вместе с водой мы рискуем выплеснуть и ребенка.

АМЕРИКАНСКОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Изучающий теорию международных отношений может обратить внимание на очевидное доминирование в огромном потоке теоретико-международной литературы англо-саксонских и, особенно, американских авторов. В самом деле, вклад англо-американской традиции в осмысление мировых процессов огромен, что вполне понятно — США как глобальная держава и мыслит в мировом масштабе, а это предполагает высокий уровень абстракции. «На протяжении нескольких десятилетий после окончания Второй мировой войны Соединенные Штаты являли собой одну из главных точек роста мировой политической мысли и центр развития мировой политической науки», — подчеркивает российский американист Э.Я. Баталов [Баталов 2014: 9].

В отечественной научной литературе этот вопрос довольно основательно изучен. Основные причины сложившейся ситуации проанализированы, например, в статье В. Зубока и Э. Ширяева [Зубок, Ширяев 2015: 19—20]:

- ◆ американские и английские университеты по-прежнему, как и полвека назад, остаются главными центрами формирования теоретических и методологических знаний о международных отношениях;

- ◆ английский язык сегодня — язык мировой науки, поэтому англоязычные журналы и научные публикации автоматически имеют мировой охват, в них публикуются исследователи от Новой Зеландии до Южной Африки, от Норвегии и Канады до России и Индии;

- ◆ в ходе холодной войны, когда США приняли на себя роль лидера Запада, вопрос о месте США в мировой системе, их стратегии и реагировании на вызовы со стороны Советского Союза, вопросы ядерной безопасности и безопасности в целом в рамках биполярного мира оказались на долгое время в центре внимания исследований МО. Для обслуживания этой роли была создана целая сеть правительственных, независимых и университетских исследовательских и аналитических центров, как следствие, количество теоретиков-международников во много раз превосходит их число в других странах;

- ◆ финансирование проектов. США и другие западные государства выделяют подавляющий объем средств на исследовательские проекты, аналитические доклады, международные конференции, публикации книг, подготовку студентов и т.д.;

♦ открытость и инновативность американских университетов. Профессора часто становятся сотрудниками государственных учреждений и затем вновь возвращаются к преподаванию, т.е. действует «личная уния». Эту особенность нередко называют синдромом Киссинджера. Кроме того, университеты традиционно были открыты для многочисленных иммигрантов из Европы и других стран, которые привозили с собой другие идеи и образовательные традиции, поэтому среди вроде бы американских теоретиков-международников так много выходцев из Старого Света.

Как следствие, западные теории наиболее систематизированы и аналитически разработаны, что в немалой степени повышает уровень их признания в международном сообществе. Как бы там ни было, 76% авторов в наиболее читаемых журналах о международных отношениях сегодня из США, там же работают 16 из 20 наиболее престижных университетов мира, готовящих международников. При этом до 96% американских международников получают свои ученые степени у себя на родине [Jordan, Malinyak & Oala 2009: 12].

Заметные различия имеются также в понимании самого характера теории международных отношений в США и Западной Европе. Американцы чаще стоят на позициях жесткого позитивистского основания, европейцам присуще более мягкое отношение к теории. Для американской теории весьма важна, в соответствии с требованиями позитивизма, возможность операционализации рассматриваемых действий и феноменов, а также объяснение причинно-следственных связей. Многие европейские исследователи, рассуждая о теории, рассматривают ее как совокупность представлений, которые системно организуют сферу исследований, структурируют задаваемые вопросы и формируют связную и более или менее строгую группу концепций и категорий.

Профессор университета Сьянс По в Париже Бертран Бади следующим образом поясняет нынешнюю ситуацию [Бади 2016: 9—10]. Прежде всего, США и Европа, включая Великобританию, опираются на разные традиции международно-политической мысли. Эти страны вынесли также разный опыт из Второй мировой войны, что надолго предопределило их интересы. Если Соединенные Штаты могли воспринимать силу в качестве источника своей новой гегемонии, то европейцы пребывали под влиянием наследия старой Европы с ее компромиссами и конфронтацией. И без того более скромные масштабы международных исследований в Европе (в США только Ассоциация международных исследований ежегодно собирает на своих конгрессах порядка 5000 участников) демонстрируют преобладающий интерес к историческим прецедентам разобщенного и неоднородного континента и одновременно к вопросам формирующейся интеграции, антропологии, ценностям и культуре. В США международные исследования изначально носят универсалистский и глобалистский характер, отсюда предпочтение, которое отдается рациональности, статистике и количественным методам. Как следствие, «конфигурация теории, которая стала доминирующей, фактически характеризуется сведением всего многообразия путей исторического развития к одной единственной истории, а универсальности — к одной единственной культуре» [Бади 2016: 10], — американской. В то же время такой подход все же долгое время был довольно

ограниченным и односторонним и, в конце концов, речь идет не о естественных, а социальных науках, в которых весьма весомой бывает идеологическая составляющая. Можно согласиться с довольно точным замечанием российского международного В.Б. Кувалдина, что «львиная доля работ по глобальной проблематике создается в узкой социальной среде и отражает ее видение происходящего. Если постепенно фокусировать взгляд на источнике наиболее распространенных представлений о процессах глобализации, то динамика получится следующей: страны Северного полушария, Запад, англоязычный мир, США. Большинство авторов — хорошо образованные белые мужчины среднего возраста, жители городов, воспитанные в иудеохристианской традиции» [Кувалдин 2009: 11—12].

Все так, но необходимо внести одну существенную поправку. Дело в том, что чисто американской теории международных отношений попросту не существует, хотя этот факт настойчиво замалчивается в современной научной литературе. Международные исследования начали проводиться там примерно с середины XIX столетия как часть становления политической науки, однако носили не столько теоретический, сколько эмпирико-прагматический характер. Собственно, теорию в американскую академическую среду привнесли эмигранты из Европы, в основном эмигрировавшие после прихода к власти нацистов в Германии. Карл Дойч, Стэнли Хоффман, Ганс Моргентау, Джон Херц, Арнольд Уолферс самым тесным образом были связаны с институционализацией ТМО в Соединенных Штатах. Стоит отметить также влияние философов, социологов, историков и т.д., которые даже не будучи профессиональными международниками, оказали важнейшее влияние на развитие дисциплины — это Ханна Арендт, Эрик Фегелин, Франц Нойман, Вальдемар Гуриан и др. [Roesch 2014: 1] Как известно, некоторые из эмигрантов вообще отказывались ассимилироваться в новой культуре (Стефан Цвейг, Франц Верфель и т.д.); другие — отказались от традиционного для прежней страны типа мышления, в особенности, покинувшие свои страны в молодом возрасте — Генри Киссинджер, Эрнст Хаас, Стэнли Хоффман; наконец, третьи попытались соединить обе интеллектуальные культуры (и таких было большинство). США продолжают оставаться страной эмигрантов. И сегодня ряды академических исследователей пополняются, но теперь уже за счет выходцев из Восточной Европы, Азии, Латинской Америки и т.д. Поэтому рассуждать о чисто американской науке будет как минимум неверно.

Конечно, по-прежнему, по сравнению с учеными-иностранцами американцы заметно преобладают среди авторов статей и книг, а также участников международных конференций. Из 38 476 опрошенных Элен Луизой Тертон из Шеффилдского университета исследователей 17 171 работали в американских университетах (т.е. 44,62%) [Turton 2016]. Это объясняется, прежде всего, громадными масштабами американской академической и университетской структуры, т.е. имеет не только качественное, но и количественное значение. Тем не менее следует оговориться, что вследствие плюрализма теорий, академический мир отнюдь не гомогенен, неверно сводить все богатство теоретической мысли только к идеологии американской внешнеполитической элиты, другое дело, что уровень влияния журналов, издательств и симпозиумов также отнюдь не одинаков.

Вместе с тем, ситуация не столь однозначна в принципе. Преподаватель университета Шеффилда в Великобритании Элен Луиза Тертон провела интересное исследование устойчивого стереотипа относительно американского доминирования в международных исследованиях. Прежде всего, она выявила, в каком смысле в научной литературе проходят рассуждения непосредственно о доминировании как таковом. По ее мнению, доминирование предполагает: 1) установление интеллектуальной повестки дня; 2) доминирование в дисциплине с теоретической точки зрения; 3) представление группы преобладающих эпистемологических и методологических утверждений, направляющих и поддерживающих большую часть международных исследований; 4) доминирующая группа представлена в большинстве институциональных структур и занимает там наиболее влиятельные позиции; 5) охраняет границы дисциплины, тем самым управляя процессом включения в сферу международных исследований (или исключения из нее) каких-то работ. По мнению ученого, асимметрия в пользу США начинает медленно, но все же последовательно смещаться в пользу специалистов из других стран. Некоторые другие академические сообщества также обретают высокие места в академических рейтингах, становятся привлекательными для студентов, формируют собственные интеллектуальные традиции. Наконец, редколлегии журналов, как правило, носят международный характер. Среди рецензентов также не так уж мало неамериканцев, так что утверждение о том, что американские ученые по-прежнему контролируют принадлежность к международно-политическому научному сообществу, сегодня уже не такая уж уверенная константа. Тем не менее, по ее данным, из всех статей, опубликованных в основных профессиональных журналах с 1999 по 2009 г., 78,1% имели американское происхождение, так же как среди участников четырех крупнейших международных конференций с 2000 по 2011 г. 84,1% были из США [Turton 2016]. Таким образом, если какое-то движение и происходит, то весьма медленное.

НЕЗАПАДНЫЕ ТЕОРИИ

Западная наука международных отношений — побочный продукт развития передовой, технически развитой цивилизации, сумевшей осмыслить свою историю во всей ее противоречивости и неоднозначности. Многие в ТМО универсально и может быть полезным при осмыслении внешнеполитической стратегии, в том числе и незападных государств. Другое дело, что это, очевидно, должно быть результатом самостоятельной рефлексии — бездумное копирование чужих идей и опыта никогда еще не приводило к успеху.

Но это отнюдь не означает, что незападному миру нечего предложить на рынок современных идей. Наоборот, есть и очень даже много. Подобно тому, как исследователи Древнего Рима часто «не замечали» Китай, англоязычные авторы часто заметно ограничивают себя географически и культурно. Незападные ученые имеют другие традиции образования, и они уже во многом оказывают влияние на англо-американскую мысль, в том числе через «личную унию» эмигрантов или публикации, а также лекционные курсы профессоров из других стран. Именно

свежий взгляд, сформировавшийся в другой традиции образования и мышления, уже сегодня позволяет не принимать на веру целый ряд тезисов и постулатов, воспринимаемых нашими коллегами из Англии и США как данность, не требующую доказательств. С этой точки зрения позиция стороннего наблюдателя, пытающегося найти рациональные зерна в англо-американских артефактах, сулит новые открытия. Такая стратегия исследования, разумеется, не освобождает от мифов и искажений, однако одновременно создает новые площадки для уже других фантазий, сюрпризов и удивительных открытий, без чего развитие науки вообще вряд ли возможно.

Кроме того, в последние годы постепенно начинают складываться национальные школы теоретико-международных исследований. Возьмем в качестве примера Китай. После окончания «культурной революции», многолетнего идеологизированного комментирования трудов Мао Цзэдуна, К. Маркса и В.И. Ленина, и открытия после 1980-х гг. КНР миру Китай буквально затопили труды западных теоретиков международных отношений. Дисциплина стала очень популярной, к 2006 г. число исследовательских центров и институтов догнало американские показатели. Однако, как и в некоторых других странах, китайские международные исследования носят не столько академический, сколько практический характер. Имеет значение также и то, что в отличие от Запада Китай никогда не переживал чего-то похожего на Просвещение, в нем не сформировалось длительной традиции рационального, абстрактного анализа. Но означает ли это, что китайские ученые обречены на копирование западных образцов? Отнюдь нет. Не случайно, особенно в последние годы, постоянно предпринимаются попытки придать теоретико-международным исследованиям китайскую специфику через обращение преимущественно к трем сферам: идеологии, модернизации и идеям древнекитайской философии.

Примером последнего подхода может стать такой теоретик, как Чжао Тинъян, предложивший переосмыслить современную глобальную политику на основе идей Конфуция и других древнекитайских мыслителей. Опираясь все же, главным образом, на методологическую основу западного конструктивизма, он сопоставил древнюю китайскую политическую систему с современной мировой системой. По его мнению, современный глобализирующийся мир не имеет собственной идентичности, продолжает считать референтным для себя национальное государство, и поэтому мыслит в интернациональном, а не глобальном духе, т.е. по-прежнему не воспринимает мир как целое. «Политическая философия или политическая наука никогда не будут полными до тех пор, пока перспектива мира как целого не будет в них привнесена, — подчеркивает китайский теоретик. — Только тогда проблемы мировой политики будут полностью поняты. Теория «всех в поднебесной» (all-under-heaven) создана для того, чтобы переосмыслить проблемы мира, такие как мировой порядок и управление, конфликты и сотрудничество, война, мир и культурные столкновения, все они обычно неверно конструируются теориями международных отношений». Как представляется, взгляды Чжао, безусловно, заслуживают внимательного и вдумчивого отношения, прежде всего, с точки зре-

ния другой онтологии, преодолевающей дуалистическое мировоззрение Запада и могут многое дать для разрешения вызовов современной глобализирующейся системе [Zhao Tingyang 2009: 12].

Теория международных отношений останется крайне односторонней также без учета вклада арабских и других мусульманских исследователей, пытающихся соединить достижения современных социальных наук с традициями ислама.

Иными словами, западная гегемония пока сохраняется, но и признаки ее размывания уже довольно заметны. Постепенно формируются сильные национальные школы теории международных отношений в других странах, например в Индии, Китае, на Ближнем и Среднем Востоке. Восточно-азиатские школы международных исследований во многом опираются на традиции английской школы (Хедли Булл и др.), противопоставившей идею международного сообщества системному подходу, широко представленному в научной литературе в США [Little 2000: 395—422]. Азиатские международники стремятся продемонстрировать наличие различных социальных и общественных норм в отличие от анархии и «естественного права» (японская норма — «паназиятство», индийская — неприсоединение, корейская — промежуточность и т.д.).

Это предполагает последовательное расхождение с англо-американским канонem. Ведь, в конечном счете, у каждого сообщества в мире существует собственная специфика восприятия международных процессов и событий. То, что применимо к реальностям западной цивилизации, отнюдь не обязательно отражает мировосприятие в других частях света. Вместе с тем ситуация все же не столь однозначна.

***

Таким образом, западная гегемония пока сохраняется. Другое дело, что довольно часто незападные исследователи лишь пытаются добавить национальную специфику, оставаясь методологически и концептуально в орбите англо-американских школ. Они довольно часто ограничиваются просто заменой терминов, ритуальными ссылками на свои религиозные и культурные традиции, примерами и цитатами мыслителей прошлых веков, но так или иначе принимают (или лишь упрощают) сложившийся канон теории международных отношений. Иными словами, это не альтернатива и всего лишь попытки формулирования локальных внешнеполитических идеологий. Именно в этом одна из причин того, что западная гегемония в области исследований МО продолжает столь мощно влиять на иерархию знаний, перспектив, тем и методов. Как известно, по А. Грамши, доминирование означает модель, воспроизведение которой последователями и эпигонами повышает престиж и, соответственно, силу доминирующего актора. С одной стороны, ничего драматического вроде бы в этом нет. В конце концов, речь идет о науке. Для нас ведь не так уж важно, что какую-то парадигму в физике предложил немецкий исследователь, а в биологии — японский. Кроме того, мы вряд ли заинтересованы в том, чтобы одновременно получить 200 различных теорий международных отношений.

Наконец, мы всегда должны помнить о разнице между теорией и идеологией, которая в самом общем виде может быть сформулирована следующим образом: теория — это, прежде всего, научное осмысление реальности, и коль скоро это так, на нее распространяется известный принцип Рене Декарта «подвергай все сомнению». Она не только строится на основе научной, аристотелевской, а не повседневной логики, она по определению диалогична и не просто предполагает, но настоятельно требует дискуссии, спора, опровержения, иначе говоря, тех самых сомнений. И, соответственно, доказательств, аргументов, четко сформулированных методов. Когда же теория становится однозначно зафиксированной, непреложной, неоспоримой, не терпит диалога и настаивает на вере в непогрешимость и моральную оправданность собственных представлений — она превращается в идеологию. Идеолог закрыт для дискуссии, он верит в истинность своих постулатов и искренне полагает, что все, не разделяющие его точку зрения, — враги, носители зла, в лучшем случае заблуждающиеся глупцы; поэтому он всегда авторитарен, ибо исповедует секулярную (светскую) религию. Разве не это происходит нередко со многими теориями международных отношений, которые более уже не терпят оспаривания и альтернативных мнений и становятся официальной доктриной того или иного государства или непреложным мнением какой-то группы профессоров?

Поэтому однозначно оценивать все теоретические исследования в сфере международных отношений на Западе как идеологию этой группы государств совершенно неверно, равно как и отстаивать априорную правильность и ценность любых незападных теорий. Нужен жесткий, последовательный критический анализ всего того, что наработано в этой сфере и на Западе, и вне его. Принимая уже достигнутое в этой сфере, следует принимать и то новое, что появляется, причем не только на Востоке, но и на все том же Западе. Другое дело, что, вступая в новый мир, задумаемся о том, что весьма вероятно, что ключом к его осмыслению скорее всего станет не статистика, а деконструкция.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексева Т.А.* Современная политическая мысль (XX—XXI вв.). Политическая теория и международные отношения. М.: Аспект-пресс; 2016.
- Бади Б.* Возобновление истории? // *Международные процессы*. 2016. Т. 14. № 2 (45). С. 6—22.
- Баталов Э.Я.* Американская политическая мысль XX века. М.: Прогресс-Традиция; 2014.
- Зубок В., Ширяев Э.* Введение к хрестоматии // *Современная наука о международных отношениях за рубежом* / Под ред. И.С. Иванова. В 3 т. М.: РСМД; 2015. Т. 1.
- Кувалдин В.Б.* Глобальный мир: экономика, политика, международные отношения. Москва: Магистр; 2009.
- Aron R.* Paix et Guerre entre les nations. Paris; 1984.
- Ashworth L.* A History of International Thought. From the Origins of the Modern State to Academic International Relations. NY: Routledge; 2014.
- Cox R.* Social Forces, States, and World Orders: Beyond International Relations Theory // *Millennium-Journal of International Studies*. 1981. N 10. P. 126—155.
- Dunne T., Hansen L., Wight C.* The End of International Relations Theory? // *European Journal of International Relations*. 2013. N 19 (3). P. 405—425.

- Hobson J.M.* The Eurocentric Conception of World Politics. Western International Theory. 1760—2010. Cambridge: Cambridge University Press; 2012.
- Hoffman S.* An American Social Science: International Relations. In: Janus and Minerva: Essays in the Theory and Practice of International Politics. Ed. by Stanley Hoffman. Boulder, CO: Westview Press; 1987. pp. 3—24.
- Jordan R., Malinyak D., Oala O. et al.* One Discipline or Many? TRJR Survey of IR Faculty in Ten Countries. In: Teaching Research and International Policy Project. Research and International Policy Project. N.Y.: Institute for the Theory and Practice of International Relations: The College of William and Mary; 2009.
- Little R.* The English Schools' Contribution to the Study of International Relations // European Journal of International Relations. 2000. Vol. 6. N 3. P. 395—422.
- Quirk J., Vigneswaran D.* The Construction of Edifice. The Story of a First great debate // Review of International Studies. 2005. Vol. 31. N 5. P. 89—107. DOI: 10.1017/s0260210505006315.
- Roesch F.* Émigré Scholars and the Genesis of International Relations. A European Discipline in America? London: Palgrave Macmillan; 2014.
- Said E.* Orientalism. London: Penguin Books; 2003.
- Thies C.G.* Progress, History and Identity in International Relations Theory: The Case of Idealist-Realist Debate // European Journal of International Relations. 2002. Vol. 8 (2). P. 147—185.
- Turton H.L.* International Relations and American Dominance: A Diverse Discipline. Sheffield: University of Sheffield Press; 2016.
- Vitalis R.* The Graceful and Generous Liberal Gesture: Making Racism Invisible in American International Relations // Millennium: Journal of International Studies. 2000. N 29 (2). P. 331—356.
- Zhao Tingyang.* A Political World Philosophie in Terms of All-under-heaven (Tian-xia) // Diogenes. 2009. N 56. URL: <http://www.zhongdaonet.com/NewsInfo.aspx?id=4992> (accessed: 12.02.2016).

Дата поступления статьи: 14.03.2017

Для цитирования: Алексеева Т.А. «Запад» и «не Запад» в пространстве теории международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 217—232.

Сведения об авторе: Алексеева Татьяна Александровна — д-р филос. наук, канд. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории Московского государственного института международных отношений МИД РФ (e-mail: ataleks@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232

“THE WEST” AND “NON-WEST” IN THE SPACE OF INTERNATIONAL RELATIONS THEORY

T.A. Alekseeva

MGIMO University of Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. Recently the question of “pro-Western” orientation of the IR theory turned to become in the center of the academic discussions. Its critics as well as the adherents of “non-Western” theories are partly right. Really, during more than one and a half century the theory of international relations, born and developed mostly in the West had been mostly supporting the ideas, being forms first in Europe, later

in the USA. The Anglo-Saxon authors are still dominating in the discipline, not only quantitatively (the huge scale of the publications of literature and professional magazines in English plus influence of the universities and scientific centers) as well as qualitatively (impressive financing opens the possibilities for the working out of the new ideas and the development of the ideas of different “schools” of thought — political realism, liberalism, constructivism, postmodernism, post-Marxism etc.). In the theories of IR was felt ideological biases. But on the wave of decolonization and later, in the context of the rising of Asian and other countries in world politics, the “Western” dominance was challenged by the IR-scholars from PR of China, India etc., who try to construct their own theories of international relations. The balance is slowly but continuously changing. But “Non-Western” theories are also not free from the ideological biases. Quite often they reject or severely criticize “Western” theories just because of their origin. Even more often they in fact continue to develop the same “Western” ideas, just adding to them the local thinker’s names or mentioning some national traditions or religious and cultural heritage. But if the Theory of international relations is a science, strictly speaking, in what country its main personalities were born and what language they were speaking, is not important. Obviously, the elements of ideology would be present. Just like any other social science, which deals not only with structures, but with human beings as well, it would be inevitably ideological. But it does not mean that theory may be identified with ideology. To solve this problem is possible through deconstruction of the theories, their “cleaning” of too obvious ideological moments — so the position of the IR scholar has to be *a priori* critical but preserving already achieved essence.

Key words: eurocentrism, theory of international relations, US domination, “non-West”, “West”, ideology, science

REFERENCES

- Alekseeva, T. A. (2016). *Contemporary Political Thought (20—21 c.). Political Theory and International Relations*. Moscow: Aspekt-press. (In Russ.).
- Aron, R. (1984). *Paix et Guerre entre les nations*. Paris.
- Ashworth, L. (2014). *A History of International Thought. From the Origins of the Modern State to Academic International Relations*. New York: Routledge.
- Badie, B. (2016). Has History Restarted? *International Trends*, 14, 2 (45), 6—22. (In Russ.).
- Batalov, Je. Ja. (2014). *American Political Thought of the 20 c.* Moscow: Progress-Tradiciija. (In Russ.).
- Cox, R. (1981). Social Forces, States, and World Orders: Beyond International Relations Theory. *Millennium-Journal of International Studies*, 10, 126—155.
- Dunne, T., Hansen, L. & Wight, C. (2013). The End of International Relations Theory? *European Journal of International Relations*, 19 (3), 405—425.
- Hobson, J. M. (2012). *The Eurocentric Conception of World Politics. Western International Theory. 1760—2010*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hoffman, S. (1987). An American Social Science: International Relations. In: *Janus and Minerva: Essays in the Theory and Practice of International Politics*. Ed. by Stanley Hoffman. Boulder, CO: Westview Press, pp. 3—24.
- Jordan, R., Malinyak, D. & Oala, O., et al. (2009). One Discipline or Many? TRJR Survey of IR Faculty in Ten Countries. In: *Teaching Research and International Policy Project. Research and International Policy Project*. New York: Institute for the Theory and Practice of International Relations: The College of William and Mary.
- Kuvaldin, V. B. (2009). *The Global World: economics, politics, international relations*. Moscow: Magistr. (In Russ.).
- Little, R. (2000). The English Schools’ Contribution to the Study of International Relations. *European Journal of International Relations*, 6 (3), 395—422.
- Quirk, J. & Vigneswaran, D. (2005). The Construction of Edifice. The Story of a First great debate. *Review of International Studies*, 31 (5), 89—107. DOI: 10.1017/s0260210505006315.
- Roesch, F. (2014). *Émigré Scholars and the Genesis of International Relations. A European Discipline in America?* London: Palgrave Macmillan.

- Said, E. (2003). *Orientalism*. London: Penguin Books.
- Thies, C. G. (2002). Progress, History and Identity in International Relations Theory: The Case of Idealist-Realist Debate. *European Journal of International Relations*, 8 (2), 147—185.
- Turton, H. L. (2016). *International Relations and American Dominance: A Diverse Discipline*. Sheffield: University of Sheffield Press.
- Vitalis, R. (2000). The Graceful and Generous Liberal Gesture: Making Racism Invisible in American International Relations. *Millennium: Journal of International Studies*, 29 (2), 331—356.
- Zubok, V. & Shirjaev, Je. (2015). Introduction to Reader. In: *Contemporary Science of International Relations Abroad*. Ed. by I. S. Ivanov. In 3 Vol. Moscow: RSMD, pp. 14—31. (In Russ.).

Received: 14.03.2017

For citations: *Alekseeva T.A.* “The West” and “Non-West” in the Space of International Relations Theory. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 217—232.

About the author: *Alekseeva Tatyana Aleksandrovna* — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Theory of MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (e-mail: ataleks@mail.ru).

© Алексеева Т.А., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-233-245

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ОКтябрьСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ИСТОКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

С.А. Ланцов, И.С. Ланцова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

В статье анализируются идейные истоки советской внешнеполитической практики после победы Октябрьской революции 1917 г. Отмечается, что у марксистской и либеральной концепций международной политики имелись общие корни, что предопределило схожесть предложений о мирном урегулировании, выдвинутых после Октябрьской революции русскими большевиками и соответствующими предложениями президента США В. Вильсона.

В статье обращается внимание на то, что лидеры Октябрьской революции изначально рассматривали ее как составную часть мировой революции. Поэтому надежда на успех мировой революции стала фактором, определившим как внутреннюю, так и внешнюю политику Советской России. В статье отмечается, что ленинская концепция мировой революции предполагала тесную связь рабочего движения с национально-освободительными движениями в колониальных и полуколониальных странах. Такое сотрудничество стало важным направлением советской внешней политики, хотя в разные периоды советской истории степень внимания к национально-освободительным движениям была неодинаковой и зависела от внешнеполитической ситуации, в которой находился Советский Союз. Вместе с тем указывается, что при всей противоречивости внешней политики СССР, которая была обусловлена как идеологическими, так и геополитическими факторами, в ней всегда присутствовала готовность поддерживать принцип национального самоопределения, что фактически осталось в наследство от внешнеполитической платформы Октябрьской революции. В результате СССР внес существенный вклад в ликвидацию колониальной системы и тем самым способствовал изменению характера мировой политики и международных отношений в XX в.

Ключевые слова: Октябрьская революция, мировая политика, марксизм, либерализм, право наций на самоопределение, мировая революция, национально-освободительное движение

Октябрьская революция 1917 г. от многих других революций, в том числе и февральской революции 1917 г., отличалась тем, что была результатом осознанной деятельности большевистской партии и ее вождей — В.И. Ленина и Л.Д. Троцкого. Помимо внутрироссийской повестки дня программная платформа Октябрьской революции имела не менее, а даже более обширную международную повестку. Идеологической основой стратегии и тактики большевиков при подготовке и осуществлении октябрьского переворота был революционный марксизм в его ленинской интерпретации. В конечном итоге одним из результатов октябрьских событий стало превращение ленинской версии марксизма в одно из самых влиятельных идеологических течений XX в. — марксизм-ленинизм. На многие десятилетия эта идеология стала основой теории и практики внешнеполитической стратегии нашей страны.

Изначально в рамках марксизма была дана новая трактовка международной политики, радикально отличавшаяся от устоявшихся к середине XIX в. представ-

лений. Для К. Маркса и Ф. Энгельса всякая политика, в том числе и международная — это, прежде всего, взаимоотношение классов. Кроме того, политические отношения, как и другие надстроечные явления, находятся под влиянием базиса, т.е. экономических отношений. Все это относится, по мнению основоположников марксизма, и к международной политике. Но марксистская концепция международной политики формировалась не на пустом месте, а базировалась на теоретическом фундаменте, заимствованном К. Марксом у своих предшественников. Общеизвестно, что одним из источников марксизма была классическая немецкая философия, но было бы ошибочно рассматривать философские идеи Г. Гегеля и И. Канта только в качестве основы философии марксизма. Наследие Г. Гегеля и И. Канта стало источником формирования марксистского подхода к анализу международных отношений.

В области внешнеполитической мысли Г. Гегель был ярким представителем политической традиции, идущей от древнегреческого мыслителя Фукидида. Так же, как и другие реалисты Г. Гегель не верил в бесконфликтное развитие международных отношений и полагал, что войны и конфликты неизбежны, пока исторический процесс не придет к своему окончательному логическому завершению. Поэтому мыслитель критически оценивал идеи сторонников возможности «вечного мира» и, прежде всего, идеи И. Канта.

Вслед за Г. Гегелем К. Маркс и его последователи также негативно оценивали так называемый буржуазный пацифизм [Маркс 1960а]. С марксистской точки зрения, надеяться на «вечный мир», пока власть находится в руках эксплуататорских классов — утопия. Поскольку войны соответствуют интересам эксплуататоров, они неизбежны. Такое положение будет сохраняться долго, но не вечно. По сути, К. Маркс заимствовал у Г. Гегеля идею «конца истории», но обосновал ее по-своему, меняя знак с плюса на минус. То, что Г. Гегель называл историей, т.е. реальный процесс общественного развития, К. Маркс и Ф. Энгельс определяли, как предысторию человечества, для которой характерны существование классов и классовая борьба [Маркс 1955]. Это вполне соотносится с гегелевским положением о борьбе противоположностей именно в период истории как процессе становления абсолютного духа.

Так же как у Г. Гегеля история в конечном счете завершается, завершается предыстория и у К. Маркса, т.е. конец истории для Гегеля суть начало истории для Маркса. И с завершением предыстории начнется подлинная история человечества, которую Маркс связывал с переходом к грядущему коммунистическому обществу и устранением конфликтов и противоречий, в том числе присущих международным отношениям. Данный пункт марксистской концепции фактически совпадает не с реалистической, а с либеральной концепцией, предусматривавшей коренную перестройку международных отношений. В манифесте, посвященном созданию I Интернационала, К. Маркс и Ф. Энгельс почти дословно воспроизвели слова И. Канта о том, что «простые нормы нравственности и справедливости», которыми руководствуются люди в своей частной жизни, станут и основой отношений между целыми странами и народами [Маркс 1960b]. И. Кант связывал наступление «вечного мира» с моральным совершенствованием общества и чело-

века, К. Маркс и Ф. Энгельс полагали возможным его достижение вместе с победой пролетариата и торжеством коммунизма. Путь к такому состоянию общественных отношений лежит через классовую борьбу и коммунистическую революцию, которая неизбежно приобретет всемирный характер. Ф. Энгельс писал: «Она есть всемирная революция и будет поэтому иметь всемирную арену» [Энгельс 1955: 334].

По мнению Ф. Энгельса, коммунистическая революция неизбежно приведет не только к ликвидации частной собственности и классов, но будет способствовать стиранию границ, национальных различий и объединению человечества в единую универсальную общность [Энгельс 1955: 334]. До победы же коммунистической революции, полагали основоположники марксизма, у пролетариев «не было отечества», а были общие во всех странах интересы борьбы против космополитической по своему духу буржуазии. С одной стороны, признавая неизбежность вооруженных конфликтов и войн при капитализме, с другой стороны, марксисты считали необходимым бороться против военной опасности, примыкая в этом вопросе к либеральным пацифистам. Но, в отличие от последних, сторонники марксистского учения должны были, как полагал Ф. Энгельс в конце своей жизни, использовать военные трудности буржуазных правительств для их свержения и перерастания развязанной буржуазией войны в войну гражданскую. Следствием большой европейской войны будет «всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса» [Энгельс 1961: 361].

Таким образом, марксистская концепция международной политики была достаточно четко сформулирована. Начиная с создания в 1864 г. I Интернационала, марксистское рабочее движение постоянно подтверждало верность внешнеполитическим принципам своих духовных отцов — К. Маркса и Ф. Энгельса. Накануне Первой мировой войны на конгрессах II Интернационала в соответствии с марксистскими установками была определена стратегия социал-демократических партий по противодействию военной угрозе [Всемирная... 1997: 100—114]. Однако большинство партий, вошедших во II Интернационал, не стали сохранять верность изначальным принципам марксизма. Одной из немногих социал-демократических партий, оставшихся на марксистской платформе в оценке начавшейся войны, оказались русские большевики во главе с В.И. Лениным. Причем Ленин не только сохранил приверженность марксистскому внешнеполитическому наследию, но и существенно его скорректировал по целому ряду пунктов.

Правда, сам он, насколько можно судить по содержанию его работ, долгое время не уделял внимания международно-политическим проблемам. Ленина больше заботили внутривнутриполитические проблемы России, российского и международного социал-демократического движения. Внимание к внешнеполитической проблематике появляется лишь в начале второго десятилетия XX в., и обусловлено оно ситуацией, сложившейся на Балканском полуострове. События двух балканских войн вызвали повышенный интерес лидера большевиков к национальному вопросу в целом и к проблеме национального самоопределения, в частности [Ленин 1968; Ленин 1973b; Ленин 1969d].

Изначально принцип права наций на самоопределение был обоснован Дж. Бен-тамом и входил, таким образом, в либеральную программу перестройки международных отношений в качестве одного из ее пунктов. Надо сказать, что далеко не все сторонники либеральных идей разделяли в начале XX в. идеи самоопределения, но и большинство марксистов не уделяло им особого внимания. Более того, некоторые радикально настроенные марксисты полагали, что обращение к национальной проблематике будет отвлекать социал-демократов от главного — революционной классовой борьбы.

Пристальное внимание на проблемы международной политики В.И. Ленин обратил в период Первой мировой войны. С одной стороны, масштаб войны заставлял задуматься о ее причинах и последствиях, с другой стороны, у вождя большевиков, живущего вдали от России и отрезанного от нее линиями фронтов, высвободилось время для теоретических изысканий. Основываясь на классической марксистской установке о необходимости использовать сложившуюся ситуацию для «превращения империалистической войны в войну гражданскую», В.И. Ленин существенно дополнил идеи К. Маркса и Ф. Энгельса о мировой революции.

Как уже отмечалось, положение о всемирном масштабе грядущей коммунистической революции изначально присутствовало в марксистской доктрине. Но данная социально-философская идея требовала оформления и в виде конкретной политической программы. К. Маркс и Ф. Энгельс, по сути, ограничивали «мировую революцию» лишь европейскими рамками, поскольку увязывали взрывание предпосылок социалистической революции с развитием капитализма. А капитализм в XIX в. был представлен преимущественно Европой, следовательно, и границы «всемирной революции» пролегли по европейскому континенту. Начало же революционного процесса должно было состояться не в главной капиталистической стране того времени — Англии, а там, где созреет наиболее острый социально-политический кризис. Сначала в этом ракурсе рассматривалась Франция, затем Германия, а в конце жизни Ф. Энгельса — Россия [Энгельс 1961: 5—6].

Относительно всего неевропейского мира прогнозы Ф. Энгельса были весьма расплывчатыми. В письме к К. Каутскому он лишь констатировал, что «освобождающийся пролетариат не может вести колониальных войн» [Энгельс 1964: 297].

Большинство западноевропейских социал-демократов эволюционировало в реформистском направлении, их не интересовала проблематика мировой революции. В леворадикальном крыле российской социал-демократии интерес к идее мировой революции сохранял Л.Д. Троцкий, но трактовал он эту проблему в духе классического наследия К. Маркса и Ф. Энгельса. Принципиально новой по вопросу о мировой революции оказалась точка зрения В.И. Ленина, оформившаяся в его работах периода 1915—1916 гг. [Ленин 1969с; Ленин 1969а; Ленин 1973а]. Ленинская концепция мировой революции опиралась на его же теорию империализма. Хотя экономический раздел теории империализма В.И. Ленина не был самостоятельным и оригинальным, а представлял собой компиляцию выводов теоретиков австромарксизма, принципиально новыми стали политические выводы, сделанные вождем большевиков.

Констатировав, что в XX столетии капитализм превратился в глобальную систему, охватившую весь мир, В.И. Ленин определил это состояние как «канун социалистической революции». Но поскольку уровень социально-экономического развития разных стран остается различным и это различие увеличивается, постольку всемирная социалистическая революция будет неоднородным, сложным по своей структуре процессом, «ибо думать, что *мыслима* социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии *со всеми ее предрассудками*, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс, против помещичьего, церковного, монархического, национального и т.п. гнета, — думать так значит *отрекаться от социальной революции*» [Ленин 1973а: 54]. Как полагал В.И. Ленин, «социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях*» [Ленин 1973с: 112].

Начало всемирному революционному процессу, по мнению В.И. Ленина, даст некий первотолчок. Хотя, как и другие русские революционеры, еще в начале 1917 г. В.И. Ленин не видел близких перспектив для русской революции, но после ее начала он стал говорить об открывающихся возможностях громадных перемен не только в России, но и во всем мире. Уже «Апрельские тезисы» нацеливали большевистскую партию на завоевание политической власти, имея в виду перспективы распространения революции и на другие воюющие европейские страны [Ленин 1969b]. Вспоминая через несколько лет ситуацию, сложившуюся в 1917 г. в России, В.И. Ленин писал: «Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции невозможна» [Ленин 1970b: 36]. Поэтому после захвата власти в октябре 1917 г. внешнеполитическая деятельность большевиков была ориентирована в этом направлении. В частности, первые инициативы большевиков в сфере международной политики должны были показать пример решения наиболее острой проблемы того периода — определение условий выхода из войны и послевоенного мирного урегулирования.

Предложение о «мире без аннексий и контрибуций», а также провозглашение права наций на самоопределение должны были усилить антивоенные настроения в воюющих странах и тем самым способствовать развитию в них революционного движения. Однако ряд важнейших положений внешнеполитической программы большевиков совпал с обнародованными вскоре после Октябрьской революции 14 пунктами плана мирного урегулирования президента США В. Вильсона. Американский историк Дж. Гэддис справедливо отмечал: «Мы имеем дело по-своему с точно таким же амбициозным сценарием, как и у большевиков. Львиная часть последующей истории XX в. развивалась под знаком столкновения этих двух идеологий — Вильсон против Ленина, и обе они стали составным элементом мировой политики в течение двух с половиной месяцев, которые отделяли большевистский переворот ноября 1917 г. от послания президента Вильсона Конгрессу о «14 пунктах» в январе 1918 г.» [Gaddis 1997: 5].

Весьма авторитетный американский ученый, представитель неомарксистского направления анализа мировой политики и международных отношений И. Валлерстайн также обращал внимание на сходство концепций Вудро Вильсона и Владимира Ленина. «Ленинизм, великий оппонент либерал-социализма на национальном уровне, — отмечал И. Валлерстайн, — с переходом на мировой уровень начинал выглядеть подозрительно похожим на либерал-социализм» [Wallerstein 1991: 11]. На этом основании И. Валлерстайн в своих работах нередко ставит знак равенства между ленинизмом и вильсонизмом [Валлерстайн 2001: 153].

Схожесть внешнеполитических программ В. Вильсона и В.И. Ленина вполне объяснима, если вспомнить, что изначально марксистская и либеральная концепции международных отношений имели общие точки соприкосновения. Но принципиальное различие между русским большевизмом и западным либерализмом заключалось в том, что представленная В. Вильсоном программа была лишь декларацией о намерениях по вопросу о перестройке международных отношений, а ленинский Декрет о мире являл собой одно из средств продвижения к главной цели — коммунистическому переустройству мира посредством мировой революции.

Правда, в первые годы после Октябрьской революции представления большевиков о характере мировой революции были ближе к классической схеме К. Маркса и Ф. Энгельса, чем к концепции, разработанной В.И. Лениным в 1915—1916 гг. «Мировая революция» виделась большевикам как процесс, который должен охватить ведущие европейские страны, втянутые в Первую мировую войну. Надо сказать, что ожидания большевиков отчасти оправдались, революционные потрясения охватили многие из участвовавших в войне государств. Но главного, на что рассчитывали большевики, — победы пролетариата в передовых европейских странах не произошло. Когда это стало ясно, стратегия большевиков и Коммунистического интернационала принципиально переменялась. Теперь в качестве важнейшего направления развития мирового революционного процесса стали рассматриваться страны Востока. В.И. Ленин вновь обратился к собственным идеям, обнародованным им еще в годы Первой мировой войны. Выступая перед делегатами II съезда Коммунистических организаций народов Востока в 1919 г. он заявил, что «социалистическая революция не будет только и главным образом борьбой революционных пролетариев в каждой стране против своей буржуазии, — нет, она будет борьбой всех угнетенных империализмом колоний и стран, всех зависимых стран против международного империализма» [Ленин 1970а: 327]. Речь теперь шла о необходимости союза между рабочим и национально-освободительными движениями. В соответствии с такими установками Коминтерн развернул работу по созданию коммунистических партий там, где до Первой мировой войны о влиянии марксизма не могло быть и речи. Советская Россия стремилась поддерживать самые разнообразные национальные движения, независимо от их идейно-политической ориентации. Помощь от Москвы получали и китайские гоминьдановцы во главе с Сунь Ятсеном, и турецкие кемалисты во главе с Ататюрком. Советская Россия стала первым иностранным государством, официально признавшим независимость Афганистана. Хотя идейные взгляды, а также политика и Кемали Ататюрка, и афганского короля Аммануллы-хана не имели ничего

общего с коммунистической доктриной, ленинское утверждение об «объективно прогрессивном содержании национализма угнетенной нации» [Ленин 1969d: 275—276] обеспечивало им поддержку со стороны Советской России. В марте 1919 г., когда в Корее прошли массовые акции протеста против колониальной политики японских властей, советские газеты широко освещали данное событие. 26 июля 1919 г. советское правительство выступило со специальным обращением к угнетенному народу Кореи, в котором содержался призыв «влиться в общий поток международной борьбы против угнетения и колониального порабощения!» [Ли 2000: 210].

Следует признать, расчет на быстрое продвижение революционного процесса на Востоке также не оправдался. К моменту смерти В.И. Ленина внешнеполитическая ситуация вокруг СССР оказалась совсем не похожей на ту, которую предрекали лидеры Октябрьской революции в 1917 г., поэтому им пришлось менять внешнеполитическую практику. Кроме того, после окончания гражданской войны стало ясно, что политика военного коммунизма зашла в тупик. Переход к новой экономической политике требовал восстановления международных хозяйственных связей и нормализации отношений с внешним миром. Еще при жизни В.И. Ленина была сформулирована идея мирного сосуществования Советской России с капиталистическим окружением [Ленин 1970а: 300—304]. После смерти В.И. Ленина курс на нормализацию отношений с внешним миром стал проводиться под руководством И.В. Сталина. Политика мирного сосуществования должна была обеспечить условия для реализации планов технологической модернизации России, что фактически являлось основным содержанием стратегии «построения социализма в отдельно взятой стране».

Изменение векторов советской внутренней и внешней политики вызвало бурный протест со стороны потерпевшего поражение во внутривластной борьбе Л.Д. Троцкого. Он рассматривал сталинский курс на построение социализма в «отдельно взятой стране» как ревизию идей К. Маркса и В.И. Ленина, измену делу мировой революции [Троцкий 1991]. На самом деле ни о какой измене марксистско-ленинской доктрине со стороны И.В. Сталина речь не шла. Сталинская внешнеполитическая стратегия, в том числе в отношении места и роли Коминтерна, определялась прагматическими соображениями. В теоретическом аспекте программа Коминтерна, которая была принята на VI конгрессе Коминтерна в 1928 г. и которую остро критиковал Л.Д. Троцкий [Троцкий 1991: 64—118] не только не шла вразрез с идеями марксизма-ленинизма, но полностью была основана на ленинской концепции мировой революции, разработанной в 1915—1916 гг. Другое дело, что соотношение геополитических и идеологических факторов, определявших внешнюю политику СССР с конца 1920-х гг., стало меняться в пользу первых. На практике это означало, что государственные интересы СССР становились для его руководства более приоритетными, а идеи мировой революции и воплощавший эти идеи Коминтерн отходили на второй план.

Хотя говорить о полной деидеологизации внешней политики Советского Союза в 1930-е гг. было бы неверно. СССР оставался верен целому ряду ранее провозглашенных принципов, например, принципу поддержки национально-освободительных движений. Но пользовалось этим принципом руководство страны

избирательно, в зависимости от складывающейся геополитической обстановки и в соответствии с текущими интересами СССР. Например, помощь Советского Союза Китаю в отражении японской агрессии в конце 1930-х гг. отвечала интересам обеспечения безопасности страны, поскольку милитаристская Япония была главной угрозой для нас на Дальнем Востоке. Синтез марксистских идей с традиционными геополитическими интересами и устремлениями дореволюционной России был в целом характерен для внешнеполитической концепции И.В. Сталина и основанной на этой концепции внешней политики СССР с конца 1930-х гг. по начало 1950-х гг. XX в. [Капченко 2005; Ланцов 2015]. Для И.В. Сталина идея мировой революции должна была воплотиться в процесс расширения влияния Советского Союза по периметру его рубежей, включая и территориальное расширение границ. В этом процессе И. Сталин предпочитал опираться в первую очередь на собственные ресурсы, а роль зарубежных коммунистических партий становилась все более маргинальной. На этом фоне роспуск Коминтерна в 1943 г., обусловленный конкретными соображениями сохранения союзнических отношений в рамках антигитлеровской коалиции, выглядит вполне логичным.

В результате победы во Второй мировой войне Советский Союз начинает превращаться в одну из сверхдержав, определивших структуру международных отношений на много десятилетий. Вместе с партнерами по антигитлеровской коалиции — США, Великобританией, а затем и Францией — СССР сыграл решающую роль в формировании послевоенного международного порядка. Этот международный порядок, оформленный на Ялтинской и Потсдамской конференциях, закрепленный принятием Устава ООН на конференции в Сан-Франциско, во многом был основан на старой либеральной идее перестройки международных отношений. Поскольку либеральный и марксистский проекты имели, как отмечалось выше, точки пересечения, Советский Союз участвовал в формировании послевоенного мироустройства, не изменяя своим идейным принципам. Следует подчеркнуть, что СССР оказался более последовательным в реализации некоторых положений нового миропорядка, чем его западные партнеры. Так, Советский Союз в послевоенные годы последовательно выступал за реализацию принципа национального самоопределения, в то время как колониальные державы Великобритании и Франция препятствовали этому. США заняли противоречивую позицию. С одной стороны, Соединенные Штаты поддерживали принцип национального самоопределения, например, в случае образования государства Израиль, с другой стороны, они вынуждены были считаться с интересами своих западноевропейских союзников. В частности, США ввязывались на их стороне во многие конфликты, возникавшие в тот период в колониальном мире. Это вытекало из логики формирования биполярной системы международных отношений и социально-политического и идеологического размежевания в мировой политике.

Постепенно прагматические тенденции, свойственные внешней политике СССР во времена И.В. Сталина, начали ослабевать. В последние годы жизни И.В. Сталин и его окружение упрощенно и искаженно воспринимали внешний мир. Показательно в этом отношении выступление близкого соратника И.В. Сталина А.А. Жданова на совещании ряда коммунистических партий в 1947 г., который заявил: «Образовалось два лагеря — лагерь империалистический и антидемократический,

имеющий своей основной целью установление мирового господства американского империализма и разгром демократии, и лагерь антиимпериалистический и демократический, имеющий своей основной целью подрыв империализма, укрепление демократии и ликвидацию остатков фашизма» [Информационное... 1949: 6—7]. Такой черно-белый взгляд явно контрастировал с ленинской концепцией международной политики, которая предполагала учет и использование разнообразных политических сил, пусть даже далеких от идей коммунизма. В результате упрощенного восприятия ситуации за пределами СССР в Москве не увидели и не оценили ряд важных тенденций, проявившихся в мировой политике в конце 40-х — начале 50-х гг. XX в., в частности, не обратили должного внимания на развитие национальных движений на периферии международной системы. После смерти И.В. Сталина советская внешняя политика претерпела существенные изменения. С одной стороны, новое руководство предприняло меры для некоторой нормализации отношений с западными державами и урегулирования ряда вооруженных конфликтов, прежде всего в Корее и Индокитае. С другой стороны, начался процесс установления контактов с лидерами государств бывшего колониального мира, в частности, Дж. Неру, Сукарно, Г.А. Насером, которых в прошлом либо игнорировали, либо считали реакционерами [Stoessinger 1986: 82—86]. Правда, процесс десталинизации в области внешней политики оказался противоречивым. Наряду с реалистическими тенденциями в этой сфере обнаружились и тенденции реидеологизации, что отчетливо проявилось в принятой в 1961 г. XXII съездом КПСС новой Программы партии. Под термином «мировой революционный процесс» вновь возрождалась идея мировой революции в ее ленинском понимании. Среди движущих сил мирового революционного процесса наряду с мировой системой социализма и международным рабочим движением в Программе КПСС было названо и национально-освободительное движение¹. Рубеж 50—60-х гг. XX в. был ознаменован кризисом и крушением колониальной системы, появлением в мировой политике десятков новых независимых государств. Советский Союз в значительной степени способствовал этому.

***

Во внешней политике СССР отношения со странами третьего мира стали приобретать особое значение начиная с 60-х гг. XX в. Как полагает упомянутый выше И. Валлерстайн, именно с этого момента начинается активная конкуренция двух моделей развития бывших колоний [Wallerstein 1990]. Западная модель восходит к идеям В. Вильсона, советская модель основана на работах В.И. Ленина. Обе модели имеют сходство, поскольку обе предусматривают возможность национального самоопределения и помощь развитию освободившихся стран. Однако эти модели различаются по их конечным ориентирам. Западная модель ведет к рыночной экономике и либеральной демократии, советская модель ориентирует на построение социалистического общества через некапиталистический путь развития.

¹ Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М.: Госполитиздат, 1973.

Последствия активной политики СССР в странах третьего мира, далеко за пределами традиционных геополитических интересов российского государства были двоякими. С одной стороны, авторитет и влияние Советского Союза, последовательно поддерживавшего национально-освободительные движения вплоть до конца 1970-х гг., в странах Азии и Африки неуклонно возрастали. С другой стороны, внешнеполитическая активность, детерминированная в значительной степени идеологическим фактором, требовала все большего объема ресурсов, что становилось серьезной проблемой для СССР. В конечном итоге непомерные расходы на внешнюю политику и оборону заставили в середине 1980-х гг. выдвинуть идею «нового мышления», которое означало деидеологизацию советской внешней политики и это было совершенно обосновано. Однако данный курс содержал в себе серьезный методологический просчет, выдвигая в качестве основы внешней политики не классовые, а общечеловеческие ценности, забывая при этом о национально-государственных интересах. Фактически это были отголоски утопических идей, которыми руководствовались большевики, совершая в 1917 г. октябрьский переворот. В результате реализации внешней политики, основанной на новом мышлении, были допущены серьезные ошибки, негативные последствия которых наша страна испытывает до сих пор. В то же время внешнеполитическая программа Октябрьской революции содержала и вполне рациональные положения, способствовавшие существенной перестройке международных отношений в XX в., а именно принципы национального самоопределения и деколонизации, равноправия народов и мирного сосуществования. Достигнутые в результате реализации во внешнеполитической деятельности СССР этих принципов успехи могут и должны рассматриваться как один из источников «мягкой силы» современной России в мировой политике.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер. с англ. П.М. Кудюкина; Под ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга; 2001.
- Всемирная история: В 24 т.* Т. 19: Первая мировая война / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек и др. Минск: Литература; 1997.
- Информационное совещание представителей некоторых компартий в Польше в конце сентября 1947 года. М.: Госполитиздат; 1948.
- Капченко Н.* Внешнеполитическая концепция Сталина // *Международная жизнь*. 2005. № 9. С. 100—121.
- Ланцов С.А.* Внешнеполитическая стратегия СССР накануне и в начальный период Второй мировой войны: геополитические и идеологические факторы // *Вестник СПбГУ. Серия 6*. 2015. Вып. 3. С. 4—14.
- Ленин В.И.* IX Всероссийский съезд советов. 23—28 декабря 1921 г. // *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М.: Политиздат; 1970а. Т. 44. С. 289—338.
- Ленин В.И.* Доклад о тактике РКП 5 июля // *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М.: Политиздат; 1970б. Т. 44. С. 34—55.
- Ленин В.И.* Итоги дискуссии о самоопределении // *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М.: Политиздат; 1973а. Т. 30. С. 17—58.
- Ленин В.И.* Крах II Интернационала // *Полное собрание сочинений*. 5-е изд. М.: Политиздат; 1969а. Т. 26. С. 209—265.

- Ленин В.И.* Критические заметки по национальному вопросу // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат; 1973b. Т. 24. С. 113—150.
- Ленин В.И.* О задачах пролетариата в данной революции // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат; 1969b. Т. 31. С. 113—118.
- Ленин В.И.* О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме» // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат; 1973c. Т. 30. С. 77—130.
- Ленин В.И.* О лозунге Соединенных Штатов Европы // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат; 1969c. Т. 26. С. 351—355.
- Ленин В.И.* О праве наций на самоопределение // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат; 1969d. Т. 25. С. 255—320.
- Ленин В.И.* Социальное значение сербско-болгарских побед // Полное собрание сочинений. 5-е изд. М.: Политиздат; 1968. Т. 22. С. 186—188.
- Ли Вл.Ф.* Россия и Корея в геополитике евразийского Востока (XX век). М.: Научная книга; 2000.
- Маркс К.* Запись речи К. Маркса об отношении Международного Товарищества Рабочих к конгрессу Лиги мира и свободы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат; 1960a. Т. 16. С. 556—557.
- Маркс К.* Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 изд-е. М.: Политиздат; 1960b. Т. 16. С. 3—11.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат; 1955. Т. 4. С. 419—459.
- Троцкий Л.Д.* Коммунистический интернационал после Ленина (Великий организатор поражений). М.: Спартаковец, АО Принтима; 1991.
- Энгельс Ф.* Письмо Карлу Каутскому в Вену. 12 сентября 1882 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат; 1964. Т. 35. С. 297.
- Энгельс Ф.* Письмо Карлу Каутскому в Вену. 20 февраля 1889 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат; 1961. Т. 37. С. 5—6.
- Энгельс Ф.* Принципы коммунизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М.: Политиздат; 1955. Т. 4. С. 322—339.
- Gaddis J.L.* We Now Know: Rethinking Cold War History. N.Y.; 1997.
- Stoessinger J.G.* The Might of Nations. World Politics in Our Time. N.Y.: Random House; 1986.
- Wallerstein I.* The cold war and the Third World: The good old days? Binghamton (N.Y.): Fernand Braudel Center for the study of economies, hist. systems and civilizations; 1990.
- Wallerstein I.* The concept of national development, 1917—1989: Elegy and Requiem. Binghamton (N.Y.): Fernand Braudel Center for the study of economies, hist. systems an civilizations; 1991.

Дата поступления статьи: 14.03.2017

Для цитирования: *Ланцов С.А., Ланцова И.С.* Внешнеполитическая программа Октябрьской революции: истоки и результаты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 233—245.

Сведения об авторах: *Ланцов Сергей Алексеевич* — д-р полит. наук, профессор кафедры международных политических процессов факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: s_lantsov@mail.ru).

Ланцова Ирина Сергеевна — канд. полит. наук, доцент кафедры американских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: islanko@mail.ru).

THE OCTOBER REVOLUTION'S FOREIGN POLICY PROGRAM: ORIGINS AND RESULTS

S.A. Lantsov, I.S. Lantsova

Saint-Petersburg State University, Moscow, Russia

Abstract. In this article, the ideological origins of Soviet foreign policy practice after the victory of the October Revolution of 1917 are analysed. The Marxist and Liberal concepts of international politics had common roots. It predetermined the similarity of peaceful settlement's proposals made by the Russian Bolsheviks after the October Revolution; they corresponded to the proposals of the US President W. Wilson.

The authors pay attention to the fact that the October revolution's leaders initially viewed it as an integral part of the world revolution. So, the hope for success of the world revolution was a factor determining the Soviet Russia's domestic and foreign policy. It is noticed that the Leninist conception of the world revolution supposed a close link between the labor movement and national liberation movements in colonial and semi-colonial countries. That link founded an important direction in Soviet foreign policy. In different periods of Soviet history, the attention to national liberation movements depended on the Soviet Union's foreign policy situation. Despite all the contradictions in the foreign policy of the USSR, which was conditioned both by ideological and geopolitical factors, it always had willingness to support the principle of national self-determination, which in fact belonged to the legacy of the foreign policy platform of the October Revolution. As a result, the Soviet Union made a significant contribution to the elimination of the colonial system and thereby contributed to a change in the nature of world politics and international relations in the 20th century.

Key words: the October Revolution, world politics, Marxism, Liberalism, the right of nations to self-determination, the world revolution, the national liberation movement

REFERENCES

- Engels, F. (1964). Letter to Karl Kautsky in Vienna. September 12, 1882. In: *Marx K., Engels F. Comp., 2nd ed.* Moscow: Politizdat, Vol. 35, p. 97.
- Engels, F. (1961). Letter to Karl Kautsky in Vienna. February 20, 1889. In: *Marx K., Engels F. Comp., 2nd ed.* Moscow: Politizdat, Vol. 37. pp. 5—6.
- Engels, F. (1955). The Principles of Communism. In: *Marx K., Engels F. Comp., 2nd ed.* Moscow: Politizdat, Vol. 16. pp. 322—339.
- Gaddis, J. L. (1997). *We Now Know: Rethinking Cold War History.* New York.
- Information meeting of representatives of some communist parties in Poland in late September 1947* (1948). Moscow: Gospolitizdat. (in Russ.).
- Kapchenko, N. (2005). Stalin's Foreign Policy Concept. *Mezhdunarodnaja zhizn'*, 9, 100—121. (in Russ.).
- Lantsov, S. A. (2015). The foreign policy strategy of the USSR on the eve and in the initial period of the Second World War: geopolitical and ideological factors. *Vestnik SPbGU. Serija 6*, 3, 4—14. (in Russ.).
- Lenin, V. I. (1970a). IX All-Russian Congress of Soviets. December 23—28, 1921. In: *Complete works. 5th ed.* Moscow: Politizdat, Vol. 44, pp. 289—338. (in Russ.).
- Lenin, V. I. (1969a). The Collapse of the Second International Results of the discussion on self-determination. In: *Complete works. 5th ed.* Moscow: Politizdat, Vol. 26, pp. 209—265. (in Russ.).
- Lenin, V. I. (1973b). Critical notes on the national issue Results of the discussion on self-determination. In: *Complete works. 5th ed.* Moscow: Politizdat, Vol. 24, pp. 113—150. (in Russ.).
- Lenin, V. I. (1969b). On the tasks of the proletariat in this revolution Results of the discussion on self-determination. In: *Complete works. 5th ed.* Moscow: Politizdat, Vol. 31, pp. 113—118. (in Russ.).

- Lenin, V. I. (1973c.) On the caricature of Marxism and on imperialist economism. In: *Complete works. 5th ed.* Moscow: Politizdat, Vol. 30, pp. 77—130. (in Russ.).
- Lenin, V. I. (1969c.) On the slogan of the United States of Europe. In: *Complete works. 5th ed.* Moscow: Politizdat, Vol. 26, pp. 351—355. (in Russ.).
- Lenin, V. I. On the right of nations to self-determination. In: *Complete works. 5th ed.* Moscow: Politizdat, Vol. 25, pp. 255—320. (in Russ.).
- Lenin, V. I. (1970b). Report on the tactics of the RCP on July 5. In: *Complete works. 5th ed.* Moscow: Politizdat, Vol. 44, pp. 34—55. (in Russ.).
- Lenin, V. I. (1973a). Results of the discussion on self-determination. In: *Complete works. 5th ed.* Moscow: Politizdat, Vol. 30, pp. 17—58. (in Russ.).
- Lenin, V. I. (1968). Social significance of Serbian-Bulgarian victories. In: *Complete works. 5th ed.* Moscow: Politizdat, Vol. 22, pp. 186—188. (in Russ.).
- Li, Vl. F. (2000). *Russia and Korea in the geopolitics of the Eurasian East (XX century)*. Moscow: Nauchnaja kniga. (in Russ.).
- Marx, K. (1960a). On the Attitude of the International Working Men's Association to the Congress of the League of Peace and Freedom. In: *Marx K., Engels F. Comp., 2nd ed.* Moscow: Politizdat, Vol. 16, pp. 556—557.
- Marx K. & Engels, F. (1955). Manifesto of the Communist Party. In: *Marx K., Engels F. Comp., 2nd ed.* Moscow: Politizdat, Vol. 4, pp. 419—459.
- Marx, K. (1960b). The Founding Manifesto of the International Workers' Association. In: *Marx K., Engels F. Coll., 2nd ed.* Moscow: Politizdat, Vol. 16, pp. 3—11. (in Russ.).
- Stoessinger, J. G. (1986). *The Might of Nations. World Politics in Our Time*. New York: Random House.
- Trockij, L. D. (1991). *Communist International after Lenin. (Great organizer of defeats)*. Moscow: Spartakovec, AO Printima. (in Russ.).
- Vallerstajn, I. (2001). *World-Systems Analysis and Situation in the Modern World*. Trans. by P.M. Kudjukina. Ed. by B. Ju. Kagarlickij. Saint Petersburg: Universitetskaja kniga. (in Russ.).
- World History: In 24 vol. The First World War* (1997). Ed. by A. N. Badak, I. E. Vojnich, N. M. Volchek. Minsk: Literatura. (in Russ.).
- Wallerstein, I. (1990). *The cold war and the Third World: The good old days?* Binghamton (N.Y.): Fernand Braudel Center for the study of economies, hist. systems and civilizations.
- Wallerstein, I. (1991). *The concept of national development, 1917—1989: Elegy and Requiem*. Binghamton (N.Y.): Fernand Braudel Center for the study of economies, hist. systems and civilizations.

Received: 14.03.2017

For citations: Lantsov, S.A., Lantsova, I.S. (2017). The October Revolution's Foreign Policy Program: Origins and Results. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 233—245.

About the authors: *Lantsov Sergey Alekseevich* — Doctor of Political Science, Professor of the Department of International Political Processes of the School of Political Science of Saint-Petersburg State University (e-mail: s_lantsov@mail.ru).

Lantsova Irina Sergeevna — PhD in Political Science, Senior Lecturer of the Department of American Studies of the Faculty of International relations of Saint-Petersburg State University (e-mail: islanko@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-246-256

НЕЗАПАДНЫЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

М.М. Лебедева

Московский государственный институт международных отношений
МИД РФ, Москва, Россия

В последние годы в российской и зарубежной литературе все чаще поднимается вопрос о национальных теориях международных отношений (ТМО). При этом особый интерес проявляется к западным ТМО. В статье анализируются причины такого интереса. Отмечается, что основным мотивом, побуждающим исследователей к поиску национальных школ ТМО, является трансформация системы политической организации мира, возникшей на Западе и развивавшейся во многом по западным образцам. Эта трансформация охватывает три уровня политической организации современного мира: Вестфальскую систему, систему международных (межгосударственных) отношений и политические системы отдельных государств. Три уровня политической организации мира, меняясь сегодня одновременно, усиливают друг друга и порождают эффект синергии. С такой масштабной трансформацией, когда «подвижными» оказываются все три уровня, мир сталкивается впервые, хотя изменения второго и особенно третьего уровней были и ранее.

Поскольку в настоящее время система политической организации мира подвергается серьезным изменениям, то в кризисе оказываются и теории, которые так или иначе пытаются ее осмыслить и которые также появились на Западе. Обращение исследователей к западным, преимущественно азиатским ТМО для поиска ответов обусловлено следующими причинами: 1) бурным экономическим ростом региона; 2) развитием научных исследований в Азии; 3) кризисом именно западной модели политической организации мира, что побуждает искать решения в иных цивилизационных структурах.

В статье обосновывается необходимость и возможность «проектной» деятельности по реформированию современной политической организации мира и включению в нее практик, которые имеются в различных регионах мира. Отмечается, что для реализации такой деятельности необходима работа специалистов в области международных отношений, а также в области других социальных дисциплин из разных стран, подобно тому, как реализуются крупные проекты в технических и естественнонаучных областях.

Ключевые слова: теории международных отношений, политическая организация мира, Вестфальская система мира, система международных (межгосударственных) отношений, национальные школы ТМО

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В последние годы и в России, и в других странах интенсивно стал обсуждаться вопрос о западных теориях международных отношений. Это касается как теорий международных отношений, отражающих в целом международные отношения [Porter 2001; Lebedeva 2004; Acharya 2011; Цыганков 2014; Behera 2016], так и отдельных ее областей, в частности проблему безопасности (см., напр., [Худайкулова 2016]). Поиском западных теорий занялись представители разных стран,

в том числе западных и азиатских. Не стала исключением, как видно из перечисленных работ, и Россия. Особый стимул дискуссии придала вышедшая в 2010 г. книга под редакцией А. Ачарья и Б. Бузана «Незападные теории международных отношений» [Non-Western International Relations Theory 2010].

В связи с активными поисками незападных теорий встают, по крайней мере, два вопроса: 1) чем обусловлен такой интерес к незападным теориям международных отношений; 2) насколько возможно создание теорий международных отношений (впрочем, как и теорий в области политологии), отличных от западных. И, если второй вопрос так или иначе обсуждается, то первый даже практически не ставится. Вместе с тем именно ответ на первый вопрос будет в значительной мере определять содержание ответа на второй.

Кроме названных основных вопросов возникает ряд производных, а именно: нужен ли поиск незападных теорий; как другие государства, в том числе Россия, должны реагировать на западные и незападные теории международных отношений: разрабатывать свои, встраиваться в существующие и т.п.; и целый ряд других.

Существуют два основных подхода к вопросу о национальных теориях международных отношений. Упрощая, их можно свести к следующему. Первый подход исходит из того, что международные отношения, как и любая другая научная дисциплина, не зависят от национальных особенностей. В этом смысле не только национальные теории международных отношений не возможны, но их и не должно быть. Позиция представителей второго подхода заключается в том, что в отличие от естественнонаучных дисциплин, международные исследования имеют этическое, ценностное наполнение. Поэтому незападные теории имеют право на существование и, более того, обязаны утверждать и реализовывать незападные ценности. Правда, этот аргумент относителен, поскольку, с одной стороны, в естественнонаучных областях картина мира исследователя также влияет на представление результатов (особенно в таких сферах, как космология, исследования мозга и др.), с другой — при выборе, например, позитивистского подхода к анализу международных отношений возможна определенная степень абстракции от ценностных установок. Ввиду этого высказывание Р. Кокса о том, что любая теория международных отношений существует для кого-то и для чего-то [Cox 1996], является значительным преувеличением.

Новые теории международных отношений возникают, как правило, в двух случаях. Первый обусловлен прорывами в науке: сменой общенаучных парадигм, появлением методов, которые ранее были не характерны для данной области науки, и т.п. Так, внедрение количественных методов в международные исследования привело в 1960-х гг. ко вторым «великим дебатам» в теории международных отношений. Примером развития новых теорий и подходов, связанных с изменением самой международно-политической реальности, может служить окончание холодной войны, которое дало толчок третьим «великим дебатам». Похоже, что сегодня мы наблюдаем новый, кардинальный процесс трансформации международно-политической реальности, что и стимулирует процесс ее осмысления.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МИРА КАК СТИМУЛ К ПОИСКУ НОВЫХ АЛЬТЕРНАТИВ

Интерес именно к западным ТМО в настоящее время не случаен. Обусловлен он не только и не столько тем, что в конце XX — начале XXI в. международные исследования стали развиваться во многих странах мира, в том числе в России, Китае, Индии и др., хотя этот фактор, несомненно, оказал влияние. Представляется, что основным побудительным мотивом поиска новых теорий международных отношений, хотя и неосозанным, стала трансформация политической организации мира, которая в своей основе является западной. Эта трансформация охватила различные ее уровни [Лебедева 2016].

Первый уровень трансформирующейся политической организации мира — Вестфальская политическая система с ключевой структурной единицей в качестве национального государства — является базисным. Корни базисного уровня уходят во времена окончания Тридцатилетней войны и заключения Вестфальского мира, поэтому эта система, как и построенная на ее основе политическая организация мира в целом, являются западными. Вестфальская система стала распространяться по миру. Она с самого начала основывалась на возможности объединения в единой системе очень разных по своей сущности государств (султанатов, демократий, социалистических государств и т.д.). Обеспечивалось это именно за счет принципа суверенитета, предполагающего невмешательство во внутренние дела государств, входящих в систему. Данная система не являлась статичной. Она предусматривала развитие за счет международных договоров, создания международных организаций и т.п.

После Второй мировой войны, а затем и крушения колониальной системы Вестфальская система, охватив весь мир, стала глобальной. Однако, начиная со второй половины XX в., в ней не только резко активизировались негосударственные акторы [Keohane, Nye 1971], которые стали еще более влиятельными в XXI в. [Avant, Finnemore, Sell 2010], но и произошло расслоение государств на Вестфальские, пост-Вестфальские, до-Вестфальские [Poggi 2007; Лебедева 2008; Харкевич 2010]. В результате этого расслоения в единой системе оказались государства, по-разному относящиеся к самой системе. Проблема усилилась в связи с развитием процессов глобализации (транснационализации) мира. «Прозрачность» границ породила эффект взаимозависимости. В результате многие события XXI в., в том числе выход Британии из Евросоюза, рост национализма в ряде стран и т.п. как раз оказались направлены на то, чтобы ограничить влияние внешних структур на государство.

Второй уровень политической организации мира представляет собой систему международных (межгосударственных) отношений. В конце XX в. произошел распад биполярной системы. По поводу существенных характеристик новой системы продолжают споры. По всей видимости, их сложно будет завершить, пока в процессе трансформации находится первый, базисный уровень. Будет ли по-прежнему конфигурация государств-лидеров определять политическое развитие мира, или в дело могут существенно вмешаться государства-нелидеры, а также негосударст-

венные акторы? Сложно в современных условиях определить и лидерство государств на мировой арене: кто является лидером, а кто — нет. Другое дело, что государства, берущие на себя лидерские функции, безусловно, несут на себе и бремя ответственности за мировое развитие.

Наконец, третий уровень — это политические системы государств. Многие государства именно в конце XX — начале XXI в. претерпели (претерпевают) существенную трансформацию своих политических систем. Это государства бывшего СССР, Восточной и Центральной Европы, Ближнего и Среднего Востока и ряд других. Если обратиться к волнам демократизации С. Хантингтона [Huntington 1991], то нетрудно заметить, что процессы трансформации государств (волны) происходят чаще и интенсивнее. Так, первая волна, согласно С. Хантингтону, продолжалась примерно 100 лет и охватила всего лишь 29 государств, в то время как последующие волны были более мощными и происходили чаще [Huntington 1991]. Конечно, возникает вопрос — обязательно ли политическая трансформация идет по дихотомическому принципу: демократизация — откат от демократического пути развития? По крайней мере, события «арабской весны» показывают, что трансформация может вести не к демократизации, а к архаизации государств [Лебедева, Харкевич, Зиновьева, Копосова 2016]. Поэтому более точно, наверное, говорить о волнах трансформации государств. Однако в данном случае важно отметить, что в конце XX — начале XXI в. многие государства трансформировались, претерпев значительные политические изменения.

Три уровня политической организации мира, построенной по западным образцам, трансформируясь сегодня одновременно, усиливают друг друга и порождают эффект синергии. С такой масштабной трансформацией мир сталкивается впервые, хотя трансформации второго и особенно третьего уровней, конечно, были и ранее. Хорошо известны, например, такие системы межгосударственных отношений, как «Европейский концерт» (многополярная) или Ялтинско-Потсдамская (биполярная). Довольно часто меняли политические системы отдельных государств. Вестфальская же система, выступающая основой политической организации мира, существует почти 370 лет.

Если система политической организации мира подвергается серьезным изменениям, то, очевидно, что в кризисе оказываются и теории, которые так или иначе пытаются ее осмыслить, прежде всего, это классические теории ТМО — реализм, либерализм, неомарксизм. И это несмотря на то что теории развиваются и по ряду вопросов сближаются друг с другом [Цыганков 1996]. Не лучше обстоят дела и с объяснениями, предлагаемыми постмодернистскими течениями, тем более, что они не дают целостного представления о политической организации мира, останавливаясь на анализе лишь отдельных ее аспектов.

В определенной степени индикатором кризисного состояния дел в теории международных отношений являются и попытки объяснить международные отношения путем заимствования идей из области физики. Книга А. Вендта относительно квантовой природы международных отношений [Wendt 2015] получила широкое обсуждение в мире, включая Россию [Алексеева и др. 2016а; Алексеева

и др. 2016b]. Хотя, если рассматривать идею А. Вендта как метафору, то она может оказаться интересной и продуктивной.

Еще одним важным показателем того, что современный кризис теории международных отношений обусловлен кризисом политической организации мира, является то, что и другие социальные науки оказываются сегодня в кризисе, например, международное право. Вопросы западных теорий также поднимают политологи [Чугров 2016]. Это свидетельствует о том, что проблема не в теории международных отношений, а в самой политической организации мира.

Наконец, в рамках обсуждения вопросов, связанных с глобальным управлением, ставится вопрос и предлагаются ответы относительно того, почему нужно в современном мире глобальное управление [Acharya 2016]. Тем самым, необходимость глобального управления видится как выход из кризисного состояния политической организации мира.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МИРА В ИСТОРИИ

Несмотря на то что особый интерес к альтернативным проектам, а также к теориям, отражающим их, возникает в эпоху кризисов, тем более такого масштабного кризиса, как сегодня, который охватывает все три уровня политической организации мира, в теоретическом плане вызов Вестфальской системе был брошен давно, в частности, марксизмом. Кстати, он также зародился на Западе. В отличие от Вестфальской системы с ее основной структурной единицей — государством, марксистский проект в качестве такой единицы предполагал классы. В 1917 г. Россия, опираясь на представления марксизма, предприняла попытку «выйти» из Вестфальской системы и построить политическую организацию мира, взяв за основу классы. Результатом этого стали представления о международно-политическом устройстве мира, получившие развитие в рамках марксизма-ленинизма. Представления эти менялись на протяжении истории. Так, В. Ленин выдвинул идею о возможности построения социализма в одном из государств, а не сразу во всемирном масштабе, как ранее полагал К. Маркс. Л. Троцкий выступил с идеей перманентной революции. В дальнейшем появились идеи о соревновании двух систем: капитализма и социализма, а также о возможном их мирном сосуществовании.

Параллельно марксизму-ленинизму развивался неомарксизм в рамках мир-системной теории И. Валлерстайна, итальянской школы, теории зависимости и ряда других направлений.

Вопрос о представлениях марксизма-ленинизма и неомарксизма о международных отношениях — отдельная тема. В данном случае важно подчеркнуть, что и марксизм-ленинизм, и неомарксизм появились и развивались как альтернативные теории существующей политической организации мира, в которых главную структурную роль выполняли классы. И появились они, когда политическая организация мира не испытывала кризиса одновременно на всех трех уровнях.

После победы во Второй мировой войне СССР, заняв лидирующее положение в мире, в значительной мере в своих действиях переориентируется с классового

подхода на межгосударственные отношения, выстраивая и укрепляя биполярную систему межгосударственных отношений. При этом политическая риторика во многом остается прежней, ориентированной на классовый подход.

Были и остаются также другие альтернативные Вестфальской системе проекты политической организации мира, например, проекты устройства мира, выдвигаемые рядом анархистских течений, где в качестве структурных единиц выступают производственные объединения (в изначальном варианте — синдикаты). Со своими представлениями о политической организации мира выступают и современные террористические организации, в первую очередь «Аль-Каида» и ИГИЛ (запрещены в России).

Разные проекты политической организации мира, в случае их реализации, породили бы и новые теории международных отношений. При этом чем дольше происходит попытка реализации проекта (не говоря уже о самой реализации), тем более проработанным в теоретическом плане оказывается его осмысление.

Таким образом, появление и развитие альтернативных теорий напрямую не связано с современным кризисом политической организации мира, построенной по западному образцу. Новые теории могут появляться и развиваться и в ситуации эволюционного развития существующей политической организации. В кризисе же они оказываются более востребованными. Правда, здесь возникает вопрос, почему сегодня происходит обращение в основном к незападным теориям? Ответ на него, как представляется, следует искать, во-первых, в бурном экономическом развитии Азии, особенно ее восточной части (кстати, неслучайно именно азиатские авторы оказываются в центре внимания). Во-вторых, наряду с экономическим развитием этот регион стал развиваться и в научном плане, в том числе и в сфере социальных наук. В области международных отношений большой прогресс наблюдается в университетах Китая и Индии. В-третьих, кризис именно западной модели политической организации мира побуждает искать решения в иных цивилизационных структурах, тем более что эти цивилизации многое дали человечеству в прежние времена в различных сферах — в медицине, математике, литературе и других.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПОЯВЛЕНИЯ НОВЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МИРА

Современная политическая организация мира выстраивалась постепенно через практику, а не как работа «по проекту» с заранее намеченной «дорожной картой». Попытка проектной деятельности на основе марксизма не увенчалась успехом. Также через практику выстраивались и другие модели политической организации, не ставшие общемировыми, в частности империи. Следует ли из этого, что проектная деятельность в области международно-политических отношений бесперспективна? Представляется, что нет. Именно разработка концептуальных основ политической организации мира сегодня не только возможна, но и необходима. Аргументов здесь несколько. Во-первых, человечество достигло определенной стадии развития, когда с одной стороны, политическая организация мира

стала глобальной, с другой — современное развитие технологий ограничило возможности силового изменения политических систем различных уровней и одновременно открыла возможности нанесения значительного ущерба миру не только государствами-лидерами, но и относительно небольшими группами людей (в частности, террористическими организациями). Разумеется, силовое воздействие не исчезло из современного мира. Подтверждение этому — множество вооруженных конфликтов, в том числе на территории Сирии, Украины и других государств. Однако глобальный конфликт, тем более с применением ядерного оружия, все же вряд ли возможен. Та степень хаотизации, которая сопровождала преддверие появления Вестфальского мира [Holsti 1995; Raymond, Kegley 2001; Лебедева 2012], сегодня вряд ли допустима и с точки зрения опасности глобального конфликта, и с точки зрения наличия сильной взаимозависимости сторон. Во-вторых, в мире наработаны технологии многостороннего и многоуровневого (с участием государств и негосударственных акторов) международного взаимодействия, которые используются для урегулирования конфликтов. Конечно, их не следует идеализировать. Процесс согласования всегда идет медленно и сложно с прорывами и своеобразными откатами назад. В-третьих, в современном мире меняется роль социальных наук. Они все в большей мере становятся не только теоретическими, но и прикладными, позволяющими конструировать реальность. Кстати, появление конструктивизма в этом плане как теоретического течения не является случайным.

Для реализации проектных решений необходимы как организационные, так и интеллектуальные усилия. Вряд ли целостные представления о политической организации мира той или иной страны, или даже цивилизации могут лечь в основу новой политической организации мира по той простой причине, что они, чтобы быть принятыми, должны оказаться универсальными. Скорее, здесь должна быть работа специалистов в области международных отношений и, наверное, в области других социальных дисциплин, из разных стран подобно тому как реализуются крупные проекты в технических и естественнонаучных областях. Национальные же школы, по всей видимости, могут внести свой вклад, через разработку тех или иных направлений, причем, не обязательно из области международных отношений. В частности, в отечественной науке в рамках филологии и культурологии получила развитие идея диалога [Бахтин 1972]; в рамках психологии — идея зоны ближайшего развития [Выготский 1982], представляющая собой своего рода постепенное выстраивание «дорожной карты» развития. Очевидно, что подобных примеров много, как в России, так и в других странах (Запада и не Запада). А. Ачарья указывает на важность, китайских концепций, придающих особую роль отношениям, складывающимся между государствами (*relationality*), а также подходов, на которых строилось взаимодействие в районе Индийского океана в колониальную эпоху, с целью формирования, как он пишет, «глобальных международных отношений» [Acharya 2016b]. Для нахождения подобных национальных идей и их возможности применения в современном глобальном мире очень важна именно совместная работа экспертов из разных стран.

Другим важным моментом для теоретического построения новой (или обновленной) политической организации мира может стать работа по формированию

большей объективности международных исследований для выявления особенностей современной политической организации мира и тенденций ее развития. Понимание этих тенденций даст возможность наметить «дорожную карту». Одним из путей продвижения в этом направлении является развитие и применение аналитических методов, в том числе, количественных [Дегтерев 2015]. Очевидно, что в международных отношениях эксперимент невозможен, поэтому важное значение могут иметь такие методы, как игровое моделирование, ситуационный анализ, сценарный метод и т.п. Также стоит подумать над тем, чтобы использовать развивающийся в других областях науки мысленный эксперимент.

Наконец, в настоящее время в международных исследованиях недостаточно рефлексивируется имеющаяся у исследователя картина мира: воспринимаются ли им международно-политические отношения как отдельные явления, или в виде структурно-функциональных отношений (в частности, как в данном случае), либо в более сложном виде по аналогии с квантовой физикой [Алексеева и др. 2016а]. В любом случае, международным исследованиям, как российским, так и общемировым предстоит пройти еще значительный путь своего развития.

Таким образом, отвечая на вопрос, поставленный в заголовке статьи, следует сказать, что поскольку мы живем в западной модели политической организации мира, то для ее объяснения малопригодными оказываются незападные теории и подходы. В этом смысле они являются мифом. Другое дело, что эта модель претерпевает кардинальную трансформацию. И для выстраивания новой модели или существенной корректировки имеющейся очень интересными и востребованными могут оказаться подходы и практики, наработанные в незападном мире.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Т.А., Минеев А.П., Лошкарёв И.Д.* «Земля смятения»: квантовая теория в международных отношениях? // Вестник МГИМО—Университета. 2016а. № 3. С. 7—16.
- Алексеева Т.А., Минеев А.П., Фененко А.В., Лошкарёв И.Д., Ананьев Б.И.* Зачем нужна «квантовая» реформа конструктивизма в теории международных отношений? // Вестник МГИМО—Университета. 2016б. № 6. С. 7—13.
- Бахтин М.* Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература; 1972.
- Выготский Л.С.* Мышление и речь // Собр. соч. М.: Педагогика; 1982. Т. 2.
- Дегтерев Д.А.* Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы. 2015. Том 13. № 2. С. 35—54. DOI: 10.17994/IT.2015.13.2.41.3.
- Лебедева М.М.* Система политической организации мира: «Идеальный шторм» // Вестник МГИМО—Университета. 2016. № 2. С. 125—133. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/mirovaya-politika/sistema-politicheskoy-organizacii-mira-idealnyy-shtorm>.
- Лебедева М.М.* Современные тренды мирового развития: новое качество мира // Метаморфозы мировой политики / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: МГИМО (У); 2012. С. 9—32.
- Лебедева М.М.* Такие разные государства // «Приватизация» мировой политики: локальные действия — глобальные результаты / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: Голден Би; 2008. С. 91—99.
- Лебедева М.М., Харкевич М.В., Зинovieва Е.С., Копосова Е.Н.* Архаизация государства: роль современных информационных технологий // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 22—36. DOI: 10.17976/jpps/2016.06.03.
- Харкевич М.В.* Государство в современной мировой политике // Вестник МГИМО—Университета. 2010. № 6. С. 160—166.

- Худайкулова А.В.* Теории безопасности третьего мира // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. Том 16. № 3. С. 412—423.
- Цыганков А.П.* Российская теория международных отношений: какой ей быть // Сравнительная политика. 2014. № 2. С. 65—81.
- Цыганков П.А.* Международные отношения. М.: Новая школа; 1996.
- Чугров С.В.* Существует ли незападная политология? («Политическая теория» Т. Иногути) // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 182—191. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.14.
- Acharya A.* Advancing Global IR: Challenges, Contentions, and Contributions. *International Studies Review*. 2016b. Vol. 18. P. 4—15.
- Acharya A.* Dialogue and Discovery: In Search of International Relations Theories beyond the West // *Journal of International Studies*. 2011. Vol. 39. N 3. P. 619—637.
- Acharya A.* Rethinking Demand, Purpose and Progress in Global Governance: An Introduction. In: *Why Govern? Rethinking Demand, Purpose and Progress in Global Governance*. Ed. by A. Acharya. Cambridge: Cambridge University Press; 2016a.
- Avant D.D., Finnemore M., Sell S.* *Who Governs the Globe?* Cambridge: Cambridge University Press; 2010.
- Behera N.G.* Knowledge Production. *International Studies Review*. 2016. N 1. P. 1—3.
- Cox R.* Social Forces, States and World Order beyond International Relations Theory. In: *Approaches to World Order*. Ed. by R. Cox and T. Sinclair. Cambridge: Cambridge University Press; 1996.
- Holsti K.J.* *International Politics: A Framework for Analysis*. New Jersey: Prentice Hall; 1995.
- Huntington S.* *The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, London: University of Oklahoma Press, 1991.
- Keohane R.O., Nye J.S.* Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International Organization*. 1971. Vol. 25. No 3. P. 329—349. URL: http://www.ucm.es/info/sdrelint/ficheros_materiales/materiales016.pdf.
- Lebedeva M.* International Relations Studies in the USSR/Russia: Is there a Russian National School of IR Studies? // *Global Society*. 2004. Vol. 18. N 3. P. 263—278.
- Non-Western International Relations Theory: Perspectives on and Beyond Asia*. Ed. by A. Acharya and B. Buzan. N.Y.: Routledge; 2010.
- Poggi G.* States and State Systems: Democratic, Westphalian or Both? // *Review of International Studies*. 2007. N 33. P. 577—595.
- Porter T.* Can There Still be National Perspectives on International Relations? In: *International Relations — Still an American Social Science: Towards Diversity in International Thought*. Ed. by R.M.A. Crawford and D.S.L. Jarvis. Albany, N.Y.: State University of New York Press; 2001.
- Raymond G.A., Kegley Ch.W.* *Exorcising the Ghost of Westphalia*. New Jersey: Prentice Hall; 2001.
- Wendt A.E.* *Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge: Cambridge University Press; 2015.

Дата поступления статьи: 04.03.2017

Для цитирования: *Лебедева М.М.* Незападные теории международных отношений: миф или реальность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 246—256.

Сведения об авторе: *Лебедева Марина Михайловна* — д-р полит. наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений МИД РФ (e-mail: mmlebedeva@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-246-256

NON-WESTERN INTERNATIONAL RELATIONS THEORY: MYTH OR REALITY?

M.M. Lebedeva

MGIMO University of Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. In recent years, Russian and foreign literature increasingly raises the question on national theories of international relations. A special interest is manifested towards non-Western theories of international relations. The article analyzes the reasons for such interest. It is noted that the main motive for scholars to search for national schools is the transformation of the political organization of the world that emerged in the West and was developing largely on the Western model. This transformation encompasses three levels of political organization of the modern world: the Westphalian system, the system of international (interstate) relations and the political systems of a state. Three levels of political organization of the world changing at the same time today reinforce each other and generate synergies. With such a large-scale transformation, when all three levels are “moving”, the world is facing for the first time, although the change of the second and especially the third levels were before.

As far as the system of political organization of the world undergoes major changes, IR theories, which appeared in the West, are in crisis. Researchers’ attention to non-Western, primarily Asian TMO to find answers due to the following reasons: 1) the rapid economic growth of the region; 2) the development of scientific research in Asia; 3) the crisis of the Western model of political organization in the world that encourages the search for solutions in other civilizational structures.

The article substantiates the necessity and possibility of “project activities” for reforming the political organization of the world and include practices that exist in different regions of the world. In order to implement such activities, the work of specialists from different branches of social sciences is required.

Key words: international relations theory, the political organization of the world, the Westphalian system of the world, the system of international (interstate) relations, national school in IR studies

REFERENCES

- Acharya, A. (2016b). Advancing Global IR: Challenges, Contentions, and Contributions. *International Studies Review*, 18, 4—15.
- Acharya, A. (2011). Dialogue and Discovery: in Search of International Relations Theories beyond the West. *Journal of International Studies*, 39 (3), 619—637.
- Acharya, A. (2016a). Rethinking Demand, Purpose and Progress in Global Governance: An Introduction. In: *Why Govern? Rethinking Demand, Purpose and Progress in Global Governance*. Ed. by A. Acharya. Cambridge: Cambridge University Press.
- Alekseeva, T. A., Mineev, A. P., & Loshkarev, I. D. (2016a). “Land of Confusion”: Quantum Physics in IR Theory? *Vestnik of MGIMO—University*, 3, 7—16. (in Russ.).
- Alekseeva, T. A., Mineev, A. P., Fenenko, A. V., Loshkarev, I. D., & Anan'ev, B. I. (2016b). Constructivism Goes Quantum: The Approach Reform. *Vestnik of MGIMO—University*, 6, 7—13. (in Russ.).
- Avant, D. D., Finnemore, M., & Sell, S. (2010). *Who Governs the Globe?* Cambridge: Cambridge University Press.
- Bakhtin, M. (1972). *Problems of Dostoevsky's poetics*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (in Russ.).
- Behera, N. G. (2016). Knowledge Production. *International Studies Review*, 1, 1—3.
- Chugrov, S. V. (2016). Is there a non-Western political science? (“Political theory” T. Inoguchi). *Polis. Political Studies*, 4, 182—191. (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2016.04.14.
- Cox, R. (1996). Social Forces, States and World Order beyond International Relations Theory. In: *Approaches to World Order*. Ed. by R. Cox and T. Sinclair. Cambridge: Cambridge University Press.

- Degtarev, D. A. (2015). Quantitative Methods in International Studies in Russia and Abroad. *International Trends*, 13 (2), 35—54. (in Russ.). DOI 10.17994/IT.2015.13.2.41.3.
- Holsti, K. J. (1995). *International Politics: A Framework for Analysis*. New Jersey: Prentice Hall.
- Huntington, S. (1991). *The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman. London: University of Oklahoma Press.
- Keohane, R. O. & Nye, J. S. (1971). Transnational Relations and World Politics: An Introduction. *International Organization*, 25 (3), 329—349. URL: http://www.ucm.es/info/sdrelint/ficheros_materiales/materiales016.pdf.
- Kharkevich, M. V. (2010). The State in Contemporary World Politics. *Vestnik of MGIMO—University*, 6, 160—166. (in Russ.).
- Khudaikulova, A. V. (2016). Security Theories of Third World. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (3), 412—423. (in Russ.).
- Lebedeva, M. (2004). International Relations Studies in the USSR/Russia: Is there a Russian National School of IR Studies. *Global Society*, 18 (3), 263—278.
- Lebedeva, M. M. (2016). System of Political Organization of the World: ‘Perfect Storm’. *Vestnik of MGIMO—University*, 2, 125—133. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/mirovaya-politika/sistema-politicheskoy-organizacii-mira-idealnyy-shtorm>. (in Russ.).
- Lebedeva, M. M. (2012). Modern trends of world development: a new quality of the world. *Metamorfozy mirovoi politiki*. Ed. by M. M. Lebedeva. Moscow: MGIMO (U), pp. 9—32. (in Russ.).
- Lebedeva, M. M. (2008). Such different states. In: “Privatizatsiya” mirovoi politiki: lokal'nye deistviya — global'nye rezultaty. Ed. by M. M. Lebedeva. Moscow: Golden Bi, pp. 91—99. (in Russ.).
- Lebedeva, M. M., Kharkevich, M. V., Zinov'eva, E. S. & Kuposova, E. N. (2016). State Archaization: the Role of Information Technologies. *Polis. Political Studies*, 6, 22—36. (in Russ.). DOI: 10.17976/jpps/2016.06.03.
- Non-Western International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia*. (2010). Ed. by A. Acharya and B. Buzan. New York: Routledge.
- Poggi, G. (2007). States and State Systems: Democratic, Westphalian or Both? *Review of International Studies*, 33, 577—595.
- Porter, T. (2001). Can There Still Be National Perspectives on International Relations? In: *International Relations — Still an American Social Science: Towards Diversity in International Thought*. Ed. by R. M. A. Crawford and D. S. L. Jarvis. Albany, New York: State University of New York Press.
- Raymond, G. A. & Kegley, Ch. W. (2001). *Exorcising the Ghost of Westphalia*. New Jersey: Prentice Hall.
- Tsygankov, A. P. (2014). The Russian theory of international relations: what it should be. *Sravnitel'naya politika*, 2, 65—81. (in Russ.).
- Tsygankov, P. A. (1996). *International Relations*. Moscow: Novaya shkola. (in Russ.).
- Vygotskii, L. S. (1982). *Thinking and speaking*. Coll. Moscow: Pedagogika, Vol. 2. (in Russ.).
- Wendt, A. E. (2015). *Quantum Mind and Social Science. Unifying Physical and Social Ontology*. Cambridge: Cambridge University Press.

Received: 04.03.2017

For citations: Lebedeva, M.M. (2017). Non-Western International Relations Theory: Myth or Reality? *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 246—256.

About the author: *Lebedeva Marina Mikhailovna* — Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of World Politics of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (e-mail: mmlebedeva@gmail.com).

© Лебедева М.М., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-257-264

ЭТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

А.В. ЦВЫК

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Статья посвящена нравственному фактору в международных отношениях. Автор рассматривает вопрос этической оценки ответственности акторов международных отношений в идеях ряда зарубежных и российских мыслителей XX и XXI вв.

В исследовании отмечается, что анализ сложившихся в рамках социально-политической мысли пониманий этики ответственности, а также механизма воздействия нравственности на международные отношения дает основание сделать вывод о возможности и необходимости конкретизации понятия «этика ответственности», которое, по мнению известного российского политолога А.С. Капто, применительно к сфере международных отношений и внешней политики, может быть истолковано как этика политической ответственности. Таким образом, автор отмечает, что в системе международных отношений произошло становление важнейшей категории, которую исследователи характеризуют как «этика политической ответственности».

Опираясь на тезис А.С. Капто о том, что сердцевина «этики политической ответственности» — синтез политической и нравственной ответственности, на основе которого формируется более высокий уровень долженствования в международных отношениях, определяемый категорией «морально-политическая ответственность», автор анализирует ее структуру и классификацию.

Автор приходит к выводу о необходимости формирования у акторов международных отношений и мировой политики общечеловеческого аспекта политической ответственности.

Ключевые слова: международные отношения, международная мораль, этика ответственности, политическая ответственность

В ситуации динамично меняющегося современного мира весьма актуальным является вопрос о возможности нравственного регулирования международных отношений и этической оценки ответственности субъектов мировой политики. Научный анализ этого вопроса осложняется рядом факторов.

Во-первых, традиционно нравственное регулирование охватывает сферу межличностных отношений, следовательно, представляется весьма сложным руководствоваться одинаковыми критериями при измерении поведения столь различных субъектов, как индивид и государство, которое является основным актором системы международных отношений.

Во-вторых, в реальной практике международных отношений практически отсутствуют общепринятые и признанные на международном уровне нравственные стандарты. Исключение составляют лишь некоторые нормы морали, заложенные в основе отдельных принципов, которыми государства руководствуются в отношениях друг с другом (например, принцип справедливости в отношениях между акторами международных отношений) [Цвык 2014].

В-третьих, для полноценной нравственной оценки международных отношений необходима свобода и осознанность морального выбора субъектом этих отно-

шений, в то время как возможности морального выбора в сфере международной жизни выглядят ограниченными вследствие таких факторов, как существование и приоритет долга государственных интересов, наличие широкой области морального конфликта — противоречивости национальных интересов разных стран и т.д.

В то же время нравственное регулирование мировой политики, этика ответственности как основа политического поведения субъектов международных отношений необходима, поскольку наряду с международным правом способна стать фактором, минимизирующим риски применения силы в международной политике в ходе соперничества государств [Цыганков 1994].

ЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ФОРМИРОВАНИЕ ЭТИКИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В деле осмысления этических факторов международных отношений сложилась определенная историческая традиция. Серьезным теоретическим источником в этом вопросе выступает социально-политическая мысль [Цвык 2013].

Еще античными авторами (Платон, Аристотель) сформулировано положение о том, что государство есть само воплощение нравственной идеи. По Платону, государство в его идеальном виде является не просто внешним условием существования индивидов или актуализацией сущностных сил индивида, а единственной нравственно организованной формой земного бытия [Платон 2015]. Каждое государство как конкретная историческая индивидуальность руководствуется в своем поведении особыми этическими принципами; оно не подчиняется прямо никаким внешним по отношению к нему моральным принципам и не следует слепо никаким абстрактным соображениям человеческих прав в реализации своего государственного интереса, особенно в области международных отношений. Таким образом, в сочинениях античных мыслителей политика и этика практически отождествлялись. Идеи Аристотеля позже пользовались особым вниманием Т. Кампанеллы, Т. Мора и других социалистов-утопистов. В то же время, предложенное в античной социально-политической мысли, морализаторское понимание политики не пользовалось популярностью в последующие века и вряд ли может рассматриваться в качестве основы для ее современной этической оценки.

В новое время широкое распространение получили идеи Макиавелли, в рамках которых сфера политики, и особенно межгосударственных отношений, объявлялась свободной от нравственного регулирования, в силу приоритета национальных интересов, или интересов государства, над моральными нормами [Макиавелли 1990]. По Макиавелли, моральный долг государственного деятеля, особенно в сфере международных отношений, состоит в необходимости практического выбора наилучших в данных обстоятельствах этических правил, руководствуясь которыми можно принять решение в интересах государства, в то же время как можно меньше отступить от общепринятых нравственных ценностей. Эта позиция и сегодня кажется привлекательной многим теоретикам международных отношений, более того, именно она стала на долгое время единственной альтернативой морализаторскому подходу к внешней политике.

В то же время, особенно начиная с XX в., все более крепнет тенденция к этизации сферы политики и международных отношений, осуществляются попытки примирить альтруизм и эгоизм в международной политике, что отчетливо просматривается в концепции «этики убеждений» и «этики ответственности» М. Вебера. Выясняя «действительное соотношение» между этикой и политикой, Вебер рассматривал всякое этически ориентированное поведение через призму двух различных, даже противоположных максим — этики убеждения и этики ответственности. Под этикой убеждений М. Вебер понимал требование всегда, в том числе и при решении межгосударственных и политических вопросов, неукоснительно следовать нравственным принципам. Под этикой ответственности — необходимость принятия ответственных решений, исходя из понимания последствия политических действий, с учетом конкретной ситуации и принципа меньшего зла (возможность определенных нравственных издержек при условии предотвращения большего зла). При этом Вебер не считал, что эти два подхода непримиримо противоречивы, напротив, полагал их взаимодополняемыми [Вебер 1990]. Действительно, по М. Веберу, свойственная политической деятельности в целом необходимость прибегать к морально осуждаемым средствам находит свое логическое завершение в сфере международных отношений. Полагая высшей ценностью государственных деятелей силу и интересы соответствующего государства, он переносит моральный выбор из области целей внешней политики государства в область практических средств ее реализации. При этом выбор средств осуществления внешнеполитической деятельности государства также оказывается у него весьма ограниченным, поскольку решающим средством политики Вебер называет насилие. Веберовское понимание соотношения политики и морали легло в основу политического реализма. Именно с работ Вебера началось обсуждение этики ответственности как динамичной этико-политологической категории, которая развивается и наполняется новым пониманием по мере развития системы международных отношений.

Сторонником взгляда о возрастающем значении этики ответственности является немецкий философ и социолог К. Манхейм. По мнению К. Манхейма, этика ответственности имеет собственный исторический генезис. Этике ответственности предшествовала этика фатализма, когда индивид видел в социальной среде неотвратимую судьбу и подчинялся ее неведомым силам.

Этике фатализма пришла на смену этика убеждения, отражающая ту стадию в развитии политики и этики, когда индивид уже обрел определенные силы для того, чтобы противостоять фатализму социального прогресса, сохранять свою свободу, своими действиями вносить в мир «новые причинные ряды», когда «слепые силы судьбы оказываются изгнанными из социальной сферы и знание всего того, что может быть указано, становится обязанностью лица, совершающего какие-либо ответственные действия» [Манхейм 2000].

Третья ступень, по мнению К. Манхейма, выпадает на тот период, когда совокупность социальных связей уже не является непроницаемой, а в содержательном плане этика ответственности предполагает не только активные действия в ответствии со своими убеждениями, но и обязательный учет последствий этих

действий, критическое переосмысление убеждений и очищение от «слепо и насильственно действующих детерминант».

Проблема этики ответственности государств рассматривалась известным американским политологом Г. Моргентау, основателем теории политического реализма. Согласно доктрине политического реализма, универсальные общечеловеческие моральные принципы неприменимы для оценки действий государств. В русле идей М. Вебера Г. Моргентау утверждал, что деятельность государства может быть основана лишь на этике ответственности, а не на этике убеждения. Американский политолог считал, что «тогда как человек имеет моральное право жертвовать собой, государство не имеет права позволить моральному неодобрению либо посягательству на свободу встать на пути рационально обоснованного и просчитанного политического действия. Политическое действие должно быть основано на принципах выживания и самосохранения суверенного государства» [Моргентау 1997]. По мнению Г. Моргентау, «нет политической моральности без благоразумия». С точки зрения реализма благоразумие означает учет последствий возможных альтернативных политических действий и является высшей добродетелью в политике. Политическая этика позволяет судить о действиях по их результатам, последствиям.

Наиболее адекватной современным условиям нам представляется трактовка этики ответственности в области внешней политики и международных отношений как среднего пути между «реальной политикой», исповедующей «этику успеха» и политикой в духе идеалов, ограничивающейся только нравственной мотивацией и провозглашением абстрактных благих целей, которая содержится в работах швейцарского мыслителя, писателя Г. Кюнга (с 1995 г. президента фонда «За глобальную этику»). Считая, что для нового мирового порядка не подходит ни узко прагматичная политика «реализма», ни чистая этика убеждений политиков-идеалистов, он утверждает, что политический расчет сторонников «реальной политики» следует не противопоставлять этической оценке политики в духе идеалов, а конструктивно соединять положительные аспекты каждой из сторон. Это и будет, по его мнению, существенным образом влиять на повышение ответственности внешней политики. «Новый смысл ответственности» он усматривает в том, чтобы политика с позиций ответственности осуществляла критический баланс между идеалами и реальностью, а экономика с позиций ответственности связывала бы экономические стратегии с этическими убеждениями [Кюнг 1997]. К сказанному выше необходимо добавить, что в рамках современного мироустройства речь может идти также о глобальной, общечеловеческой ответственности многообразных субъектов мировой политики за обеспечение целостности мирового сообщества, сохранения всех легитимных участников международных отношений.

ЭТИКА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Анализ сложившихся в рамках социально-политической мысли пониманий этики ответственности, а также механизма воздействия нравственности на международные отношения дает основание сделать вывод о возможности и необходи-

мости конкретизации понятия «этика ответственности», которое, по нашему мнению, применительно к сфере международных отношений и внешней политики может быть истолковано как «этика политической ответственности». Именно такое понимание представлено в работах известного российского политолога и дипломата А.С. Капто [Капто 2011].

Как справедливо отмечает Капто, сердцевина «этики политической ответственности» — синтез политической и нравственной ответственности, на основе которого формируется более высокий уровень долженствования в международных отношениях, определяемый категорией «морально-политическая ответственность».

По нашему мнению, политическая ответственность является международно-правовой категорией, поэтому ее продуктивнее рассматривать как одну из форм международно-правовой ответственности (нематериальная ответственность), которая выражается, прежде всего, в форме сатисфакций, включая заверение пострадавшей стороны в недопущении повторения правонарушения, принесение извинений, выражение сожаления, наказание конкретных виновников правонарушения, иных формах морального удовлетворения потерпевшей стороны, репрессалий, а также коллективных санкций, которые могут приниматься только по решению Совета Безопасности ООН по отношению к государствам, которые нарушают или представляют угрозу миру и безопасности [Большой... 2007].

Моральную же ответственность можно трактовать как с сугубо этических позиций, когда речь идет о нарушении моральных норм и требований международного сотрудничества, так и с позиций ответственности за нарушения правовых международных норм. Такой подход способствует преодолению толкования моральной ответственности как международно-правовой категории.

Этика политической ответственности характеризуется собственной внутренней типологией. Исследователи выделяют четыре типа ответственности: позитивная, негативная, перспективная и ретроспективная [Капто 2011].

Позитивная ответственность подразумевает согласование реализации свободы воли субъекта международных отношений с требованиями норм жизни мирового сообщества. Правовые аспекты категории позитивной ответственности нашли свое отражение, например, в Уставе ООН, в котором государства-члены возложили на Совет Безопасности ООН главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, а также в ряде международных договоров в сферах экологического, экономического, космического и других отраслей международного права.

Негативная ответственность связана с тем, что свобода воли субъекта международных отношений осуществляется с нарушением предписанных норм. В таких случаях есть правонарушитель, к которому должны быть применены адекватные совершенному им поступку меры наказания материального и нематериального характеров. Однако, к сожалению, в некоторых случаях международному сообществу оказывается не под силу применение соответствующих мер по отношению к государству-нарушителю ввиду его колоссального междуна-

родного авторитета (например, некоторые внешнеполитические действия США, нарушающие предписанные нормы, но не несущие за это ни моральную, ни политическую ответственность).

Перспективная ответственность предполагает обязательную силу международных норм морали, имеющих в данном случае всеобщий характер и являющихся постоянно действующим фактором, обращенным в будущее. В свою очередь перспективную ответственность можно подразделить на объективную ответственность (в ее основе лежит нравственный долг, понимаемый международным сообществом, и его соответствие объективным потребностям международного сообщества) и субъективную ответственность (когда конкретное государство, исходя из своих интересов, само определяет содержание долга, обязанность в выполнении взятых на себя международных обязательств). По мнению А.С. Капто, именно в субъективной ответственности наиболее полно проявляется понимание государством своего места в мире, способность руководствоваться или проявлять уважение к нормам международной морали [Капто 2011].

Таким образом, гармонизация объективных и субъективных аспектов перспективной ответственности, по нашему мнению, может служить залогом стабильности и безопасности мироустройства.

Наконец, *ретроспективная ответственность* предполагает восстановление нравственного престижа, возмещение причиненного ущерба после нарушения конкретных этических или правовых норм. В отличие от перспективной ответственности, в основе которой выражены механизмы саморегуляции, ретроспективная ответственность осуществляется в том числе и путем принуждения, ущемления собственного авторитета. Она имеет и собственный генезис: возникает в том случае, если государство не соблюдает адресованные ему нравственные предписания. Ретроспективная ответственность имеет первичную форму, в основе которой лежит готовность нарушителя восстановить свой пошатнувшийся нравственно-правовой имидж, и вторичную ответственность, возникающую в случае нежелания восстановить нарушенное, возмещать ущерб и др. Следует отметить, что ретроспективная ответственность обладает общепреventивной функцией, которая позволяет государству предотвращать нарушения как со своей стороны, так и со стороны других членов международного сообщества.

***

Таким образом, этическое рассмотрение международной политики должно включать в себя осознание растущей роли в современных международных отношениях этики политической ответственности как совокупности нравственных норм и ценностей, которыми руководствуются политические и государственные деятели, субъекты международных отношений в сохранении мира, обеспечении мировой стабильности и безопасности, межнационального согласия.

В этике политической ответственности отражаются два сложнейших процесса. С одной стороны, это тесное переплетение и в некотором смысле размытость политических и нравственных норм, каждая из которых помимо собственного

содержания имеет признаки сопредельных норм. С другой стороны, можно отметить четкое вычленение содержания каждого вида ответственности (политической — за нарушение норм международного права, нравственной — за нарушение этических норм, требований международной морали).

Глобальный характер развития человечества обусловил необходимость формирования у субъектов международных отношений и мировой политики общечеловеческого аспекта политической ответственности. Она осуществляется на основе общечеловеческих элементов в морали — ответственности за сохранение мира на Земле. Современные политические элиты должны исходить из того, что политические действия, ведущие к войне, аморальны [Tsvyk 2016]. Отсюда неизбежность признания в международных отношениях этики политической ответственности. Среди ее базовых ценностей должно находиться представление о планете как о едином целом, осознание невозможности обеспечения безопасности одного народа за счет других, ответственность живущего поколения перед своими потомками, равенство прав на экономическую и военную безопасность для всех государств и народов.

Дата поступления статьи: 15.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Большой юридический словарь* / Под ред. А.Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА; 2007.
- Вебер М.* Политика как призвание и профессия. М.: Прогресс; 1990.
- Капто А.С.* Мораль в моделях мироустройства. М.: Восток-Запад; 2011.
- Кюнз Г.* Мировая политика и мировая этика // *Культура мира и демократия*. М.; 1997. С. 123—125.
- Макиавелли Н.* Государь. М.: Планета; 1990.
- Мангейм К.* Избранное: Социология культуры. М.-СПб.: Университетская книга; 2000.
- Моргентау Г.* Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир // *Социально-политический журнал*. 1997. № 2. С. 189—201.
- Платон.* Государство. СПб.: издательство Азбука СПб; 2015.
- Цвык А.В.* Нравственные основы международных отношений // *Вестник РУДН. Серия: Философия*. 2014. № 2. С. 176—183.
- Цвык И.В.* Компьютерная этика и проблемы интеллектуальной безопасности // *Вестник РУДН. Серия: Философия*. 2013. № 3. С. 125—135.
- Цыганков П.А.* Политическая социология международных отношений. М.: Радикс; 1994.
- Tsvyk V.A., Tsvyk I.V., Lapshin I.E.* Ethics of professional practice. In: 3rd International Multidisciplinary Conference on Social Sciences and Arts, SGEM 2016. P. 487—494.

Для цитирования: *Цвык А.В.* Этика политической ответственности в международных отношениях // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 2. С. 257—264.

Сведения об авторе: *Цвык Анатолий Владимирович* — канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: tsvyk_av@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-257-264

ETHICS OF POLITICAL RESPONSIBILITY IN INTERNATIONAL RELATIONS

A.V. Tsvyk

People's Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the consideration of the moral factor in international relations. The author considers the issue of ethical evaluation of the responsibility of the actors of international relations in the ideas of a number of foreign and Russian thinkers of the 20th and 21st centuries.

The author notes that the process of analysis of the ethics of responsibility in the framework of socio-political thoughts, as well as the mechanism of the impact of morality on international relations gives reasons to conclude that it is possible and necessary to specify the concept of “responsibility ethics”, which can be interpreted as “ethics of political responsibility” in the sphere of international relations and foreign policy. Thus, in the author's point of view in the system of international relations there has emerged the most important category, which researchers characterize as the “ethics of political responsibility”.

Relying on the idea of the Russian political scientist A.S. Kapto that the core of the “ethics of political responsibility” is a synthesis of political and moral responsibility, the author analyzes its structure and classification.

The author comes to the conclusion that it is necessary to form the universal aspect of political responsibility among the actors of international relations.

Key words: international relations, international morality, ethics of responsibility, political responsibility

REFERENCES

- Kapto, A. S. (2011). *Morality in the models of the world order*. Moscow: Vostok-Zapad. (in Russ.).
- Kiung, G. (1997). World politics and World Ethics. In: *Kul'tura mira i demokratiia*. Moscow, pp. 123—125. (in Russ.).
- Machiavelli, N. (1990). *The Prince*. Moscow: Planeta. (in Russ.).
- Mannheim, K. (2000). *Sociology of knowledge*. Moscow — Saint Petersburg: Universitetskaia kniga. (in Russ.).
- Morgenthau, G. (1997). Politics among nations. *Sotsial'no-politicheskii zhurnal*, 2, 189—201. (in Russ.).
- Plato. (2015). *The State*. Saint Petersburg: izdatel'stvo Azbuka SPb. (in Russ.).
- The Big Dictionary of the Law*. (2007). Ed. by A. Ia. Sukhareva. 3rd ed. Moscow: INFRA-M. (in Russ.).
- Tsvyk, A. V. (2014). Moral foundations of international relations. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiia*, 2, 176—183. (in Russ.).
- Tsvyk, I. V. (2013). Computer ethics and the problems of information security. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiia*, 3, 125—135. (in Russ.).
- Tsvyk, V. A., Tsvyk, I. V. & Lapshin, I. E. (2016). Ethics of professional practice. *The 3rd International Multidisciplinary Conference on Social Sciences and Arts, SGEM 2016*, 487—494.
- Tsygankov, P. A. (1994). *Political sociology of international relations*. Moscow: Radiks. (in Russ.).
- Weber, M. (1990). *Politics as a Vocation*. Moscow: Progress. (in Russ.).

Received: 15.01.2017

For citations: Tsvyk, A.V. (2017). Ethics of political responsibility in international relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 257—264.

About the author: Tsvyk Anatoliy Vladimirovich — PhD in History, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: tsvyk_av@rudn.university).

© ЦВЫК А.В., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-265-278

ПОНИМАЮЩАЯ СОЦИОЛОГИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ: «АГЕНТНАЯ» МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВА НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

И.Н. Тимофеев

Московский государственный институт международных отношений
МИД РФ, Москва, Россия

В статье рассматриваются возможности социологических теорий в исследовании проблематики международных отношений. Актуальность такого анализа определяется серией международно-политических кризисов (включая украинский), которые оказались сюрпризом для ученых международных отношений. В частности, эти кризисы выявили ограниченность реализма, который остается наиболее влиятельной теорией международных отношений. В качестве альтернативы предлагается вернуться к идее конвергенции социологической теории и теории МО. В статье анализируются сильные и слабые стороны методологического холизма конструктивистской теории международных отношений, которая представляла собой попытку социологического стиля изучения международных отношений. На основе категорий понимающей социологии Макса Вебера, типологии концептуальных моделей принятия внешнеполитических решений Грэма Аллисона и модели влияния идейных факторов на внешнюю политику Марка Хааса, конструируется «агентная» модель поведения государства на международной арене. В качестве «агента» рассматриваются три единицы анализа — государство, организации и ведомства внутри государств, а также конкретные лица, принимающие и исполняющие решения. Проводится ревизия понятия идентичности как организующего концепта для анализа социальных структур и их влияния на внешнюю политику. Акцент на «агенте», а не на структуре представляет собой альтернативу методологическому холизму конструктивистов, подобных Александру Вендту. Подобная модель представляется наиболее применимой к исследованию крупных государств, которые сами задают параметры структуры международных отношений, играя, в отличие от малых стран, субъектную, а не объектную роль. Модель формируется в качестве основы для дальнейших эмпирических исследований внешней политики России на основе социологических подходов.

Ключевые слова: дилемма безопасности, конструктивизм, социальный факт, понимающая социология, агент, структура, идентичность, идеология

Тезис о затяжной трансформации системы международных отношений после окончания холодной войны стал общим для многих исследователей. В последние несколько лет скорость этих изменений возросла. Усиливается конфликтность и конкурентность международной среды. Российская внешняя политика и ее отношения с коллективным Западом оказались на острие этих изменений. За очень короткий по историческим меркам период времени Россия и Запад превратились из партнеров в соперников¹. Россия пошла на беспрецедентные для сложивше-

¹ Вопрос о степени партнерства России и Запада, конечно, является дискуссионным. Однако формат партнерства был формально закреплен в целом ряде документов — Основопологающем акте Россия—НАТО, Базовом соглашении России и ЕС и др.

гося мирового и европейского порядка меры. Она жестко отреагировала на украинскую революцию, воссоединилась с Крымом, поддержала повстанцев Донбасса, не оглядываясь на критику и санкции Запада. Подобный разворот политики Москвы оказался полной неожиданностью для ученых-международников. В очередной раз внезапный кризис заставляет исследователей проводить ревизию своих теоретических и эмпирических моделей.

Российский случай трудно назвать исключительным. Выход Великобритании из ЕС едва ли был предсказуем. США после победы Д. Трампа ведут коренной поворот своей внешней политики. Разрыв ТТП, который активно продвигался США в течение длительного времени и казался стержнем азиатской политики — лишь один из примеров в числе неожиданностей. На Ближнем Востоке сюрпризом стала тесная координация России, Турции и Ирана, при второстепенном участии Запада. Ученые вынуждены объяснять все эти события уже постфактум.

Рост силовой составляющей в международных отношениях, их хаотизация и потеря ориентиров возвращают к жизни теорию реализма в ее различных вариациях. Действительно, мощь, баланс сил, борьба за ресурсы и выживание, анархия и страх — полезные категории, задающие координаты понимания и анализа событий в условиях неустойчивости мирового порядка. Материальные параметры, на которые опираются реалисты, являются полезными индикаторами. На основе этих индикаторов можно проследить идущие полным ходом перемены — как меняются военные расходы, численность, оснащенность и расположение армий, экономические потенциалы, территориальные претензии, интенсивность локальных конфликтов и т.п. [Тимофеев 2009].

Вместе с тем, будучи прекрасным индикатором происходящих событий, категории реализма дают весьма ограниченное понимание того, почему происходят международные кризисы, подобные украинскому. Реализм бессилен в объяснении начала новой холодной войны. По сути, ни один из реалистских факторов не свидетельствовал о возможности кризиса. Баланс сил не был составляющей российско-украинских отношений. Восточный фланг НАТО, равно как и западные военные округа России, были серьезно демилитаризованы после окончания холодной войны и не представляли взаимной угрозы. Более того, Россия и НАТО выступали партнерами по целому ряду направлений (Афганистан, борьба с терроризмом и т.п.). Дальнейшее расширение НАТО на Восток было крайне отдаленной перспективой, не говоря уже о том, что постсоветская Россия вряд ли представляла угрозу для альянса. Все это заставляет искать причины, которые привели в движение силовую составляющую, но которые лежат за ее пределами и не могут сводиться исключительно к ней.

Парадоксальным образом, новая эпоха реализма в практике международных отношений заставляет искать альтернативные модели в теории МО. Происходящие процессы требуют возвращения к фундаментальным вопросам о социальной природе МО, а также к вопросу об отношениях структуры и агента, их свойств и причинно-следственных связях между ними.

Цель данной статьи состоит в конструировании теоретической модели, которая позволяла бы объяснить поведение крупной державы (агента) в отношениях

с ее контрагентами в рамках сложившихся структур международных отношений. Ее ключевой вопрос сводится к тому, каким образом идеология и идентичность влияют на выбор агента в дилемме безопасности. Основной тезис состоит в том, что в объяснении поведения крупных держав, подобных России, требуется акцент на свойствах, присущих агенту, а не системе. Истоки международных кризисов необходимо искать в социальных свойствах агента, задающих вектор его силовой политики. В таком исследовании будут востребованы теории смежных дисциплин. Аргументация этого тезиса потребует интерпретации понятий идеологии и идентичности, а также ревизии возможностей социологических теорий в объяснении международных процессов.

СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТ ИЛИ СОЦИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Акцент на социальных составляющих международных отношений принято связывать с конструктивистской теорией МО в ее различных вариациях. Конструктивизм можно считать социальной теорией международных отношений. Зависимой переменной для конструктивистов остается поведение государства в условиях дилеммы безопасности — выбор государства между миром и войной в отношениях со своими контрагентами [Тимофеев 2008]. Однако объяснение поведения государств связывается с ролью социальных конструктов — идентичностей, системы идей, культуры, традиций восприятия государствами друг друга и т.п. Именно эти социальные структуры и являются независимыми переменными в конструктивистских моделях. В то же время такой подход порождает множество вопросов [Алексеева и др. 2016]. Какова природа социальных конструктов? Как взаимосвязаны надгосударственные социальные конструкты с теми, которые порождаются отдельными государствами?

Внутри самого конструктивизма выбор в пользу структуры или агента, равно как и вопрос о природе социальных конструктов, остается открытым. При этом конструктивисты претендуют на то, чтобы выстроить «социологическую теорию» международных отношений, объясняющую конкретные факты (что собой представляет политика). Этим конструктивизм отличается от политических теорий реализма и либерализма, которые опираются на нормативные допущения (какой должна быть политика) и выстраиваются на мощной политико-философской традиции консервативных и либеральных теорий. Конструктивизм во многом возвращается к позитивистской социологии в духе Огюста Конта и Эмиля Дюркгейма [Теоретическая... 2002: 6—13].

Социологическая теория действительно дает конструктивизму богатый понятийный аппарат. Понятие социального конструкта — центрального для этой теории — вырастает из позитивистской традиции. Социальный конструкт, по сути, является коллективным представлением в том смысле, в котором его понимал Дюркгейм. То есть суммой идей, норм и установок, которые образуют надындивидуальную систему идей, не сводящуюся к представлениям отдельного человека. При этом коллективные представления задают рамки для поведения индивида, детерминируют его. Дюркгейм называет их социальными фактами — внешними

по отношению к отдельным индивидам условиям. Социальный факт должен рассматриваться в том же ключе, в котором «вещь» изучается точными науками: он должен быть эмпирически зафиксирован [Дюркгейм 1995]. То есть социальные конструкты принципиально познаваемы методами социологии даже несмотря на то, что многие из них являются «воображаемыми» сущностями.

Социологическая теория Дюркгейма задает контуры объяснительной модели социальных процессов и явлений. Она является, во-первых, холистской — т.е. частное объясняется целым, а агент вторичен по отношению к структуре. Во-вторых — идеалистической, а не материалистической: социальные структуры — это самостоятельные факторы, которые должны аналитически отделяться от роли материальных условий.

С применением этой схемы не возникает проблем в социологии, однако в исследованиях международных отношений она требует серьезной адаптации. Здесь, в первую очередь, возникает вопрос о единице анализа — кто является действующим агентом? В социологии речь идет об индивиде. В международных отношениях единицей анализа, в основном, выступает государство. Иными словами, государства действуют как индивиды, порождая надгосударственную систему коллективных представлений. Эти представления обретают самостоятельную силу и детерминируют поведение отдельных государств.

Но ведь и сами государства являются коллективными сущностями! Соответственно предмет изучения раздваивается. С одной стороны, можно объяснять поведение государства влиянием международных (наднациональных) норм. Александр Вендт, в частности, говорит о системе МО, как о системе распределения идей, по аналогии с неореализмом Кеннета Уолтца с его системой МО, построенной на распределении мощи. В таком случае, мы делаем акцент на структуре, а не на агенте. Но с другой стороны, можно говорить о поведении государства с точки зрения его собственных коллективных представлений — традиций, стратегической культуры, идентичностей и т.п. В этом случае мы делаем акцент уже на агенте — мы изучаем его с точки зрения его коллективных представлений и их влияния на внешнюю политику. Из этих двух альтернатив Вендт выбирает в пользу холизма, делая акцент на структуре. В то же время он признает, что коллективные представления агента — отдельная тема и значение этого фактора велико [Wendt 1999: 1—5].

Основная проблема конструктивистского холизма в международных отношениях (это признает и сам Вендт) связана с низкой плотностью международной среды [Wendt 1999: 10—14]. Если в качестве агента рассматривать государство, то их число в системе международных отношений ограничено парой сотен — это ничтожное число в сравнении с дюркгеймовским множеством агентов, направляемых социальными фактами. Нормативные структуры, порождаемые ограниченным набором игроков, могут оказаться гораздо менее устойчивыми и влиятельными в сравнении с аналогичными структурами в обществе. Кроме того, в обществе агентам свойственна большая однородность — многие социальные характеристики имеют нормальное распределение. И наоборот, в международных отношениях

неравенство потенциала агентов — ключевое свойство. Число тех, кто может считаться значимыми игроками не превышает полусотни, а клуб наиболее сильных ограничивается десятком. Но с другой стороны у государства как агента есть и противоположное свойство. Даже самое бедное государство обладает политическим суверенитетом. Оно имеет возможность расправиться на своей территории с любым неправительственным актором, невзирая на его авторитет и финансовую мощь. Иными словами, даже слабое государство может игнорировать международные нормы. Причем это происходит даже тогда, когда в его адрес идет давление со стороны крупных игроков. Государство — монополист на насилие. Именно этим объясняется нежелание многих международников расширять аналитическую схему системы международных отношений на негосударственных игроков. Такой аналитический ход давал бы возможность рассматривать систему международных отношений как гораздо более плотную среду, укрепляя позиции сторонников изучения неправительственных акторов, равно как и сторонников холистских подходов.

Вместе с тем трудно отрицать то, что государства могут формировать устойчивые сети, режимы, организации, а также нормы поведения. Нет сомнений, что эти нормы могут влиять на действия государств, задавать рамки «рациональному выбору». Хедли Булл, ставший одним из предтеч конструктивизма, характеризовал мировой порядок как совокупность норм. Причем они далеко не сводятся к международному праву. Булл рассуждает о культуре международных отношений, носителями которой выступают, главным образом, элиты и внешнеполитическое сообщество. От того, насколько глубоко эта культура сможет прорасти вглубь отдельных обществ, зависит и будущее международных норм [Bull 2002: 304]. Брексит в Великобритании и победа Д. Трампа в США как раз являются частью этого противоречия. По сути, это протест общества против давно глобализовавшейся элиты [Лукьянов и др. 2017].

Александр Вендт вносит в идеи Хедли Булла важное дополнение. Мировой порядок вряд ли можно рассматривать в отрыве от понятия анархии. Природа МО анархична. Но сама анархия — далеко не предзадана по умолчанию эгоистической природой государства, как это полагают реалисты. Анархия — это не что иное, как социальный конструкт, своего рода система восприятия международных отношений. Поэтому биполярность или многополярность в «гоббсовской» системе координат будет означать совершенно иное, в сравнении с «локковской» или же «кантианской» [Wendt 1999: 7—21]. По большому счету такой подход имеет постструктуралистскую логику. Задача исследователя — провести «археологию знаний», вскрыть систему идей, которая определяет поведение государств.

Тем не менее этот интеллектуальный ход имеет нюанс. Действительно, международные «коллективные представления» могут повлиять на поведение государства. Но значит ли это, что они определяют его идентичность — его представление о себе, своей роли в мире? Ведь идентичность не равна поведению. В ее формировании велика роль национальной политической и интеллектуальной элиты, а также исторический и культурный материал той или иной страны. Как ми-

нимум спорным является то, что международная культура способна «перебить» механизмы формирования идентичности внутри агента. А это возвращает нас к внутренним механизмам формирования идентичности агента. В конечном итоге их специфика вполне может влиять на то, как именно воспринимаются международные нормы. А это в свою очередь ставит перед необходимостью заглянуть внутрь «бильярдного шара» — государства как агента международных отношений.

Возвращение к агенту делает целесообразным и расширение фокуса социологической теории, стоящей за конструктивистской теорией МО. Если для анализа структур идей вполне подходит понятие социального факта Эмиля Дюркгейма, то для изучения агента подходящим представляется понятие социального действия Макса Вебера. Сущностная черта социального действия — наличие субъективного смысла, которое вкладывает в него действующий агент, ориентируясь на поведение и смыслы других. Соответственно задача исследователя — раскрыть субъективный смысл, «понять» социальное действие, добиться того, что Вебер называет рациональной очевидностью [Теоретическая... 2002: 71—110]. В этом случае идентичность становится своего рода навигационной картой, позволяющей нам истолковать смысл действия индивида.

Но здесь возникает другой вопрос — а можно ли отождествлять индивида и коллективного агента, к числу которых относится и государство? В методологии Макса Вебера ответ был бы отрицательным. «Коллективные мысленные образования», как называет их Вебер, сводятся к пониманиям и действиям отдельных индивидов. Коллективные структуры важны с точки зрения того, как именно они понимаются индивидом (в отличие от дюркгеймовских социальных фактов, не сводимых к индивиду). Для нас же это означает необходимость уточнить понятие агента и зафиксировать в нем роль индивидуального и коллективного начал.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ И ТРИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ «АГЕНТА»

Грэм Аллисон в одной из своих работ представил замечательную картину конкуренции различных интерпретаций государства как агента международных отношений. Он определил три подхода к понятию агента, причем каждая такая интерпретация задает собственный исследовательский фокус — причинно-следственные связи, которые необходимо изучать, предмет и объект исследования [Теория... 2002].

В модели рациональной политики государство (агент) рассматривается как «черный ящик». Известны параметры «входа» и «выхода» — т.е. рациональные потребности и интересы государства, а также рациональные ответы на эти потребности — политические стратегии или отдельные шаги на международной арене. То, как именно функционирует «черный ящик», выводится за рамки анализа. Внутри «черного ящика» далеко не все взаимодействия могут быть рациональными — они подвержены аффектам, случайностям, непреднамеренным действиям. Но в сумме они дают рациональное восприятие проблем, целеполагание и действия по их решению. При этом государство стремится максимизировать

полезность своих действий, т.е. добиться высоких результатов при минимальных издержках. Оно выбирает из нескольких альтернатив наиболее полезную [Теория... 2002].

Для теорий реализма и либерализма в МО такое понимание агента является наиболее подходящим — именно поэтому их называют рационалистическими теориями. Структура международных отношений порождается суммой взаимодействия рациональных игроков. Возникают международные нормы, режимы или же структуры распределения мощи, которые делают то или иное поведение государства более или менее рациональным. Соответственно лидерство получает тот игрок, который максимизирует ресурсы, добивается их рационального использования и активно влияет на формирование «правил игры». При этом реалисты остаются в концепции «черного ящика», рассматривая государство как «бильярдный шар». Либералы пытаются выявить влияние внутренней структуры «черного ящика» на внешнеполитические решения, но не отходят от рационалистической картины агента.

Совсем иная картина предстает в двух других моделях. Первая альтернатива — модель организационного процесса. Здесь происходит отказ от понимания государства как «черного ящика». Внутри него обнаруживается конгломерат организаций и корпоративных структур, каждая из которых обладает собственным функционалом. Эти структуры по своему рациональны. Причем мерилom рациональности здесь выступает не только и не столько результат внешней политики, сколько доля государственных ассигнований, выделяемых именно этой организации, а также закрепленных за ней политических полномочий. Формально организации должны действовать скоординировано. Но в реальности они нередко враждуют и конкурируют друг с другом. Влияние лидера государства на организации ограничено. У них есть массивный набор правил и установлений, которые крайне сложно изменить в одночасье — смена руководителей организации далеко не идентична смене ее правил. Поэтому каждая организация пытается снизить неопределенность, максимально формализуя свою работу, превращая ее в набор повторяющихся, четко прописанных репертуаров — гласных и негласных инструкций. Изучение этих репертуаров — ключ к пониманию внешней политики государства. Внешнеполитический курс «запрограммирован» репертуарами организаций — чтобы понять завтрашние внешнеполитические действия, нужно изучить сегодняшние правила, рутины и программы организаций [Теория... 2002]. К этому я добавил бы необходимость изучения и организационных субкультур.

Вторая альтернатива — модель бюрократической политики. Здесь единицей анализа выступает уже не организация, а множество индивидов, исполняющих те или иные функции в государственном аппарате. У каждого из них — свое место и роль в иерархии (лидеры, аппаратчики, исполнители), особый набор полномочий и ресурсов, которыми они могут распоряжаться. Процесс взаимодействия между ними можно описать в терминах теории социального обмена Джорджа Хоманса и Питера Блау. За внешней политикой стоит непрерывный внутренний торг отдельных лиц на самых разных уровнях государственного аппарата. Итоговые

решения представляют собой «протаскивание» одних решений в ущерб другим, а не результат рациональной политики. Тем не менее итоговое решение часто не соответствует в полной мере ожиданиям ни одного из конкурирующих игроков [Теория... 2002].

Очевидно, что социологические подходы в наибольшей степени применимы к модели организаций и модели бюрократической политики. В первом случае речь будет идти об изучении формальных и неформальных институтов — дюркгеймовских социальных фактов. Во втором — об изучении социального действия отдельных лиц в бюрократической машине, а также смысла, который они вкладывают в свои действия и который они атрибутируют с институтами.

Эти три подхода задают логику понимания идентичности агента. В первом случае идентичность можно рассматривать как государственную доктрину или идеологию — совокупность документов и программ, в которых определяется видение государством своего места и роли в мире. То, как именно и кем были подготовлены эти формальные нарративы, выходит за пределы данного подхода: важен сам факт наличия тех или иных рациональных норм. Во втором случае идентичность — это набор различных видений и концепций государства и его места в мире, закрепленных в формальном функционале и неформальной культуре отдельных организаций. Картина мира в силовых ведомствах может серьезно отличаться от аналогичной картины в гражданских министерствах. Здесь предметом анализа являются организационные нормы и культуры. В третьем случае идентичность — это картины мира отдельных функционеров, тот смысл, который они вкладывают во внешнюю политику своего государства и его идеологию.

Возникает вопрос, а не является ли идентичность лишним понятием? Может быть для понимания поведения государства (например, выбора в дилемме безопасности) достаточно знать рациональные мотивы, или же мотивы организаций, или же особенности поведения индивидов и малых групп, вовлеченных в принятие и исполнение решений? В чем добавленный смысл понятия идентичности?

Ответ на этот вопрос представляется следующим. Идентичность выступает «организующим понятием», т.е. объединяющим под своим зонтиком целый пласт социальных явлений. Независимо от того, как именно мы понимаем агента, он имеет определенную картину мира, своего места в ней, представление о «значимых других». Агент определенным образом интерпретирует свою историю и конструирует образ будущего. За всем этим стоит множество явлений — формальные и неформальные нормы, убеждения и установки, корпоративная и индивидуальная культура, отражение норм в сознании отдельных индивидов или же в культурах организаций. Понятие идентичности помогает организовать все это множество явлений. Идентичность имеет отношение к «я-концепции» агента, является социальным конструктом, преломляющимся в сознании отдельных индивидов. При этом понятие идентичности, как и любое понятие, не является исчерпывающим, организуя лишь определенный кластер явлений.

Здесь необходимо пояснить понятие идентичности как социального конструкта. Хорошим подспорьем представляется богатая теоретическая традиция изучения наций и национализма, а точнее дискуссия между «примордиалистами» и «конструктивистами». Первые исходят из того, что национальная идентичность укоренена в этнической и религиозной культуре. Глубокие культурные пласты задают определенную колею или нормативные рамки для элиты государства [Смит 2004]. Конструктивисты, наоборот, считают национальную политическую элиту активным действующим лицом. Элита конструирует национальную идентичность, интерпретирует исторический и культурный материал в интересах легитимации своей власти, изобретает традиции и ритуалы, создает и транслирует через СМИ и массовые институты образ государства и «значимых других». В любом случае на выходе мы имеем дело с определенной смысловой и нормативной конструкцией, достаточно стабильной и устойчивой во времени, укорененной в групповом сознании и культуре. Независимо от того, как именно конструируется идентичность, ее трудно изменить в одночасье.

Еще один важный вопрос — соотношение понятий идентичности и идеологии. Оба понятия находятся в логическом отношении пересечения: они не тождественны, но имеют пересекающееся смысловое поле. Идеология представляет собой систему аргументации нормативного политического порядка. Идеология — утилитарна, направлена на конкретные политические цели и отражает властный интерес той или иной социальной группы. Идентичность может отражаться в идеологии, например, в национальной доктрине. Но она выходит за ее пределы, будучи укорененной в культуре. Идеология — маркер идентичности, но не сводится к ней. В зависимости от фокуса исследования, можно изучать идентичность через анализ идеологий или же через изучение культуры. Пример одной из таких моделей мы рассмотрим ниже.

МОДЕЛЬ ХААСА

В российском научном обороте была незаслуженно пропущена оригинальная модель влияния идейных факторов на внешнюю политику, автором которой является Марк Хаас [Haas 2007]. Он отталкивается от теорий социальной идентичности и указывает на социально-психологические механизмы конфликтов. Этот подход Хаас противопоставляет «материалистическому» взгляду, который подразумевает, что конфликты находятся в зависимости от распределения ограниченных ресурсов. Человеку и группам свойственно формировать идентичность — видение себя и других. Независимо от изобилия ресурсов, группам присуще оценивать себя в терминах превосходства и закреплять такую оценку через негативный образ другого [Haas 2007: 9]. Влияние дефицита ресурсов вряд ли стоит сбрасывать со счетов [Тимофеев 2014]. Но социальная динамика групп может создавать конфликты даже там, где нет конкуренции за ресурсы. (Интересно, тезис о предзаданности конфликта согласуется с находками Питирима Сорокина [Сорокин 2000: 556—557]). В своих исследованиях истории войн и конфликтов он обнаружил, что их циклы и частота конфликтов более или менее постоянны и не зависят от ресурсной обес-

печенности). Иными словами, группы могут «воображать» конфликт даже там, где для этого нет материальных причин. То, против кого будет действовать этот механизм, определяется идеологией. Она позволяет классифицировать «значимых других», исходя из их идеологических установок.

Важным в модели Хааса является понятие идеологической дистанции между агентами. Хаас постулирует тезис о том, что причиной конфликтного поведения государств является степень расхождения в их идеологиях, тогда как само содержание идеологий — вторично. При этом под идеологией он понимает систему нормативных установок, помогающих политическому лидеру легитимировать свой режим и действия. Сам лидер является носителем этой идеологии, в той или иной степени разделяет ее. Лидера нельзя понимать как циничного наблюдателя, который использует идеологию лишь как ширму. А значит — идеология также определяет и то, как именно интерпретируются лидером действия других государств и исходящие от них угрозы [Haas 2007: 4—9].

Другое важное понятие в модели Хааса — идеологическое заражение. Идеологии вполне могут носить транснациональный характер, передаваясь от одних стран другим, влияя и трансформируя их идентичности, получая специфическую национальную интерпретацию. Целостность режима в одной стране вполне может быть затронута идеями другой, что превращает идеологию в фактор безопасности, равно как и в вопрос доверия. Страх идеологического заражения подрывает доверие, заставляет рассматривать источник заражения в качестве угрозы [Haas 2007: 4—9]. Это хорошо показал опыт «цветных революций» на постсоветском пространстве, которые с подозрением воспринимались в России и оказывали влияние на ее отношения с Западом [Дегтерев 2016].

Однако здесь возникает традиционный для международных отношений вопрос о роли силы. Какое отношение идеология и идентичность имеют к фактору силы? Гипотеза Хааса состоит в том, что чем больше идеологическая дистанция между странами, тем в большей степени на их отношения влияет баланс сил. Идеологическая дистанция усиливает «гоббсовский страх», обостряет анархичность международных отношений и усложняет коммуникацию между государствами. В условиях большой идеологической дистанции любая коммуникация между странами становится дорогостоящей для их лидеров. Позитивные сигналы противоположной стороне чреваты потерей внутренней легитимности. (Внутренняя критика намерений Д. Трампа по нормализации отношений с Россией представляется хорошей иллюстрацией). Кроме того, идеологическая дистанция порождает разные интерпретации одного и того же. Стороны не понимают одинаково сигналы, которые направляют друг другу. Они действуют в разных нарративах, что еще больше усложняет коммуникацию и усиливает неопределенность. Идеология помогает определить угрозу, тогда как силовой потенциал и баланс сил определяют оптимальную стратегию реагирования на угрозу [Haas 2007: 10—18].

Модель Хааса возвращает нас к веберовскому понятию субъективного смысла. Основное действующее лицо в этой модели — политические лидеры и лица, принимающие решения. В конечном итоге дилемма безопасности будет решаться в зависимости от того, какой субъективный смысл вкладывают лидеры в существующий баланс сил, а также безопасность собственного государства.

***

Попробуем обозначить основные допущения модели исследования внешней политики государства с социологической точки зрения (понимая, что речь идет лишь об одной из возможных моделей, а социологическая и политическая теория дает возможность сконструировать массу других схем).

Во-первых, наша модель объясняет политическую переменную (поведение государства на международной арене в условиях анархии, неопределенности и дилеммы безопасности) набором переменных, выходящих за пределы политических категорий. Этим модель отличается от базового постулата реалистов и неореалистов, которая подразумевает объяснение политического политическим — интересами, стремлением к гегемонии, распределением мощи и т.п. [Waltz 2010: 41—51].

Во-вторых, наша модель является социологической в том плане, что набором ее независимых переменных выступают социальные конструкты — идентичность, нормы, культура, а также субъективный смысл, который атрибутируется отдельным действующим индивидом (политическим лидером или иным действующим лицом) с институтами, балансом сил или поведением других государств.

В-третьих, модель является идеалистической, т.е. речь идет об изучении тех социальных конструктов, которые носят нематериальный характер. Понимая важность материальных факторов, мы фокусируемся на изучении «воображаемых» социальных конструктов или же субъективных смыслов, проводим археологию знания в том смысле, в котором это понятие использовалось постструктуралистами. Проблема распределения ресурсов или неравенства как таковая остается за пределами нашего анализа. Скорее нас интересует субъективный смысл, который связывается с этими явлениями.

В-четвертых, мы рассматриваем социальные конструкты как свойственные агенту, а не структуре (понимая, что структурные исследования также имеют серьезный объяснительный потенциал). Наше допущение состоит в том, что в изучении внешней политики таких крупных государств, как Россия целесообразно делать акцент именно на агенте в силу его веса, способности самостоятельно форматировать международную среду и игнорировать аналогичные импульсы извне. Структурный (холистский) подход в большей степени подходит для изучения малых и средних государств, а также неправительственных акторов. Хотя влияния внешней среды на формирование идентичности даже крупных агентов исключать не следует.

В-пятых, понятие агента мы связываем не столько с государством как «черным ящиком» и рационально действующим актором, сколько с конкретными индивидами (лидерами, лицами, принимающими решения, исполнителями), их картинами мира и восприятиями тех или иных институтов. То есть мы рассматриваем агента в веберовской логике. В типологии аналитических моделей государства Грэма Алиссона мы делаем акцент на третьем подходе — анализе политики сквозь призму конкретных индивидов, занимающих определенное место в государственных институтах и иерархиях.

В-шестых, мы рассматриваем понятие идентичности как организующее понятие для анализа социальных конструктов и их влияния на внешнюю политику.

Мы также используем понятие идеологии, которое находится в логическом пересечении с понятием идентичности.

Наконец, в-седьмых, мы берем на вооружение понятие идеологической (идейной) дистанции Марка Хааса как объяснительного механизма поведения государства на международной арене.

Дальнейший шаг нашего исследования — эмпирическая апробация модели через серию глубинных интервью с представителями российской внешнеполитической элиты.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева Т.А., Минеев А.П., Фененко А.В., Лошкарев И.Д., Ананьев Б.И.* Зачем нужна «квантовая» реформа конструктивизма в теории международных отношений? // *Вестник МГИМО — Университета*. 2016. № 6. С. 7—13.
- Барабанов О.Н., Бордачев Т.В., Лукьянов Ф.А., Суслов Д.В., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н.* Глобальный бунт и глобальный порядок. Революционная ситуация в мире и что с ней делать. М.: Валдайский клуб; 2017.
- Дегтерев Д.А.* Распространение культурных норм и ценностей: агентное моделирование // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2016. Т. 16. № 1. С. 141—152.
- Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод и назначение. М.: Канон; 1995.
- Смит Э.* Национализм и модернизм. М.: Праксис; 2004.
- Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. СПб.: Издательство РХГИ; 2000.
- Теоретическая социология. Антология в 2 томах* / Под ред. С.П. Баньковской. М.: Книжный дом университет; 2002. Т. 1.
- Теория международных отношений: хрестоматия* / Под ред. П.А. Цыганкова. М.: Гардарики; 2002.
- Тимофеев И.Н.* Баланс сил, взаимозависимость и идентичность: эмпирические модели решения дилеммы безопасности // *Вестник МГИМО — Университета*. 2008. № 3. С. 48—59.
- Тимофеев И.Н.* Дилемма безопасности: риск вооруженного конфликта между великими державами // *Полис*. 2009. № 4. С. 8—33.
- Тимофеев И.Н.* Мировой порядок или мировая анархия? Взгляд на современную систему международных отношений // *Рабочие тетради РСМД*. 2014. № 18.
- Bull H.* *The Anarchical Society: A Study of Order In World Politics*. New York: Columbia University Press; 2002.
- Haas M.* *The Ideological Origins of Great Power Politics, 1789—1989*. Ithaka: Cornell University Press; 2007.
- Waltz K.* *Theory of International Politics*. Long Grove: Waveland Press; 2010.
- Wendt A.* *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press; 1999.

Дата поступления статьи: 14.03.2017

Для цитирования: *Тимофеев И.Н.* Понимающая социология внешней политики: «агентная» модель поведения государства на международной арене // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 2. С. 265—278.

Сведения об авторе: *Тимофеев Иван Николаевич* — канд. полит. наук, доцент кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений МИД РФ МИД РФ, программный директор РСМД (e-mail: itimofeev@russiancouncil.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-265-278

INTERPRETIVE SOCIOLOGY OF FOREIGN POLICY: “AGENT” MODEL OF STATE BEHAVIOR ON THE INTERNATIONAL ARENA

I.N. Timofeev

MGIMO (U) of Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. The article revisits the utility of sociological theories for the students of international relations. The failure of IR scholars to predict Ukrainian crisis revealed the limits of realism, which still remains most influential IR theory. These limits make rethink the prospects of convergence of IR and sociological theories. Pros and cons of holistic constructivist theory are examined. The article results in making an “agent-focused” model composed of the concepts of Max Weber’s interpretive sociology, Graham Allison’s typology of models of decision making and Mark Haas’s model of ideological origins of great powers’ politics. In doing so, it also revisits the concept of identity as a mean to understand “social facts” and their influence on foreign policy. The emphasis on the “agent” though not the “structure” is approached as an alternative to holistic constructivism of Alexander Wendt and his epigones. The “agent” model is supposed to be more capable for studies of great powers’, which play an active role in setting up the “structure’s” parameters. Three different approaches to “agent” are considered — “agent” as a state, as a bureaucratic body or structure within the state and as decision-makers and their staff. The model is designed for further empirical research of the Russian foreign policy.

Key words: security dilemma, constructivism, social fact, interpretive sociology, agent, structure, identity, ideology

REFERENCES

- Alekseeva, T. A., Mineev, A. P., Fenenko, A. V., Loshkarev, I. D. & Anan'ev, B. I. (2016). Why Constructivism In IR Needs a “Quantum Reform”? *Vestnik MGIMO*, 6, 7—13. (In Russ.).
- Anthology of IR Theory*. (2002). Edited by P. A. Tsygankov. Moscow: Gardariki. (In Russ.).
- An Anthology on Sociological Theory*. (2002). Edited by S. P. Bankovskaya. Moscow: Knizhnyi dom universitet, Vol. 1. (In Russ.).
- Barabanov, O. N., Bordachev, T. V., Luk'yanov, F. A., Suslov, D. V., Sushentsov, A. A., Timofeev, I. N. (2017). *Global Revolt and Global Order. How to Deal with the Revolutionary Situation in the World?* Moscow: Valdai Discussion Club. (In Russ.).
- Bull, H. (2002). *The Anarchical Society: A Study of Order In World Politics*. New York: Columbia University Press.
- Degterev, D. A. (2016). Dissemination of Cultural Norms and Values: Agent-Based Modeling. *Vestnik RUDN. International Relations*, 16 (1), 141—152. (In Russ.).
- Durkheim, E. (1995). *Sociology: Its Aim and Method*. Moscow: Kanon. (In Russ.).
- Haas, M. (2007). *The Ideological Origins of Great Power Politics, 1789—1989*. Ithaka: Cornell University Press.
- Smith, E. (2004). *Nationalism and Modernism*. Moscow: Praxis. (In Russ.).
- Sorokin, P. (2000). *Social And Cultural Dynamics*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo RKhGI. (In Russ.).
- Timofeev, I. N. (2008). Balance of Power, Interdependence and Identity: Empirical Models of Security Dilemma. *Vestnik MGIMO*, 3, 48—59. (In Russ.).
- Timofeev, I. N. (2009). Security Dilemma. Risk of Armed Conflict between the Great Powers. *Polis. Political Studies*, 4, 8—33. (In Russ.).

Timofeev, I. N. (2014). *World Order Or World Anarchy? An Approach To Contemporary IR System*. *RIAC Working Papers*, 18. (In Russ.).

Waltz, K. (2010). *Theory of International Politics*. Long Grove: Waveland Press.

Wendt, A. (1999). *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.

Received: 14.03.2017

For citations: Timofeev, I.N. (2017). Interpretive sociology of foreign policy: “agent” model of state behavior on the international arena. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 265—278.

About the author: *Timofeev Ivan Nikolaevich* — PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Theory of MGIMO of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Program Director of the RIAC (e-mail: itimofeev@russiancouncil.ru).

© Тимофеев И.Н., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-279-289

ДИХОТОМИЯ «ОБЕЗДОЛЕННЫЕ — ВЫСОКОМЕРНЫЕ» В ШИИТСКОМ ВОСПРИЯТИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

О.С. Чикризова

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Статья посвящена рассмотрению дихотомии «обездоленные (араб. مستضعفون *мустад‘афун*, перс. مستضعفين *мостазефин*) — высокомерные» (араб. مستكبرون *мустакбирун*, перс. مستكبرين *мостакберин*), которая была разработана в рамках шиитского ислама и стала важным элементом теории и практики международных отношений таких государств, как Иран и Ливан.

Автор выявляет особенности восприятия международных отношений мусульманскими государствами, а также объясняет отличия в формировании взглядов на миропорядок на Западе и в мире ислама.

Наиболее важные аспекты дихотомии «обездоленные — высокомерные», лежащей в основе шиитского восприятия международных отношений и оказавшей влияние на внешнюю политику Ирана и Ливана, были разработаны такими шиитскими религиозными мыслителями, как Мухаммад Бакир ас-Садр, Муса ас-Садр, Рухолла Мусави Хомейни, а также Мухаммад Хусейн Фадлалла. Их представления о миропорядке базируются на интерпретации наиболее важных источников ислама — Корана и хадисов.

Идеи шиитских религиозных авторитетов получили широкое распространение и популярность в различных странах мира ислама в 1970-е гг. Это обусловлено тем, что данные идеи стали реакцией на недовольство широких масс в странах Ближнего и Среднего Востока вмешательством в их внутренние дела западных стран, монополизацией западными компаниями природных богатств государств региона, а также бездействием местных властей, допустивших неокOLONIALИЗМ. Более того, к тому времени в странах региона уже наступило глубокое разочарование как в социализме, так и в капитализме, которым не удалось разрешить проблемы, тормозящие развитие мусульманских государств.

Шииты как часть мира ислама, которая на протяжении своей длительной истории практически всегда подвергалась дискриминации и гонениям со стороны суннитского большинства, высказались о том, что угнетенным и обездоленным мусульманским народам незачем заимствовать у Запада какую-либо государственную идеологию, поскольку ответом на все вопросы и главным оружием в борьбе с «высокомерными» может стать только ислам.

Ключевые слова: умма, шиизм, исламские теории международных отношений, принцип справедливости (аль-‘адль), дихотомия «обездоленные — высокомерные», Иран, Фонд обездоленных, басидж, Ливан, «Харакат аль-махрумун», «Хизбалла»

Существующие концепции мировосприятия, разработанные в рамках различных наук (истории, социологии, антропологии и т.д.) часто включают в себя определенную дихотомию. Так, в исторической науке, а позже в международных отношениях широкое распространение получило противопоставление «Восток — Запад» как дихотомия, обосновывающая разделение человечества на западные общества / цивилизации и восточные общества / цивилизации. При этом в разные исторические периоды содержание понятий «Восток» и «Запад» менялось, как менялась и граница между этими двумя мирами.

Что касается исламских концепций миропорядка, то в них также укоренились теории, в основу которых заложено противопоставление. В частности, в рамках суннитского ислама сложилась дихотомия *дар аль-ислам* («территория ислама») — *дар аль-харб* («территория войны»). «Территория ислама», включающая в себя мусульманские страны, находящиеся под властью мусульманских правителей, которые управляют своими подданными в соответствии с нормами шариата, противопоставляется здесь «территории войны» — немусульманским государствам, которые рассматривались мусульманскими правоведами (*факихами*) как находящиеся в состоянии войны с миром ислама [Ислам... 1991: 56]. Важно отметить, что понятия *дар аль-харб* и *дар аль-ислам* отсутствуют как в Коране, так и в Сунне [Mauriello, Marandi 2016: 56].

В свою очередь, в рамках ислама шиитского толка международные отношения определяются в соответствии с другой дихотомией: «обездоленные — высокомерные» (*мустанд 'афун / мостазефин — мустакбирун / мостакберин*).

Перед тем как перейти к анализу понятий «обездоленные» и «высокомерные» в шиитском восприятии международных отношений, необходимо разъяснить особенности процесса становления взгляда на международные отношения в мире ислама в целом.

Первое. После смерти султана Сулеймана I Кануни (1520—1566 гг.) Османская империя постепенно начала клониться к закату. Европейские правители год от года все меньше обращали внимание на «османский фактор» во взаимоотношениях друг с другом и с государствами Востока. Более того, после Тридцатилетней войны в Европе (1618—1648 гг.), по итогам которой был подписан Вестфальский мирный договор, была установлена одноименная система международных отношений, зафиксировавшая отделение религии от политики. Как известно, в исламе эти две сферы органично связаны. Исходя из этого, можно констатировать, что Вестфальский миропорядок создавался европейскими государствами исключительно для взаимодействия между собой, он не учитывал специфику политической ситуации и процесса принятия внешнеполитических решений в неевропейских странах; ни одно мусульманское государство Востока не имело необходимого влияния на мировой арене, чтобы не допустить легитимации секуляризации международных отношений. Таким образом, поскольку исламские теории международных отношений формировались в условиях идейного европоцентризма, секуляризма и доминирования Европы в политике и экономике, разработчики исламских концепций были вынуждены прибегать к лексикону западных теорий, что не всегда позволяло продемонстрировать самобытность исламского политического мировоззрения и разъяснить все его особенности.

Второе. Западные и исламские теории международных отношений исходят из совершенно разных предпосылок. Во-первых, в рамках западных теорий, как уже отмечалось, религия и политика отделены друг от друга. Во-вторых, если западные теории главными акторами в международных отношениях видят государства-нации, сложившиеся вследствие естественного «ощущения самоидентификации социума с конкретным политическим образованием» [Воронин 2011: 54], то в рамках исламских концепций понятие «нация» отрицается, оно заменяется

понятием «умма» — религиозная община мусульман, не привязанная к конкретной территории и не очерченная четкими границами. В этой связи главной целью правителя любой мусульманской страны провозглашается создание единой уммы, что особенно актуально в современных условиях, когда границы между государствами в мире ислама, в частности на Ближнем и Среднем Востоке, проведены искусственно, без учета этнических, конфессиональных, племенных и других особенностей заселения региона. В-третьих, если центральными понятиями доминирующих западных теорий являются «сила», «национальный интерес», «свобода», «демократия», то в центре исламского (в особенности шиитского) восприятия международных отношений находится понятие «справедливость». Справедливость является образующим понятием дихотомии «обездоленные — высокомерные» и высшей политической ценностью в контексте шиитского восприятия международных отношений в целом [Mauriello, Marandi 2016: 59—60].

Вера в божественную (аллахическую) справедливость и правосудие Аллаха (*аль-‘адль*) в исламе входит в число основных догматов веры (*усуль ад-дин*) наряду с единобожием (*ат-таухид*), признанием пророческой миссии Мухаммада и его предшественников (*ан-нубувва*) и верой в воскресение, Судный день и потусторонний мир (*аль-ма‘ад*, или *аль-кийяма*). В шиизме пятым догматом веры является учение об *имамате* [Ислам... 1991: 243].

Божественная справедливость, согласно исламскому вероучению, — это высшая справедливость, недоступная пониманию человека. Аллах, обладающий справедливостью, воздаст как за добро, так и за зло [Ислам... 1991: 13]. Шииты верят, что в конце времен двенадцатый имам, Махди, вернется на землю из своего «сокрытия» (*аль-гайба*) во главе многочисленной армии, состоящей из угнетенных и добровольцев, чтобы наполнить мир справедливостью и прекратить угнетения [Amir-Moezzi 2012].

Что касается справедливости человека, то, в соответствии с исламским вероучением, всякий, кто претендует на государственную или выборную должность или выполнение важных общественных обязанностей, должен быть справедливым [Ислам... 1991: 14]. Это положение займет особое место в концепции *вейлайат-э факих* (правление факиха) аятоллы Р.М. Хомейни, лидера исламской революции в Иране.

Понятие *мустакбир* (араб., ед. ч. от *мустакбирун*; перс. *мостакберин*) в Коране трактуется как тот, кто «отворачивается горделиво», когда Аллах читает ему свои знамения, «как будто бы и не слышал их, как будто в ушах у него глухота» (сура «Лукман», аят 6 (7))¹. Для таких людей Аллах предусмотрел «унизительное наказание» («Лукман», аят 5 (6))².

Понятие *мустанд‘аф* (араб., ед. ч. от *мустанд‘афун*, перс. *мостазефин*) в Коране означает «слабый [настолько, чтобы подвергаться преследованиям], обездоленный» [Badawi, Abdel Haleem 2008: 553]. В суре «Женщины», аят 77 (75) говорится: «И почему вы не сражаетесь на пути Аллаха и за слабых мужчин и женщин и детей,

¹ Коран / Пер. и ком. И.Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. С. 338.

² Там же.

которые говорят: «Господи наш! Выведи нас из этого селения, жители которого тираны, и дай нам от Тебя покровителя и дай нам от Тебя помощника?»³. Термин *мустад‘афун* мы находим также в аятах 99 (97), 100 (98), 126 (127) суры «Женщины» и аяте 26 (26) суры «Добыча».

По мнению знаменитого востоковеда Б. Льюиса, понятие *мустад‘афун* / *мостазефин* присутствовало в политическом лексиконе мусульман со Средних веков и использовалось в значении ‘лишенные чего-либо, обездоленные’, а в современных реалиях оно может употребляться для обозначения революционных движений, борющихся против различных форм дискриминации и угнетения [Lewis 1988: 15].

Рассмотрим использование дихотомии «обездоленные — высокомерные» во внешнеполитической риторике Исламской Республики Иран и ливанского движения «Хизбалла».

ДИХОТОМИЯ «ОБЕЗДОЛЕННЫЕ — ВЫСОКОМЕРНЫЕ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ИРАНА

Исламская Республика Иран реализует курс, основанный на восприятии аятоллой Хомейни политики как борьбы «обездоленных» против «высокомерных».

Представления лидера иранской революции об исламском миропорядке изложены в работе «Правление факиха: исламская власть»⁴, которая представляет собой знаменитую серию лекций, прочитанных аятоллой Хомейни в Эн-Наджафе (Ирак) в 1970 г. Важно отметить, что в своих выступлениях Р.М. Хомейни использовал в том числе и синонимы терминов *мостазефин* и *мостакберин*, которые также можно найти в Коране: *залим* (с араб. тиран) и *мазлум* (с араб. терпящий несправедливость), а также *махрум* (с араб. лишенный чего-либо) [Mauriello, Marandi 2016: 61].

В контексте внешней политики к «высокомерным» Хомейни относил, во-первых, империалистические державы, которые навязали более слабым народам свою политическую систему, а также установили «монополию на использование национальных богатств»⁵; во-вторых, «высокомерными» он называл «руководящее меньшинство во главе с правительственными структурами»⁶, которые позволяли западным империалистам выкачивать из страны ресурсы и доводить население до голода и страданий.

Обвиняя в бездействии исламских ученых, которые должны бороться «с высокомерными и тираническими правительствами за установление исламского правления и внедрение обрядов ислама»⁷, аятолла Хомейни отмечал: «Вы позволяете высокомерным отнять у вас законные функции и законное правление, которое осуществляло бы положения шариата»⁸.

³ Коран / Пер. и ком. И.Ю. Крачковского. 2-е изд. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. С. 90.

⁴ В русском переводе «Исламское правление» (Хомейни Р.М. Исламское правление. Алматы: Атамур, 1993).

⁵ Хомейни Р.М. Исламское правление. Алматы: Атамур, 1993. С. 34.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 84.

⁸ Там же, с. 86.

Исламская революция, по мнению Р.М. Хомейни, должна была не только освободить обездоленные народы и уничтожить империализм, но и создать новый тип человеческого существования, «общество божественной справедливости». Как отмечает В.И. Юртаев, «поэтому можно назвать «хомейнизм» как политическую практику «идеологией справедливости», восходящей к «принципу религии» — «*адль*» [Юртаев 2012: 85]. Важно подчеркнуть, что Хомейни призывал своих последователей «объединить обездоленных мира, мусульман и немусульман, против своих классовых угнетателей и иностранных эксплуататоров» [цит. по: Abrahamian 1993: 49]. Это заявление позволяет сделать вывод о том, что в шиитском исламе, в отличие от суннизма, принцип справедливости стоит выше любого разделения мира на мусульман и немусульман.

Еще одним документом, разъясняющим внешнеполитическую концепцию имама Хомейни, служит его «Религиозное и политическое завещание». В нем говорится о том, что ислам — это послание «освобождения» и «социальной справедливости», адресованное «не только великому иранскому народу, но и всем мусульманским народам и обездоленным всего мира всех национальностей и любого вероисповедания»⁹. Как отмечают Р. Мауриелло и С.М. Маранди, в небольшом документе (в переводе на русский язык завещание занимает около 28 печатных страниц) слово *мостазефин* встречается 15 раз, слово *махрум* — 41 раз, *мазлум* — 34 раза, *мостакберин* — семь раз [Mauriello, Marandi 2016: 63].

В Конституции Ирана, принятой 15 ноября 1979 г., слово «высокомерие, гордыня» используется один раз, «высокомерные» — три раза, «обездоленные» — шесть раз. Вслед за аятоллой Хомейни основной закон Исламской Республики утверждает, что революция в Иране была направлена именно на «победу обездоленных над высокомерными»¹⁰. В положениях основного закона также подчеркивается, что внешняя политика страны вырабатывается «на основе исламских критериев установления братского союза со всеми мусульманами и бескорыстной поддержки обездоленных мира» (ст. 3 п. 16)¹¹, а Исламская Республика Иран, «воздерживаясь от всякого вмешательства во внутренние дела других стран, поддерживает справедливую борьбу обездоленных против высокомерных во всем мире» (ст. 154)¹².

В 1979 г. по указу имама Хомейни был создан Фонд обездоленных и инвалидов исламской революции, который действует до сих пор. Фонд является неправительственной организацией, которая создавалась для оказания помощи людям, обездоленным или получившим увечья в результате революции 1978—1979 гг. и ирано-иракской войны 1980—1988 гг. В современных условиях полномочия организации существенно расширились. Фонд обладает мощной финансово-эко-

⁹ Хомейни Р.М. Религиозное и политическое завещание // Жуков Д. Небо над Ираном ясно: Очерк политической биографии имама Хомейни. М.: Палея-Мишин, 1999. С. 114.

¹⁰ Конституция Исламской Республики Иран. С. 6. URL: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения: 27.12.2016).

¹¹ Там же, с. 12.

¹² Там же, с. 49. URL: http://www.cis-emo.net/sites/default/files/imagesimce/constitution_of_iran.pdf (дата обращения: 27.12.2016).

номической базой, а также пользуется преимуществами особого юридического статуса и льготного налогообложения. Более того, фонд также занимается внешнеэкономической деятельностью, что позволяет этой неправительственной организации оказывать значительное влияние на политические процессы в Иране [Rahnema 2013].

В 1980 г., в начале ирано-иракской войны, в Иране была создана «Организация мобилизации обездоленных иранского народа», или «Саземан-э басидже мостазефине мардоме иран» (сокращенно «басидж»), которая функционирует до сих пор. Как отмечает В.И. Сажин, на ополченцев басидж возложено решение таких задач, как «организация военной подготовки всего населения страны, в том числе целенаправленной подготовки резервистов; политико-идеологическое воспитание иранцев в духе фанатичной преданности исламу и правящему режиму; учет военнообязанных и резервистов; осуществление мероприятий по гражданской обороне населения и промышленных объектов; оказание помощи органам безопасности в борьбе с оппозицией и преступными элементами; охрана государственных учреждений и важных военно-экономических объектов страны» [Сажин 2003]. На местах басидж привлекаются к решению как военных, так и политико-идеологических задач. В рамках первого — военного — направления своей деятельности басидж тесно взаимодействует с Корпусом стражей исламской революции (КСИР), в рамках второго, политико-идеологического направления, — с шиитским духовенством Ирана.

На современном этапе дихотомия «обездоленные — высокомерные» во внешней политике Ирана проявляется, в частности, в активном участии страны в деятельности Движения неприсоединения. 30—31 августа 2012 г. в Тегеране прошел очередной 16-й саммит неприсоединившихся государств, в ходе которого Иран принял председательство в этой организации до 2015 г. В свою очередь, государства, входящие в Движение неприсоединения, особенно мусульманские страны, традиционно поддерживают тезис Тегерана о его праве на неограниченную мирную ядерную деятельность [Калядин 2008: 55].

Администрация бывшего президента Исламской Республики Иран М. Ахмадинежада установила тесные отношения с Бразилией, Венесуэлой, некоторыми африканскими странами (особенно мусульманскими, находящимися на периферии «мира ислама»), а также с Китаем, что стало наглядным примером претворения в жизнь внешнеполитических принципов имама Хомейни. В частности, сотрудничество с африканскими странами призвано продемонстрировать, как внешняя политика Ирана, в которой объединены религиозные и политические принципы, позволяет государствам достигать экономического развития и национальной независимости. В этом же контексте Иран обращает пристальное внимание на мусульманские сообщества стран Восточной Азии и Латинской Америки, однако на данных направлениях успехи Тегерана пока незначительны.

Что касается ближневосточного направления внешней политики Ирана, то альянс с такими силами-париями в регионе, как Сирия и ливанская шиитская «Хизбалла» является наглядным примером формирования Тегераном фронта «обездоленных». Его целью является противостояние «высокомерным» правительствам

США и стран Западной Европы, которые при помощи нефтеносных монархий Персидского залива стремятся навязывать «миру ислама» чуждые ему ценности либеральной демократии с тем, чтобы не допустить формирования «глобальной уммы», могущей стать той силой, которая сметет политическое и экономическое доминирование Запада и сделает достоянием истории мироустройство, основанное на ценностях и понимании западной цивилизации.

ДИХОТОМИЯ «ОБЕЗДОЛЕННЫЕ — ВЫСОКОМЕРНЫЕ» ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ РИТОРИКЕ ЛИВАНСКОЙ «ХИЗБАЛЛЫ»

Ливан — это государство, в котором межконфессиональные отношения представляются наиболее сложными и запутанными.

Принцип «конфессионализма» (*ат-тауфийя*), положенный в основу политической системы Ливана еще в 1943 г., определил уровень влияния ливанской шиитской общины на общественно-политические процессы в стране. Однако шииты не стали мириться с существующим положением и начали борьбу за доступ к властным и экономическим ресурсам; произошел рост общинного самосознания шиитов в рамках поликонфессионального государства. Эти процессы Н.А. Беренкова определяет как «шиитское возрождение» [Беренкова 2015: 57].

В Ливане идеологами концепции, построенной на дихотомии «обездоленные — высокомерные», были Муса ас-Садр и Мухаммад Хусейн Фадлалла. Важно отметить, что на взгляды ливанских мыслителей, как и на мировоззрение имама Хомейни серьезное влияние оказал авторитетный иракский мыслитель-шиит Мухаммад Бакир ас-Садр, идеолог партии «Ад-Да‘ува» («Призыв»), выходцы из которой: Ибрагим аль-Джафари, Нури аль-Малики и Хайдер аль-Абади — занимают пост премьер-министра Ирака с 2003 г.

Мусу ас-Садра называют «отцом шиитского возрождения в Ливане» [Mauriello, Marandi 2016: 64]. Он был основателем первого шиитского политического движения, основанного на конфессиональном принципе [Беренкова 2015: 68] — «Движения обездоленных» («Харакат аль-махрумун») (1974 г.). В 1975 г. на базе «Харакат аль-махрумун» была создана вооруженная группировка, призванная обеспечивать безопасность на юге Ливана. Политическая партия АМАЛЬ («Бригады ливанского сопротивления»), в которую впоследствии была преобразована вооруженная группировка «Движения обездоленных», стала первым политическим объединением, защищавшим интересы шиитов Ливана и обладавшим авторитетом среди шиитского населения страны [Беренкова 2015: 72].

М.Х. Фадлалла — идеолог шиитского движения «Хизбалла». Внешнеполитическая концепция М.Х. Фадлаллы близка идеологии имама Хомейни. Так, в одной из своих проповедей 1999 г. ливанский мыслитель выделил три главные обязанности шиита в период сокрытия двенадцатого имама: во-первых, следовать за честными улемами; во-вторых, поддерживать обездоленных вне зависимости от того, являются они мусульманами или неверными; в-третьих, достигать справедливости путем воспитания себя и своей семьи (цит. по: [Беренкова 2015: 76]).

М.Х. Фадлалла считал «высокомерными», с одной стороны, западные империалистические государства, которые вмешиваются в политику Ливана и эксплуа-

тируют экономики арабских государств, и Израиль, за спиной которого также стоят западные державы, а с другой — несправедливый политический режим в Ливане, который обслуживает интересы только одной общины — маронитов [Беренкова 2015: 101]. Поэтому возникшая в 1982 г. (в некоторых источниках — в 1985 г.) «Хизбалла» стала движением сопротивления израильской оккупации и западному вмешательству во внутренние дела Ливана, а также повысила долю участия шиитской общины в политических процессах в стране.

16 февраля 1985 г. «Хизбалла» обнародовала «Открытое письмо», свой манифест, «адресованный обездоленным Ливана и всего мира»¹³. В тексте насчитывается 31 случай употребления понятий «обездоленные» и «высокомерные». В частности, своими друзьями «Хизбалла» называет «обездоленных всего мира» и призывает их «сформировать интернациональный фронт, включающий в себя все национально-освободительные движения, с целью полной координации усилий... по ослаблению врагов»¹⁴.

В настоящее время «Хизбалла» является ведущей политической силой Ливана. Она является надежным партнером и союзником Ирана в ближневосточных делах, главным образом, поддерживает режим Башара Асада в гражданской войне в Сирии путем непосредственного участия в боевых действиях. Вмешательство «Хизбаллы» в сирийский конфликт объясняется, с одной стороны, тем, что выживаемость партии в ливанской политической действительности сильно зависит от поддержки со стороны внешних акторов, то есть Дамаска (в лице режима Б. Асада) и Тегерана. С другой стороны, «Хизбалла» является на сегодняшний день единственной силой, которая способна предотвратить «расползание» террористической угрозы и хаоса с территорий Ирака и Сирии на Ливан. В этой связи превентивные действия «Хизбаллы» могут сыграть решающую роль в сохранении ливанской государственности, которая находится под угрозой вследствие устаревания принципа «конфессионализма» в результате изменения демографического соотношения между христианской, суннитской и шиитской общинами в пользу последней.

«Хизбаллу» и Иран также объединяет позиция по палестинской проблеме. Н.А. Беренкова отмечает, что имам Хомейни рассматривал палестинскую проблему как ключевой фактор освобождения Ближнего Востока от западных угнетателей, в борьбе против которых Иран должен был занять сторону слабого. В октябре 1968 г. Р.М. Хомейни издал фетву, в соответствии с которой верующие должны были выделять часть *хумса*¹⁵ на помощь нешиитской, светской Организации освобождения Палестины [Беренкова 2015: 136].

После прихода к власти ХАМАС в секторе Газа (2006 г.) движение начало сближаться с осью Тегеран — Дамаск — «Хизбалла». В 2014 г. Израиль начал

¹³ An Open Letter: The Hizballah Program. Council on Foreign Relations. URL: <http://www.cfr.org/terrorist-organizations-and-networks/open-letter-hizballah-program/p30967> (дата обращения: 05.01.2017).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Хумс (пятая часть) — отчисления с различных видов доходов, в том числе военных трофеев, в размере $\frac{1}{5}$.

операцию «Несокрушимая скала» в Газе. Несмотря на то что в сирийском конфликте ХАМАС поддерживает оппозицию, в противодействии Израиллю «Хизбалла» и Иран оказали помощь палестинскому движению, что демонстрирует исключительную важность палестинской проблемы в контексте борьбы «обездоленных» против «высокомерных».

***

В рамках шиитского восприятия международных отношений дихотомия «обездоленные — высокомерные», базирующаяся на принципе справедливости, занимает центральное место. В настоящее время Иран и ливанская «Хизбалла» уже внедрили в свою внешнеполитическую практику идеологию противостояния «высокомерным». При этом в единый фронт «обездоленных» могут войти как мусульманские, так и немусульманские народы, что придает значимость, в частности, деятельности Ирана в Движении неприсоединения и обосновывает его интерес к государствам Африки, Восточной Азии и Латинской Америки.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках инициативного НИР РУДН 2016 г. «Незападные теории международных отношений. Азиатские, африканские и латиноамериканские концепции мироустройства».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Беренкова Н.А.* Феномен шиитского активизма в Ливане и его влияние на международные отношения Ближнего Востока (1967—2013 гг.): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.15 / Беренкова Наталья Александровна. Н. Новгород: Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского; 2015.
- Воронин С.А.* Нация или умма: исламский мир в поисках самоидентичности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2011. № 2. С. 48—71.
- Ислам: энциклопедический словарь / Отв. секретарь С.М. Прозоров. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы; 1991.
- Калядин А.* Ядерный вызов Ирана в ракурсе Совета Безопасности ООН // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 12. С. 51—57.
- Сажин В.И.* Силы сопротивления «БАСИДЖ» в Иране // Институт изучения Ближнего Востока. 2003. URL: <http://www.iimes.ru/?p=2962> (дата обращения: 05.01.2017).
- Юртаев В.И.* Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979—2010 гг.). М.: РУДН; 2012.
- Abrahamian E.* Khomeinism: Essays on the Islamic Republic. Berkeley and Los Angeles: University of California Press; 1993.
- Amir-Moezzi M.A.* Eschatology III. Imami Shi'ism // Encyclopedia Iranica. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/eschatology-iii> (accessed: 25.12.2016).
- Badawi E.M., Abdel Haleem M.* Arabic-English Dictionary of Qur'anic Usage. Leiden: Brill; 2008.
- Lewis B.* The Political Language of Islam. Chicago: University of Chicago Press; 1988.
- Mauriello R., Marandi S.M.* Oppressors and Oppressed Reconsidered: A Shi'itologic Perspective on the Islamic Republic of Iran and Hezbollah's Outlook on International Relations. In: Islam and International Relations. Contributions to Theory and Practice. Ed. by D. Abdelkader, N. Manabilang Adiong and R. Mauriello. New York: Palgrave Macmillan; 2016. p. 50—71.
- Rahnema A.* Jam'iyat-e Mo'talefa-ye Eslami II. Jam'iyat-e Mo'talefa and the Islamic Revolution // Encyclopedia Iranica. URL: <http://www.iranicaonline.org/articles/jamiyat-e-motalefa-ii> (accessed: 25.12.2016).

Дата поступления статьи: 15.01.2017

Для цитирования: Чикризова О.С. Дихотомия «обездоленные — высокомерные» в шиитском восприятии международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 279—289.

Сведения об авторе: Чикризова Ольга Сергеевна — канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: chikrizova_os@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-279-289

“OPPRESSED — OPPRESSORS” DICHOTOMY IN SHI‘ITE PERCEPTION OF INTERNATIONAL RELATIONS

O.S. Chikrizova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The article deals with “oppressed — oppressors” (mustad‘afun — mustakbirun) dichotomy. It was proposed inside Shi‘ism and became an important element of International Relations (IR) theory and practice of such countries as Iran and Lebanon.

The author discovers peculiarities of the Muslim states' IR perception and also explains differences between a process of world view formation in the West and the Islamic world.

The most important aspects of “oppressed — oppressors” dichotomy that underlies Shi‘ite interpretation of IR and Influences on foreign policy of Iran and Lebanon, were elaborated by such Shi‘ite religious scholars as Muhammad Baqir al-Sadr, Musa al-Sadr, Ruhollah Khomeini, and Muhammad Hussein Fadlallah. Their world views are based on the interpretation of the most important sources of Islam — the Qur‘an and hadiths.

Thoughts of Shi‘ite religious authorities took a wide distribution and popularity at different countries of the Islamic world in 1970's. It was determined by the fact that these thoughts became a reaction on discontent of the Middle Eastern countries' population on interference into their domestic affairs by the Western states, monopolization on the region's natural resources by the Western companies and also negligence of the local governments that allowed neo-colonialism. Moreover, by that time the Middle Eastern countries had disappointed either in Socialism or in capitalism that both couldn't resolve problems which impeded the Muslim states' development.

Shi‘ites as a part of the Islamic world that during their long history were nearly always persecuted by Sunni majority, expressed that the oppressed Muslim nations didn't need to adopt any Western ideology because the only Islam could become the answer on all the questions and a key weapon in the struggle against the oppressors.

Key words: Ummah, Shi‘ism, Islamic International Relations theories, principle of justice (al-‘adl), “oppressed — oppressors” (mustad‘afun — mustakbirun) dichotomy, Iran, “The Oppressed Foundation”, Basij, Lebanon, Harakat al-Mahrumin, Hezbollah

Acknowledgments: The article was prepared in the framework of the initiative R&D “Non-Western theories of international relations. Asian, African and Latin American concepts of the world order” of the RUDN University in 2016.

REFERENCES

- Abrahamian, E. (1993). *Khomeinism: Essays on the Islamic Republic*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Amir-Moezzi, M. A. (2012). Eschatology III. Imami Shi‘ism. *Encyclopedia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/eschatology-iii> (accessed: 25.12.2016)

- Badawi, E. M. & Abdel Haleem, M. (2008). *Arabic-English Dictionary of Qur'anic Usage*. Leiden: Brill.
- Berenkova, N. A. (2015). *Fenomen shiitskogo aktivizma v Livane i ego vliyanie na mezhdunarodnye otnosheniya Blizhnego Vostoka (1967—2013) [Shi'ite Activism Phenomenon in Lebanon and its Influence on International Relations in the Middle East (1967—2013)]* [dissertation]: Dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.15 / Berenkova Natal'ya Aleksandrovna. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskii gos. un-t im. N. I. Lobachevskogo. (in Russ.).
- Islam: Encyclopaedic Dictionary*. (1991). Exec. sec. S. M. Prozorov. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury. (in Russ.).
- Kalyadin, A. (2008). Iran Nuclear Challenge in the Perspective of the UN Security Council. *World Economics and International Relations*, 12, 51—57. (in Russ.).
- Lewis, B. (1988). *The Political Language of Islam*. Chicago: University of Chicago Press.
- Mauriello, R. & Marandi, S. M. (2016). Oppressors and Oppressed Reconsidered: A Shi'itologic Perspective on the Islamic Republic of Iran and Hezbollah's Outlook on International Relations. In: *Islam and International Relations. Contributions to Theory and Practice*. Ed. by D. Abdelkader, N. Manabilang Adiong and R. Mauriello. New York: Palgrave Macmillan, p. 50—71.
- Rahnema, A. (2013). Jam'iyat-e Mo'talefa-ye Eslami II. Jam'iyat-e Mo'talefa and the Islamic Revolution. *Encyclopedia Iranica*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/jamiyat-e-motalefa-ii> (accessed: 25.12.2016).
- Sazhin, V. I. (2003). *BASIJ Resistance Forces in Iran*. Institut izucheniya Blizhnego Vostoka. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=2962> (accessed: 05.01.2017). (in Russ.).
- Voronin, S. A. (2011). Nation or Muslim Community. Islamic World in Search of Identity. *RUDN Journal of World History*, 2, 48—71.
- Yurtaev, V. I. (2012). *Peculiarities and realization of the Islamic Republic of Iran's Foreign Policy (1979—2010)*. Moscow: RUDN.

Received: 15.01.2017

For citations: Chikrizova, O.S. (2017). “Oppressed — oppressors” dichotomy in shi'ite perception of international relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 279—289.

About the author: Chikrizova *Ol'ga Sergeevna* — PhD in History, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: chikrizova_os@rudn.university).

© Чикризова О.С., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-290-300

БУДДИЗМ КАК РЕСУРС «МЯГКОЙ СИЛЫ» КИТАЯ

Т.И. Понька, А.Э. Джанаева, Цзелинь Чжао

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

На данный момент в теории международных отношений определенный интерес вызывает концепт «мягкой силы», введенный американским политологом Джозефом Наем-мл. Особое значение придает «мягкой силе» Китай, обладающий в настоящее время не только обширными экономическими и политическими ресурсами, но и источниками несилового влияния. В статье авторы исследуют такое понятие, как «буддийская дипломатия» и ее роль во внешнеполитической деятельности КНР. Также было рассмотрено историческое становление буддизма и его развитие в качестве ресурса «мягкой силы» как одной из государственных китайских религий, входящей в синкретический комплекс, наряду с конфуцианством и даосизмом, в разные периоды китайской цивилизации, начиная с доимперского периода и заканчивая современными реалиями. Были изучены взгляды отечественных и зарубежных специалистов о направлениях и сферах действия дипломатии буддизма и особенности ее проведения в жизнь китайским правительством. Исследование строилось на использовании исторического подхода и общенаучных методов, таких как анализ, синтез, дедукция и т.д. [Методические... 2015].

В статье авторами выявлены современное положение религии на примере буддизма во внешнеполитической стратегии Китая как на мировой арене, так и на региональном уровне и основные аспекты, в рамках которых развивается китайская буддийская дипломатия.

Ключевые слова: буддизм, Китай, внешняя политика Китая, буддийская дипломатия

В 1990 г. американский ученый Джозеф Най-мл. публикует свою первую статью «Soft power», посвященную такому теоретическому концепту, как «мягкая сила». Спустя годы данный концепт из теории превратился в реальную стратегию внешней политики многих государств, которые в погоне за укреплением своих позиций на мировой арене стремительно стали осваивать и реализовать свой «мягкий» потенциал. Джозеф Най-мл. говорил о трех возможных источниках «мягкой силы»: внешняя политика, культура и распространяемые государством ценности [Nye 2004: 11]. В настоящее время количество и вариации источников несилового потенциала только увеличиваются, но важное место среди них занимает религия, являющаяся одним из наиболее действенных инструментов «мягкой силы» во внешней политике государств ввиду таких факторов, как долгосрочность, незаметность влияния и ценностно-идейная ориентация. Касается это, прежде всего, таких традиционных религий, как христианство, ислам, буддизм и иудаизм. Особое внимание, по мнению авторов, следует уделить именно буддизму, что связано в первую очередь с тем, что данная религия руководствуется принципами ненасилия и согласия, мира и гармонии, которые составляют сущность буддизма и выступают в качестве залога несилового воздействия, чем и характеризуется «мягкая сила». На подобный потенциал буддизма в качестве долговременного и миролюбивого инструмента внешней политики уже давно обратило внимание

китайское правительство, стремительно его осваивающее и адаптирующее под собственные государственные интересы. В рамках внешней политики Китая на данный момент активно используется такой инструмент, как «буддийская дипломатия» или дипломатия, основанная на использовании буддизма, его основных идей и предметов культуры, имеющих религиозную ценность для верующих.

ЧТО ТАКОЕ БУДДИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Среди китайских исследователей данного вопроса четко определенной дефиниции не сформировалось. Как правило, буддийская дипломатия считается одним из видов публичной дипломатии. Глава редакции журналов Всемирного института религиоведения Академии общественных наук Китая (Chinese Academy of Social Sciences) профессор Хуан Сянянь считает: «У буддизма есть много функций, таких как стабилизация общества и налаживание взаимоотношений с другими странами. Среди прочего мы не сможем игнорировать такую функцию буддизма, как установление связей с другими странами посредством культурного обмена. Если говорить современной терминологией, у буддизма существует функция — способствование общению с другими странами, а главной формой такой функции является народная дипломатия»¹.

В свою очередь, руководитель Буддийской ассоциации Китая мастер Ши Сюэчэн говорит о том, что «история распространения религии сама по себе является путем международного общения и дипломатии. Известны случаи, когда международное взаимодействие буддистов сильно влияло на отношения между государствами и становилось примером для налаживания отношений между народами. В процессе сегодняшней интернационализации мы более активно сотрудничаем с другими странами, организовываются разные виды деятельности (официальная, народная, коллективная и индивидуальная), и, несмотря на форму, все это является частью нашей дипломатии, только отличаются друг от друга по своей роли. Религия — это хороший канал для ведения публичной дипломатии и народной дипломатии Китая» [Кэ 2014].

Российские исследователи также не сформировали единой точки зрения по поводу данного вида дипломатии. Главный научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией В.С. Кузнецов глубоко исследовал буддийский фактор во внешней политике КНР и пришел к выводу, что Пекином буддийская дипломатия используется прежде всего в отношении ближайших государств-соседей, таких как Япония, Индия, Бирма, Шри-Ланка и т.д., а также в интересах и целях самого государства. «Буддийская дипломатия» выступает в качестве важного звена внешнеполитической деятельности Пекина не только в азиатском регионе, но и в глобальном масштабе. Пекин весьма прагматично варьирует использование буддийского феномена применительно к потребностям текущих внешнеполитических целей. Как отмечает китаист В.С. Кузнецов, «буддийский

¹ Фочзяо ю вайцзяо гуннэн Индэдао чунфэнь лиюнь, Чжунго Цзунцзяо Миньцзуван, 1 августа 2014. Режим доступа: <http://www.mzb.com.cn/html/report/140830061-1.htm> (дата обращения 17.02.2017).

феномен дипломатия КНР использует как духовный фактор в формировании экономического союза Китая, Японии и Южной Кореи» [Кузнецов 2006а: 28].

С аналогичной позицией выступает и исследователь буддизма из Российского университета дружбы народов Б.У. Китинов: «В последние годы буддизм становится не только все более популярной религией в разных уголках мира, но и объектом углубленного внимания со стороны государственных органов стран, на чьей территории это учение имеет распространение. Во внешнеполитической деятельности КНР немаловажной является так называемая буддийская дипломатия — использование потенциала буддизма для реализации политических, экономических и иных интересов государства» [Китинов 2015].

Авторами в качестве дефиниции «буддийской дипломатии» принимается определение, данное В.С. Кузнецовым: «Понятие *народная дипломатия* покрывает собой и буддийскую дипломатию, т.е. дипломатические акции, связанные с буддизмом как общественно-политическим феноменом» [Кузнецов 2006b: 4].

БУДДИЗМ В ИСТОРИИ КИТАЯ: ЗАРОЖДЕНИЕ И ПУТЬ СТАНОВЛЕНИЯ ОДНОЙ ИЗ ВАЖНЕЙШИХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РЕЛИГИЙ

Проникновение буддизма в Китай началось еще на заре нашей эры. И хотя не сохранилось никаких официальных письменных источников, в истории упоминается о первом соприкосновении Китая и буддизма в III в. до н.э. [Sen 2014: 14]. Официально буддизм начинает распространяться в Китае в I в. н.э. вместе с купцами, следовавшими по Великому Шелковому пути из Центральной Азии. К середине II в. н.э. буддизм уже прочно занимает свои позиции, о чем свидетельствуют жертвоприношения императора Хуань-ди основателю даосизма Лао-цзы и Будде в 165 г. н.э. [Духовная культура Китая 2007: 261]. Как отмечает специалист-буддолог из Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН д-р филос. наук, профессор Л.Е. Янгутов, буддизм нашел отклики в уже существовавших традиционных учениях китайских философов, особенно таких основополагающих для всей китайской культуры, как учения Конфуция, Лао-цзы, Мэн-цзы и т.д., вследствие чего он претерпел изменения и трансформировался в иной вид буддизма, который предпочтительно называть китайским буддизмом, образующим с конфуцианством и даосизмом сложный взаимосвязанный синкретический комплекс [Янгутов 2016].

Но основной сдвиг в распространении буддизма, как отмечает в своей монографии «Китайская цивилизация» российский Китаист В.В. Малявин, профессор Института изучения Европы Тамканского университета (Тайвань), пришелся на период Южных и Северных династий (420—589 гг.) [Малявин 2000: 250]. Внутренний раскол, набеги кочевников извне, тяжелое экономическое положение и социальная нестабильность обусловили популярность буддизма среди обычного населения, искавшего спасения и укрытия в высоких стенах монастырей. В обеих частях Китая — и Южной и Северной распространились институты монашества, храмы и пещерные комплексы.

Стоит отметить, что, начиная с этого периода, буддизм начинает играть важную роль во внешней политике Китая. На данном этапе это выражалось в многочисленных путешествиях китайских монахов и пилигримов в сакральные города

Южной Азии. Известны исторические примеры, когда для легитимации и укрепления собственной политической силы китайские императоры использовали буддийскую идеологию и сакральные реликвии в виде личных вещей Будды. Например, зарубежный исследователь буддизма из Нью-Йоркского городского университета, Тансэн Сэн приводит свидетельства, что император Ву из династии Лянь не только пропагандировал буддийские доктрины и обычаи вне своего государства, но установил прочные связи с другими буддийскими центрами в Южной Азии. Помимо этого, он посылал послов и делегации в государство Фунан (территория современной Камбоджи) в Юго-Восточную Азию с целью получения буддийских реликвий и продвигал буддийские обмены между правящей династией Лянь и корейскими государствами путем отправки делегаций из буддийских монахов и вручения реликвий корейским правителям. В 527 г. правителем Пэкче был построен храм Дэтонгса, посвященный императору Ву и его вкладу в распространение буддийской доктрины на своей земле [Sen 2014: 15]. Таким образом, можно заметить, как на тот момент буддизм уже влиял на укрепление международных отношений в результате своего широкого распространения в Азии.

Однако, отмечает В.В. Малявин, «золотой век» буддизма оказался началом века его упадка. К середине IX в. эпоха раздробленного Китая заканчивается и на смену периода Южных и Северных династий приходит период централизованной империи. Постепенно, со становлением новой империи, конфуцианство крепло и окончательно заявило о себе во время династии Тан, когда в 845 г. император Уцзун начал проводить политику, направленную против буддийских монахов и послушников. Для буддизма в Китае это был большой удар, восстановиться после которого он больше не смог. Будучи экономически и идейно подорванным, он отходит на второй план, уступая конфуцианству ведущую роль в государстве, и становится одним из двух второстепенных учений, так же, как и даосизм. И хотя позже буддизм восстановился, но такого расцвета, как в свой «золотой век» он больше не достиг [Малявин 2000: 254].

Возрождение буддизма после Синьханьской революции 1911—1912 гг. связано с появлением в народе революционных настроений [Горбунова 2008: 62]. Буддийские общины обновляются, оживают и вновь начинают свою деятельность. Как отмечает специалист по истории буддизма в новейшее время главный научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН С.А. Горбунова, на рубеже XIX и XX вв. у китайских буддистов появляется стремление преодолеть разрозненность, регионализм и религиозную замкнутость, несмотря на нарастающую нестабильность в стране. В связи с этим в 1953 г. образуется Китайская буддийская ассоциация (КБА), целью которой становится не только защита буддизма в Китае, но и объединение верующих в трудные времена [Там же: 120]. Несмотря на строгую подконтрольность государственным органам и политическое давление, КБА развивает свою сеть местных отделений и упорядочивает организацию монастырей и храмов. Руководители ассоциации продолжают поддерживать связи с другими буддистскими организациями из Японии, Кореи и стран Южной Азии. Будучи тесно интегрированной в механизм государственного аппарата и являясь его неотъемлемой частью, КБА активно участвует в межгосударственных отношениях.

Однако трудные времена для буддизма в КНР не заканчиваются. Государством проводится ряд антирелигиозных кампаний с 1958—1959 гг., а затем в 1966 г. начинается «культурная революция», в ходе которой религия попадает под абсолютный запрет. Буддизм был объявлен одной из составляющих «четырёх пережитков» — старой культуры, наряду со старыми идеями, старыми обычаями и старыми привычками. Лишь под влиянием политики, проводимой Дэн Сяопином и его сторонниками, в конце 1970-х гг., отношение власти к буддизму смягчается и становится более щадящим. В конституции 1982 г. впервые за долгое время ставится вопрос о свободе религии. В статье 36 упоминается, что государство готово защищать нормальную религиозную деятельность, но в конституции не уточняется, что подразумевается под данным определением «нормальная»².

Б.У. Китинов в своей публикации «Буддийская культура: от возможностей «мягкой силы» до потенциала Лумбини» говорит о том, что нынешнее отношение китайского правительства к религии сформировалось в 2001 г. после того, как ЦК КПК и Государственным советом была проведена Национальная конференция по религиозной работе [Китинов 2015]. В связи с возрождением буддизма происходит возобновление деятельности Китайской буддийской ассоциации и обновление ее руководящего состава. Организация начинает полноценно заниматься восстановлением разрушенных храмовых комплексов и монастырей, образованием монахов и послушников, вновь начинают оживать и пополняться буддистские общины. Как отмечает Китинов, после 1990-х гг., КБА меняет свои приоритеты и начинает участвовать в международной жизни. Ассоциация поддерживает внешнюю политику государства, но и действует во имя распространения своего учения за пределами Китая. КБА принимает участие в религиозных форумах и международных форумах, таких как Всемирное братство буддистов. Создаются инициативы для обмена опытом с верующими из стран Южной Азии и Дальнего Востока, направляются делегации монахов в Европу и США для ознакомления населения с буддизмом Махаяны [Китинов 2015]. Но при этом деятельность КБА строго ограничивается и контролируется государством, хотя в законодательной области буддийские общины добились значительного прогресса. В ведении государственной администрации находятся не только храмы и монастыри, но и местные организации и общины. КБА становится, как и прежде, одним из главных звеньев в цепи государственных органов КНР. Как заявлял Чжао Пучу, председатель КБА в 1980—2000-е гг., после создания нового Китая высшие лица государства напоминали ему, что важнейшей задачей было и остается поддержание дружественных отношений со всеми буддийскими странами, особенно с Японией.

СОВРЕМЕННАЯ БУДДИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ КИТАЯ

Для создания положительного образа страны в международной жизни, прежде всего среди ближайших стран-соседей, правительство Китая активно использует буддийскую дипломатию. В современной буддийской дипломатии Китая можно

² Конституция КНР, 1982 г.

выделить следующие аспекты. Во-первых, китайским правительством активно осуществляется поддержка и финансирование международных буддийских конференций [Zhang 2012]. Ярким примером является организация Всемирного буддийского форума, который проводится при поддержке Китайской буддийской организации и Ассоциации по религиозному и культурному обмену. Форум собирается раз в 3 года, начиная с 2006 г., когда был проведен самый первый, куда прибыли более 1000 монахов из 37 стран. Цель данных конференций заключается в продвижении положительной роли буддизма в мире, содействии экономическому развитию, процветанию культуры, обмену культурным опытом среди монахов из всех стран мира [Kitinov 2013]. Особый акцент делается на «неоценимый вклад буддизма» в становление гармоничного общества, вследствие чего в лейтмотивах двух самых первых форумов в 2006 и 2009 гг. присутствовало словосочетание «гармоничный мир». Также стоит отметить, что на I Всемирном буддийском форуме был представлен духовный лидер китайского буддизма Панчен-лама, который среди последователей тибетского буддизма считается вторым по рангу среди высших духовных лиц буддизма после Далай-ламы, традиционно данные мероприятия не посещающего.

Для развития связей с буддистами Китая и других стран государство поддерживает организацию и проведение выставок с буддийскими реликвиями и искусством в разных странах. Китай успешно пользовался буддийскими реликвиями в виде личных вещей и останков Будды в прошлом, но классическим случаем буддийской дипломатии считается отправка китайскими дипломатами священного зуба Будды для показа в Мьянму в 1955 г. Это было сделано в целях установления с Мьянмой стабильных и доверительных отношений на почве религиозного сходства. Впоследствии данная «реликвия», и не только она, отправлялась в туры по различным азиатским странам, упрочивая и закрепляя успехи китайской дипломатии. Зуб выставлялся также и по таким случаям, как 75-й день рождения короля Таиланда в 2003 г., позже он несколько раз помогал правительству урегулировать некоторые разногласия с Мьянмой. Также Китай уделяет отдельное внимание буддийскому искусству в области скульптуры, музыки и живописи.

Правительство Китая, несмотря на финансовые расходы, охотно принимает участие в различных международных проектах по линии буддизма, рассматривая это как способ повысить авторитет страны в ареале буддийских стран. Так, Китай присоединился к проекту по возрождению буддийского университета и монастырского комплекса Наланда, существовавшего в V—XII вв. на севере Индии [Sen 2012]. Университет Наланда в свое время являлся мировым средоточием выдающихся ученых и буддийских философов, которые работали, преподавали и обучались в этом месте. Университет Наланда был разрушен в 1193 г. в результате тюркского вторжения в Индию, что и стало одной из причин упадка индийского буддизма на тот период. Проект по возрождению университета Наланда был анонсирован правительством Индии в 2006 г., в этом же году к проекту присоединяется Китай, предварительно урегулировав вопрос о создании библиотеки китайских учений в возрожденном университете [Sen 2012]. На проведение в жизнь дан-

ной инициативы Китаем был выделен 1 млрд долларов США³. В феврале 2007 г. министр иностранных дел Китая Ли Чжаосин посетил открытие мемориала в честь Сюаньцзая, установленного недалеко от руин университета в Бихаре. В 2014 г. возрожденный университет Наланда начал свою работу с 15 лучшими отобранными студентами со всего мира и 10 преподавателями.

Для поддержания роли буддизма в публичной дипломатии китайское правительство развивает такое направление, как языковая подготовка (английский язык) в Китае не только китайских буддийских монахов, но и монахов из других стран. В 2008 г. при поддержке Государственного управления по делам религий КНР и ряда других государственных организаций были проведены подготовительные курсы для китайских буддийских монахов по английскому языку. В 2010 г. были открыты учебные курсы при совместном участии храма Лю Цзу из провинции Гуандун, университета Цзинань и буддийского университета Лумбини из Непала, в которых проводились семинары на английском языке учеными и старшими монахами из Непала и США специально для китайских буддийских монахов [Хуан 2011].

В последнее время китайские руководители стали практиковать посещение буддийских храмов и священных мест во время своих официальных визитов в другие страны. Данная традиция была положена Дэн Сяопином в 1978 г., когда он в качестве заместителя премьера Госсовета КНР с официальным визитом посетил Японию. Тогда он, стремясь показать «новое лицо» Китая, в первые дни визита посетил буддийский храм Тодай-дзи в городе Нара, где выразил глубокое уважение статуе Будды. В последующие дни своего визита он также навестил могилу известного китайского буддийского монаха времен Танской династии (636—907 гг. н.э.) Цзянь Чжэня, 10 лет проповедовавшего буддизм в Японии и внесшего существенный вклад в укрепление культурных связей Китая и Японии [Кузнецов 2006b]. Далее подобное уважение буддийским святыням выказывали и другие руководители КНР. В 1985 г. председатель КНР Ли Сяньянь (1983—1988 гг.), побывав с официальным визитом в Бирме, посетил буддийский храм Шведагон, демонстрируя тем самым близость народов Китая и Бирмы на почве буддизма [Ли, Ван 1997]. В 2001 г. Цзян Цзэминь, занимая пост председателя КНР (1993—2003 гг.), посещает Мьянму для налаживания и стабилизации двусторонних отношений. Он со своей супругой также посетил Шведагон, при этом в знак уважения буддийской святыне Цзян Цзэминь снял обувь и обошел все здание кругом⁴. Данную традицию продолжил Ху Цзиньтао, который также в 2008 г. во время своего официального визита в Японию посетил буддийские храмы Хорю-дзи и Тодай-дзи в префектуре Нара. Также во время этого визита он подарил ко-

³ Тансэн 'цюйцзинди' 800 няньхоу фукэ, Синцзин Бао, 14 сентября 2014. Режим доступа: http://epaper.bjnews.com.cn/html/2014-09/14/content_535579.htm?div=1. Дата доступа: 28.01.2017.

⁴ Цзян Цзэминь чжуси цаньгуань янгуан дацзиньсы, Жэньминь Ван, 13 декабря 2001. Режим доступа: <http://www.people.com.cn/GB/shizheng/252/7057/7058/20011213/626537.html>. Дата обращения: 17.02.2017.

пию корабля, на котором буддийский проповедник Цзянь Чжэнь прибыл в Японию⁵. На высшем уровне руководства КНР осуществляется политика дополнения официальных визитов духовными мероприятиями, тем самым подчеркивая, что сегодня в Китае есть место религиозной жизни и свободе вероисповедания, об ограничении которой заявляют критики современной политики китайского руководства.

***

Таким образом, на данный момент во внешней политике Китая буддийская дипломатия занимает значимое место, прежде всего, как тот вид публичной дипломатии, благодаря которому расширяется взаимодействие со многими народами из разных стран. Культурный потенциал КНР невероятно велик, но использование буддизма в качестве ресурса для несилового влияния в мире более выгодно и долгосрочно. Кроме того, следует отметить тот факт, что буддийская дипломатия помогает китайским чиновникам обходить конфликтные вопросы при помощи тесных связей буддийских общин, как было неоднократно продемонстрировано в случаях с Индией, Мьянмой, Непалом и др. Буддизм в арсенале китайских дипломатов служит в качестве платформы, в рамках которой политические отношения устанавливаются и скрепляются через отношения общественно-культурные. В XXI в. Китай стремится стать мировым и региональным лидером по всем позициям и укрепить свой имидж гармонично развивающегося государства с четко определенными государственными интересами, в чем буддизм с его мирным посылом служит как нельзя кстати.

Благодарность: Статья подготовлена в рамках инициативного НИР РУДН 2016 г. «Незападные теории международных отношений. Азиатские, африканские и латиноамериканские концепции мироустройства».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Горбунова С.А.* Китай: религия и власть. История китайского буддизма в контексте общества и государства. М.: Форум; 2008.
- Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 т.* / Гл. ред. М.Л. Титаренко. М.: Восточная литература; 2006. Т. 2: Мифология. Религия. 2007.
- Китинов Б.У.* Буддийская культура: от возможностей «мягкой силы» до потенциала Лумбини // *Азия и Африка сегодня*. 2015. № 7. С. 53—57.
- Кузнецов В.С.* Буддизм с «коммунистическим» лицом // *Азия и Африка сегодня*. 2006а. № 4. С. 25—29.
- Кузнецов В.С.* Буддийский фактор во внешней политике КНР. М.: ИДВ РАН; 2006б.
- Малявин В.В.* Китайская цивилизация. М.: Издательство Астрель, Издательство АСТ, Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография»; 2000.
- Методические рекомендации к написанию курсовых, выпускных квалификационных работ бакалавров и магистерских диссертаций по направлениям подготовки «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение» / Под ред. Д.А. Дегтерева, В.Г. Джангирияна, Е.Ф. Черненко. М.: Издательство РУДН; 2015.

⁵ Ху Цзиньтао цзай Жиэнь гуаньси дицуй цаньгуань фанвэнь, Синьхуа Ван, 10 мая 2008. Режим доступа: http://news.xinhuanet.com/newscenter/2008-05/10/content_8140509.htm (дата обращения: 17.02.2017).

- Янгутов Л.Е. Духовные истоки политической стратегии «мягкой силы» Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 4. 2016. С. 159—167.
- Кэ Иньбинь. Фоцзяо гоцзи цзяолю юй гунгун вайцзяо — Фан цюаньго чжэнсе чанвэй, чжунго фоцзяо сехуэй фухуэйчжан Сюэчэн фаши [Международное общество буддизма и публичной дипломатии — интервью мастера Ши Сюэчэн, члена Постоянного комитета НПКСК (Народный политический консультативный совет Китая), заместителя руководителя Буддийской ассоциации Китая] // Гунгун вайцзяо цзикань. 2014. № 8. С. 78—84.
- Ли Цзинь, Ван Юн. Фусан ледао дэ «Дэн Сяопин сюаньфэн» — 1978 нянь Дэн Сяопин фанжи цзиши [Запись визита Дэн Сяопина в Японию 1978 г.] // Данши вэньюань. 1997. № 2. С. 17—20.
- Хуан Юньцзин. Чжунго дуй дуннанья дэ фоцзяо цзяолю [Буддийское взаимодействие Китая с Южно-Восточной Азией] // Гунгун вайцзяо цзикань. 2011. № 8. С. 21—27.
- Kitinov B.U. India, China and Russia: Civilizational Links over Political Processes // Himalayan and Central Asian Studies. 2013. Vol. 17. N 3—4. P. 133—149.
- Nye J.Jr. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs; 2004.
- Sen T. Buddhism Across Asia: Networks of Material, Intellectual and Cultural Exchange. Singapore: ISEAS and Delhi: Manohar; 2014.
- Sen T. The Spread of Buddhism to China: A Re-Examination of the Buddhist Interactions between Ancient India and China // China Report. 2012. Vol. 48. N 11.
- Zhang Juan. Buddhist Diplomacy: History and Status Quo. Los Angeles: Figueroa Press; 2012.

Дата поступления статьи: 15.02.2017

Для цитирования: Понька Т.И., Джанаева А.Э., Чжао Цзелинь. Буддизм как ресурс «мягкой силы» Китая // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 290—300.

Сведения об авторах: Понька Татьяна Ивановна — канд. ист. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: ponka_ti@rudn.university).

Джанаева Алти Эрдниевна — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: djanaeva.altn@ya.ru).

Чжао Цзелинь — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: zhaojielin@163.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-290-300

BUDDHISM AS A RESOURCE OF “SOFT POWER” OF CHINA

T.I. Ponka, A.E. Dzhanaeva, Jielin Zhao

People's Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. Now the concept of “soft power” introduced by the American political scientist Joseph Nye Jr., is of particular interest in the theory of international relations. Among the Asian countries special attention paid to China, which currently has not only extensive economic and political resources, but also sources of non-power influence. In the article, the authors explore a concept as “Buddhist diplomacy” and its role in China's foreign policy activities. It also examined the historical formation of Buddhism and its development as a resource of “soft power” by way of the one of state Chinese religions that is

part of the syncretic complex, along with Confucianism and Taoism, in different periods of Chinese civilization, from the pre-imperial period to the modern framework. In this study were examined the views of Russian and foreign experts on the directions and spheres of the definition of the “Buddhism diplomacy” and the peculiarities of its implementation by the Chinese government.

This research based on the using on using the historical approach and general scientific methods, such as analysis, synthesis, deduction, etc. In the article, the authors revealed the current state of religion on the example of Buddhism in China's foreign policy strategy both on the world stage and at the regional level and main aspects within which Chinese Buddhist diplomacy is developing.

Key words: Buddhism, China, China's foreign policy, Buddhist diplomacy

Acknowledgments: The article was prepared in the framework of the initiative R&D “Non-Western theories of international relations. Asian, African and Latin American concepts of the world order” of the RUDN University in 2016.

REFERENCES

- Gorbunova, S. A. (2008). *Religion and Power. The history of Chinese Buddhism in the context of society and the state*. Moscow: Forum. (In Russ.).
- Jangutov, L. E. (2016). The spiritual origins of the political strategy of China's soft power. *Problemy Dal'nego Vostoka*, 4, 159—167. (In Russ.).
- Ke, Yinbin. (2011). Fotszyao gotszi tszyaolyu yui gungun vaitszyao — Fan tsyuan'go chzhense chanvei, chzhungo fotszyao sekhuvei fukhueichzhan Syuechen fashi. *Gungun vaitszyao tszikan'*, (8), 78—84. (In Chinese).
- Kitinov, B. U. (2015). Buddhist culture: from the possibilities of soft power to the potential of Lumbini. *Aziya i Afrika segodnya*, (7), 53—57. (In Russ.).
- Kitinov, B. U. (2013). India, China and Russia: Civilizational Links over Political Processes. *Himalayan and Central Asian Studies*, 17 (3—4), 133—149.
- Kuan Yunjing (2011). Chzhungo dui dunnan'ya de fotszyao tszyaolyu. *Gungun vaitszyao tszikan'*, (8), 21—27. (In Chinese).
- Kuznetsov, V. S. (2006a). Buddhism with a “communist” face. *Aziya i Afrika segodnya*, (4), 25—29. (In Russ.).
- Kuznetsov, V. S. (2006b). *Buddhist factor in China's foreign policy*. Moscow: Institut Dal'nego Vostoka RAN. (In Russ.).
- Li, Jin, Wang, Yun. (1997). Fusan ledao de “Den Syaopin syuan'fen” — 1978 nyan' Den Syaopin fanzhi tszishi. *Danshi ven'yuan'*, 2, 17—20. (In Chinese).
- Malyavin, V. V. (2000.) *Chinese civilization*. Moscow: “Izdatel'stvo Aprel’”, OOO “Izdatel'stvo AST”, Izdatel'sko-prodyuserskii tsentr “Dizain. Informatsiya. Kartografiya”. (In Russ.).
- Methodical recommendations for writing final qualifying works of bachelors and master's dissertations in the areas of training “International Relations” and “Regional Studies”*. Ed. by D. A. Degterev, V. G. Zhangiryan, E. F. Chernenko. Moscow: Publishing house of RUDN; 2015.
- Nye, J. Jr. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
- Sen, T. (2014). *Buddhism Across Asia: Networks of Material, Intellectual and Cultural Exchange*. Singapore: ISEAS and Delhi: Manohar.
- Sen, T. (2012). The Spread of Buddhism to China: A Re-Examination of the Buddhist Interactions between Ancient India and China. *China Report*, 48 (11).
- Spiritual culture of China: encyclopedia: in 5 Vol. Ed. by M. L. Titarenko. Moscow: Vostochnaja literature. (In Russ.).
- Zhang, J. (2012). *Buddhist Diplomacy: History and Status Quo*. Los Angeles: Figueroa Press.

Received: 15.01.2017

For citations: Ponka, T.I., Dzhanaeva, A.E., Zhao Jielin. (2017). Buddhism as a resource of “soft power” of China. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 290—300.

About the authors: *Pon'ka Tatyana Ivanovna* — PhD in History, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: ponka_ti@rudn.university).

Dzhanaeva Altn Erdnievna — graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: djanaeva.altn@ya.ru).

Zhao Jielin — graduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: zhaojielin@163.com).

© Понька Т.И., Джанаева А.Э., Чжао Цзелинь, 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-301-311

REPARATION A MORALE JUSTICE FOR AFRICA: THE BENIN (NIGERIA) IN PERSPECTIVE

S. O. Idahosa

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

J. A. Onimhawo, S. I. Ikhidero

Ambrose Alli University, Ekpoma, Nigeria

Abstract. The paper offered a review of Africa's moral call for reparation. It emphasized among other things that the continued underdevelopment and marginalization of the African continent today, is not unconnected with the trilogy of slavery, imperialism and colonialism. From the perspective of the British expedition of the Great Benin Kingdom in 1897, the paper highlighted how the African continent had been brutalized to strengthen the economies of their colonial overlords. The paper anchored its call for reparation on the premise that, reparation is not only recognized in international law, it has been paid to countries of the world whose dehumanizing experiences are not even as pathetic as those of Africa's over 500 years of abject treatment, damages and destruction occasioned by slavery, imperialism and colonialism. It unveiled also the scholarly argument opposed to reparation.

The work thus proposes that reparations from the western countries to Africa should be on cooperative and partnership basis. This should be in favour of development through deliberate international efforts in recompensing Africa for all the ills visited on her by the west.

Key words: reparations, Imperialism, Colonialism, Justice, Western Powers, Benin Kingdom

In recent years, there has been a surge in the call for the reparation of the African continent. This basically is to compensate for the horrifying atrocities committed against Africans especially by the Europeans in the name of Slavery, colonialism and even neo-colonialism. Africans, having realized that the legacies of these past atrocities contribute in a great measure to keeping the continent at the bottom of the global hierarchy are demanding earnestly for restitution.

As historical evidence reveals that the African continent once the cradle and home of human civilization developed at a fast pace favourably comparable to the fastest growing regions of the world¹. Oliver and Fage² noted that, "while the centers of European culture flourished, decayed and sprouted in their turn, empires in Africa rose, ruled, resisted and succumbed; scholars studied and disputed in Timbuktu as in Paris, and what Italians accomplished with pigment, the artists of Benin achieved with bronze".

Series of agonizing developmental distortion (not unconnected with slave-trade and colonialism) however, became the clog on the wheel of Africa's steady march to

---

¹ Adejo A.M.. Reparation to Africa: An Argument For Equity and Alternative Financing Strategy in a Competitive world. URL: http://www.faculty.umb.edu/david.merwin/Reparations_W6.pdf (accessed: 13.02.2017).

² Ibid.

progress. As observers are moved to indicate, between the degree of destitution of peoples of Africa and the length and nature of exploitation they had to endure is evident. This is captured in General Ibrahim Babangida's assertion that "The legacies of the past weight too heavily on the present and casts a shadow on our (Africa's) future capacity to develop our economies"³.

A typical reference to such colonial distortion to the progress of African societies was the British punitive expedition against the great Benin (Nigeria) Kingdom of 1897. The British soldiers marched on the city as reprisal for the ambush of members of a 'questionable' peace party to the Oba of Benin [Plakensteiner 2016]. The invaders secured this city and looted monuments and palaces of the King (Oba) and many high-ranking chiefs. The king (Oba) was deported and full imperial control began. This was just one among litanies of such cases of settled African societies being disintegrated by force of imperialist arms so as to build what are now the most advanced economies in the world. Consequently, the African continent today, remains marked by the crimes visited on her by imperialists. Up till now her potentialities are restricted by under-development typified by both the debt-trap and the inequitable terms of trade which conspire to hold the continent down. The question then is, for how long would Africa remain an object of charity and a pawn of international diplomacy?⁴

The paper sets to review the cry for reparation for the African continent. Using the 1897 British Punitive Expedition of the Benin Kingdom (Nigeria) as a reference point, the work emphasizes the need for the reversal of the status quo. The work thus proposes that reparations from the western countries to Africa should be on cooperative and partnership basis not on donor to recipient basis. This should be in favour of development through deliberate international efforts in recompensing Africa for all the ills visited on her by the west.

REPARATION: AN OVERVIEW

Reparation as often confused in its plural form is the payments that a victorious power seeks from the defeated side to compensate for costs or damages incurred during a war⁵. This is an entirely different meaning of reparation in its singular form. The plural form *reparations* is a product of power relations in which the defeated (not necessarily the aggressor) is compelled by the victor to pay indemnities. The singular form of the word *reparation* is defined as some form of restitution aimed at compensating, appeasing and helping the victim to readjust and forget about retaliation [Osabu-Kle 2000: 4]. The philosophical and tactical brilliance of reparations lies in its synthesis of moral principles and political economy. If the crimes and deprivations inflicted on African nations and African descendants over centuries have relied on strategies of dehumanization

---

³ Adejo A.M.. Reparation to Africa: An Argument For Equity and Alternative Financing Strategy in a Competitive world. URL: http://www.faculty.umb.edu/david.merwin/Reparations_W6.pdf (accessed: 13.02.2017).

⁴ Ade J.F. Ajayi The Philosophy and History of the Crusade for Reparation. Paper presented at the First Pan African Conference on Reparations at Abuja, 1993, P. 2.

⁵ Charles S. Maier, *Reparation in Microsoft*, 2009, Encarta.

in the service of power, profit, and conquest, then the efforts to identify, halt, and redress them must insist on explicit acknowledgment and repudiation of such strategies, alongside comprehensive material efforts to indemnify them [Btondi 2003]. However, Alfred L. Brophy stressed on the importance to present the context of reparations history in defining it [Brophy 2006].

Reparation, therefore is a recompense, restitution or atonement to an aggrieved people by the perpetrator(s) on the basis of their grief; a means of ‘putting into good condition again’ or ‘being so repaired; a righting of wrong; something done or paid as compensation for a wrong’⁶. Implied in these definitions is a suggestion of an initial state of disrepair desirous of rehabilitation — ‘thus to repair’; ‘to make whole again’⁷. As Ade Ajayi observed, reparation, in international law, is linked with the concept of crime, and equated with “compensation exacted for past injuries”⁸. Accordingly Mimiko, citing Ian Brownlie, exposed the legal perspective more aptly when he defined reparations as all measures which a plaintiff may expect to be taken by a defendant state which includes: payment of compensation (or restitution), an apology, the punishment of individuals responsible, the taking of steps to prevent reoccurrence of the breach of duty and any other form of satisfaction [Brownlie 1979].

According to Armstrong Adejo⁹, Reparation in International Law can be discussed in two available forms namely; as specific performance or damages, and as appropriately negotiated award for injury caused. These two forms of compensation known to International Law do not foreclose the employment of any other form of compensation. Thus, for the purpose of our position, reparation is conceived in its expanded yet specific sense as compensations demanded by the past and present generations of Africans from western European and North American nations for what the Africans regarded as the misdeed, exploitation, desecration of and atrocities perpetuated against Africa¹⁰.

History is replete with concrete evidence of reparations demands and payment. According to Daniel Tetteh, Reparation has been paid directly or indirectly in both ancient and modern history. In Biblical history, Moses indirectly compelled Egyptians lending jewels of silver, gold and raiment to women of Israel to provide the Israelites with the reparation due them for centuries of enslavement in Egypt. The Czar of Russia, Alexander I, after ordering the liberation of the 25 million serfs in 1863 compelled the serf-owners to pay reparation by conveying to those serfs the houses in which they lived and portions of the land they had cultivated while working as serfs [Osabu-Kle 2000].

In modern times, reparation has been paid to Jews. The German government and private corporations have paid \$65.2 billion to survivors of the death camps and forced

⁶ Abimbola Awofeso, Abiola M.K.O. *To make Whole Again*. Lagos: Update Communications; 1990, p. 76.

⁷ Ibid.

⁸ Ade Ajayi *The Slave Trade, colonialism and Neo-Colonialism in Historical Perspective* cited in A.M. Adejo. *Reparation to Africa: An Argument For Equity and Alternative Financing Strategy in a Competitive world*. URL: http://www.faculty.umb.edu/david.merwin/Reparations_W6.pdf (accessed: 13.02.2017).

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid. P. 19.

laborers during the Holocaust. The Jews believed that they own the responsibility not to forget, or let the world forget such dehumanizing treatment, so as to ensure that such a crime does not happen again to themselves or others. Germany has also paid reparations to the state of Israel, Korean women, and Japanese Americans for wrongs committed against them. Japan also paid compensation for the “comfort women” it forcibly obtained from Korea during that war. Recently reparation has been imposed on Iraq by the United Nations for its wrongful invasion of Kuwait [Osabu-Kle 2000].

The movement for reparations in Third world nations has also grown in recent years, although not quite as quickly or as broadly as it has in the United States. A major turning point in the development of support for reparations by African nations was the 1993 Abuja Proclamation sponsored by the Organization of African Unity’s Reparations Commission [Btondi 2003: 15]. Many activists in Africa identify debt cancellation as an essential first step in reparations. The U.S. human rights organization on Africa Action, has condemned the “illegitimate, immoral and crippling foreign debt that African countries owe to the wealthy white countries and the international institutions that represent their economic interests.” Every year, forty-eight countries in sub-Saharan Africa pay \$13.5 billion to “rich foreign creditors for past loans of questionable legitimacy [Btondi 2003: 16].

Some cases and countries where compensation was received in Africa include; Compensation from British Colonialists on the abuses meted on the Mau Mau Freedom Fighters in Kenya. “The British government sincerely regrets that these abuses took place and that they marred Kenya's progress towards independence”¹¹. Britain on this note announced a £19.9 million (\$30 million) settlement for human rights violations during its colonial rule in the East African nation¹². Germany also paid for colonial errors in Namibia. In July 2015, the German government and parliament officially called the events a “genocide” and “part of a race war”¹³. Germany said it is prepared to support a long-term reconciliation programme to address the injustices of German colonial rule in Namibia about 100 years ago¹⁴. Heidemarie Wieczorek-Zeul, Germany's Minister of Economic Cooperation and Development, announced that Germany is willing to bankroll an “initiative for reconciliation” to the tune of N \$160 million over a period of 10 years¹⁵.

The Russian President, Dmitry Medvedev, “on June 27, 2009 in Luanda during a visit to Angola stated emphatically thus; “Countries which previously had colonies

---

¹¹ UK to compensate more than 5,000 Kenyans over colonial-era torture. URL: <http://www.edition.cnn.com/2013/06/06/world/africa/uk-colonial-compensation/> Retrieved, 13 July 2015 (accessed: 13.02.2017).

¹² Ibid.

¹³ German Official Says Namibia Herero Killings Were 'Genocide' And Part Of 'Race War'. International Business Times. Retrieved 13 July 2015.

¹⁴ Deutsche Kolonialverbrechen: Bundesregierung nennt Herero-Massaker erstmals “Völkermord” Spiegel Online. 13 July 2015. URL: <http://www.spiegel.de/politik/deutschland/namibia-massaker-bundesregierung-spricht-von-voelkermord-a-1043117.html> (accessed: 12.06.2015). (In German).

¹⁵ Lord Aikins Adusei. US and EuRope Must Pay Reparations to Victims of Slavery and Colonialism. Modern Ghana. URL: <http://www.modernghana.com/news/202335/1/us-and-europe-must-pay-reparations-to-victims-of-s.html> (accessed: 13.03.2016).

in Africa should think to repay their debts to the African continent”. The act which deprived the continent of her energetic men and women a vital resource in her development process and sunk the continent into intellectual and developmental wilderness¹⁶.

THE BENIN OF SOUTHERN NIGERIAN

The Benins are the *Edo (Benin)* speaking people of Edo State of Southern Nigeria. It is located in the Guinea rainforest belt of Nigeria in the West Africa sub-region [Ikhidero 2014]. Though Benin City itself falls mainly under Oredo Local Government Area of Edo State, the *edo (Benin)* speaking people are scattered across several more, like Ovia North-East, Ovia-South West, Egor, Ikpoba Okha, Uhunwmode and Orhionmwon Local Government of Edo State, with Benin City being the State as well as the traditional headquarters where the Palace of the Oba of Benin is situated. The Benin has occupied their present land for thousands of years. Records had shown also that during the era of warrior *obas* like Ozolua, Esigie and Ewuare, the Benin people built a formidable empire that extended to Lagos, Badagry, Ijebu, Ondo, Owo, Kukuruku, Ikare and as far as Dahomey, Sierra-Leone, Guinea and Ghana; the present *Ga* ethnic group of Ghana migrated from Benin at about 1250 AD. The Benin Kingdom as we have it today has survived the vicissitudes of time and tribulation; its traditional institutions have remained intact and held together by an infallible authority of a monarchy founded more than 800 years ago [Ikhidero 2014].

THE 1897 BRITISH EXPEDITION OF THE BENIN KINGDOM

The Benin Expedition of 1897 was a punitive expedition by a United Kingdom force of 1,200 under Admiral Sir Harry Rawson in response to the defeat of a previous British-led invasion force under Acting Consul General James Philips (which had left all but two men dead). Rawson's troops captured, burned, and looted Benin City, bringing to an end the West African Kingdom of Benin. As a result, much of the country's art, including the Benin Bronzes, were looted and / or relocated to Britain. By 1895 the British Protectorate government had established its authority, frequently by use of force, over all the major trading centers except the ancient kingdom of Benin which insisted on retaining sovereignty and trading independence. The King had been forced to sign a treaty in 1892. This established the free trade opportunity for the British but limited the sovereignty of the Oba, who was regarded as god by his people.

The British wanted full control of Benin and planned a cunning way of making the use of force inevitable. Benin was besieged in 1897: a reprisal attack after a British mission led by Consul Philip was ambushed consequent upon his refusal to postpone his visit to Benin.

The British soldiers reinforced and conquered Benin forces. The palace of the king was set ablaze, sacred cultural objects were looted from the Oba's chamber and the Oba (Oba Ovoranmwon) was deposed to Calabar. Since this sad event, Benin's cultural arte-

---

¹⁶ Lord Aikins Adusei. US and Europe Must Pay Reparations to Victims of Slavery and Colonialism. Modern Ghana. URL: <http://www.modernghana.com/news/202335/1/us-and-europe-must-pay-reparations-to-victims-of-s.html> (accessed: 13.03.2016).

facts are found largely in foreign museums in Britain, Austria, Germany, France and the US¹⁷. Obvious facts emerged which have made it clear that the war against the Benin by Britain was premeditated and deliberately provoked by the British. According to Onions Edionwe, in his book *Witness to Survival* [Edionwe 2010: 14], the British has planned to take control of “Benin Country”. Evidence of history reveals that after the abolition of the trade in human chattel (Trans-Atlantic slave trade) in the 1880s, the European merchants turned their attention to commodities like spice, groundnut, palm produce and rubber in the west coast of Africa. European merchants from different European countries found themselves locked in cut-throat rivalry to gain possession of different parts of Africa. In order to check the confusion, the European countries themselves convened what came to be known as the Berlin Conference in 1884, where they agreed that any European country that established sphere of influence anywhere in Africa should claim the area. Thus the real scramble for Africa started.

Hence, in 1897 the British deposed the Oba (King) of Benin and burnt down his palace but not before looting his collection of bronze and ivory that was held in the palace. Today most of that collection is on exhibit at the British Museum in London [Okediji 1998]. Many other objects which have both cultural and spiritual significance and even the remains of our African ancestors are held in western museums in Europe and America¹⁸.

DEMAND FOR REPARATION BY THE BENINS

Efforts have been made by the Benins in particular and Nigeria in general to demand restitutions for the looted artifacts and damages done to the Benin people as a result of the British expedition. In a paper presented in 1997 in Lagos during the Centenary Commemoration of the British invasion of the Benin Kingdom, Oba (King) Erediauwa expressly demanded a return of the stolen Benin artifacts by the British Government or pay reparation on them [Edionwe 2010: 27]. The Oba commended the effort of the Federal Government of Nigeria through the National Commission for Museum and Monuments to purchase some of the Stolen Benin Bronze works which enabled few to be brought to the Nigerian Museum. Oba Erediauwa also recalls the fruitless effort that the Federal Government made in 1977 to bring to Nigeria the popular Benin *Queen Idia Face mask* that was to be known as the FESTAC symbol [Edionwe 2010: 28].

Chief Nosakhare Isekhure; The *Isekhure* (Chief Priest) of Benin Kingdom, in support of the move of Oba Erediauwa emphasize the importance of those artifact to the Benins and the need for the British to either return them or pay restitutions for these artifact (Onions A. Edionwe p 49). Harrison Okao; the *Ohen'Osa*, (Priest) of Holy *Aruosa* Cathedra of Benin Kingdom, added that the looted artifacts are priceless to the Benin people. Hence, the Benins are not only demanding a return of these items, reparation

---

¹⁷ Layiwola P. Introduction at the Opening of the Colloquium and Exhibition” Benin1897. Com: Art and the Restitution Question. Lagos; 2010.

¹⁸ Gabriel D. Stealing History: The Great Debate on the Repatriation of African Culture Property. 16 October, 2006. URL: <http://deborahgabriel.com/wp-content/uploads/2010/05/Stealing-history-the-great-debate-on-the-repatriation-of-African-cultural-property.pdf> (accessed: 16.04.2017).

has to be paid for them in cash or kind as a form of appeasement for the callous and reckless actions of the British Royal Army in 1897. He appealed to the United Nation through UNICEF and any of its archeological body to come to the rescue of the Benins in this regard by providing an assessment of the needed reparation. He advocated also for an alternative move which should be an adjudication at the world court, at which public hearing, will reveal the unkind act of Britain towards the Benins [Edionwe 2010: 58].

OPPOSING ARGUMENTS ON REPARATION

Before further assessment on the argument opposing reparation, it's imperative to sum up Key ethical questions on reparation, which are¹⁹:

- ◆ How can people repair the damage brought about or suffered by their ancestors?
- ◆ Can money, whether in the form of foreign aid to those countries most affected by the slave trade or of payments to slaves' descendants of slaves, begin to heal the wounds of the past? (If not, what can?)
- ◆ How are reparations linked to the ongoing social, economic, health, and political crises that continue to wrack the ex-colonial nations that supported the slave trade for so many centuries?
- ◆ Finally, what moral obligations do people living today have towards the descendants of slaves and towards members of societies most heavily impacted by the slave trade?

Against this background, different scholars have given their views as opposed to the idea of reparations. Some argue that it is disrespectful and dishonorable to reduce the horrors of the slave trade to financial compensation. Others feel that accepting compensation for past wrongs will mean that the developed world will feel that it has done its duty by Africa.

Michelson Melissa R. [Michelson 2002], posit that, to those who argue that compensation cannot be made to slaves because there are no living former slaves, reparations supporters counter that although slavery officially ended in 1865, there is substantial evidence that the practice continued illegally well into the 20th century and that Blacks should be compensated for injuries. Opponents such as David Horowitz (2001)²⁰ argue that, unlike the Jews who suffered through the Holocaust or the Japanese-Americans awarded remunerations for WWII internment by the U.S. government, neither the victims nor the perpetrators of slavery are alive today, and it is unfair to hold the descendants of slave-owners responsible for the actions of their ancestors.

He however, in his famous “Ten Reasons Why Reparations for Slavery are a Bad Idea and Racist, Too”, argued that [Horowitz 2001]:

- There Is No Single Group Clearly Responsible for The Crime of Slavery,
- There Is No One Group That Benefitted Exclusively from Its Fruits,
- The Historical Precedents Used to Justify the Reparations Claim Do Not Apply, And The Claim Itself Is Based On Race Not Injury.

¹⁹ Special Report: Reparations for Slavery Debate//Carnegie Council. August 19, 2001. URL: <https://www.carnegiecouncil.org/publications/picks/175> (accessed: 16.04.2017).

²⁰ Horowitz D. (2002). *Uncivil Wars: The Controversy Over Reparations For Slavery* 12—16.

While the morale argument of one not liable to pay for what he never did, as many reparations sceptics do, that implies that one should be liable only for the harms one causes, that there is no general societal culpability. The question it raises is, where is the fairness in asking people whose ancestors were not even in the country that purportedly committed the crime during the period of slavery to pay reparations for crimes occurring in that time? [Brophy 2004]. Moreover, other entities besides the government have culpability for slavery, such as African nations themselves. Blacks have little to gain and much to lose from making “Reparations Now” the next civil rights rallying cry [Loury 2001].

However, Adjoa Aiyetoro²¹, has said: “We're not raising claims that you should pay us because you did something to us 150 years ago. We are saying that we are injured today by the vestiges of slavery, which took away income and property that was rightfully ours”. Yet proponent against reparation frequently maintain that the current inequality in wealth is due to black culture, not the legacy of slavery. While on the other hand, Journalist Walter Williams, like many other proponents not in favour of reparation, places blames.

According to the argument of Journalist Walter Williams²², “Had there not been slavery, and today's blacks were born in Africa instead of the United States, we'd be living in the same poverty that today's Africans live in and under the same brutal regimes. This however point to the fact that African leaders have a role to also play in bettering the lives of it citizen and not always seeking for help and reparation which it however, intend to place on colonialism. In supporting the same view is David Horowitz, who also pointed out that the average annual income of residents in Benin is less than one thousand dollars, that has little relevance to how people are treated in the United States. This therefore places much of the blame on the lack of development of Africa on its leaders.

Dr Stephen Small of the University of Leicester on the reparations movement, the descendants of Africans and of Europeans view the legacy of the slave trade from different vantage points²³. However, it's only by tackling the unfairness of these systems can we begin together to create a more morally acceptable economic and political system within which the world's entire population can prosper.

PROPOSED STRATEGY

The reparations from the western countries to Africa should be on cooperative and partnership basis not on donor to recipient basis. It should be based on Cooperation and Partnership theory. The reparation to the Benin kingdom for the massacre and stolen artifacts, if paid will also go a long way in the developmental process of the Kingdom

---

²¹ Adjoa A. Aiyetoro The National Coalition of Blacks for Reparations in America (N'COBRA): Its Creation and Contribution to the Reparations Movement. In: *Should America Pay?* N 53, 209, 225.

²² Williams W. Did blacks benefit from slavery? *Orange County Register (OCR)*. October 24, 2012. URL: <http://www.ocregister.com/2012/10/24/walter-williams-did-blacks-benefit-from-slavery> (accessed: 16.04.2017).

²³ Reparations. *Discovering Bristol*. URL: <http://www.discoveringbristol.org.uk/slavery/after-slavery/wider-world/african-diaspora/reparations> (accessed: 16.04.2017).

and will eventually create jobs for many. Speaking in a cultural exhibition in Sweden, Orobosa Omo-Ojo urged the British government to pay reparation for the economic benefits accruing to the artifacts for all those years. He stressed that the ugly and unwarranted episode of 1897, when the British government planned and invaded the Benin Empire marked the turning point in the history of Benin and the black civilization in general.

Akeem Lasisi added that the looted Benin artifacts and other damages worth more than N313bn, which can be invested in building infrastructures that will employ more than 10,000 people, each of which can take care of about 15 dependants; at the end we will have a total of 150,000 people that will be affected positively. With cooperation, collaboration and partnership, the partnership can then create mutual benefits and particularly, for the better development of the people and the nation. On the other hand, K. Hopkins asserted in his conclusion that the granting of reparations to blacks is not only morally and legally justified but also only a starting point in any genuine attempt to right the wrongs of slavery [Hopkins 2001].

***

The paper explored the Africa's reparation call. It emphasized among other things that the continued underdevelopment and marginalization of the African continent today, is not unconnected with the trilogy of slavery, imperialism and colonialism. From the perspective of the British expedition of the Great Benin Kingdom in 1897, the paper highlighted how the African continent had been strengthen the economies of their colonial overlords.

It is against this background for a safer world that we join in the call for reparation as a moral justice for Africa. This is anchored on the premise that reparation is not only recognized in international law, it has been paid to some countries of the world.

REFERENCES

- Brophy, A. L. (2006). Reconsidering Reparations. *Indiana Law Journal*, 81 (3), 812—849.
- Brophy, A. L. (2004). The Cultural War over Reparations for Slavery. *DePaul Law Review*. 53 (3), 1181—1213.
- Brownlie, I. (1979). *Principles of International Law*. London: Oxford University Press.
- Btondi, M. (2003). The Rise of Reparation Movement. *Radical History Review Journal*, 87, 5—18. DOI: 10.1215/01636545-2003-87-5.
- Edionwe, O. A. (2010). *Witness to Survival; Kingdom vs. Kingdom*. Benin: Butterworth Productions Limited; 2010.
- Hopkins, K. (2001). Forgive U.S. Our Debts? Righting the Wrongs of Slavery. *Georgetown Law Journal*, 89 (8), 2531—2556.
- Horowitz, D. (2001). Ten Reasons Why Reparations for Slavery is a Bad Idea for Blacks — and Racist Too. *Journal of Black Studies and Research*, 31 (2), 48. DOI: 10.1080/00064246.2001.11431145.
- Ikhidero, S. I. (2014). *The Matrimonial Oath of Fidelity among the Benin of Southern Nigeria: Its Ethical Implications for Postcolonial Nigeria*. Germany: Lap Lambert Academic Publishing.
- Loury, G. C. (2001). Little to Gain, Much to Lose. *Black Issues in Higher Education*, 18 (19), 42.
- Michelson, M. R. (2002). The Black Reparation Movement: Public Opinion and Congressional Policy Making. *The Journal of Black Studies*, 32 (5), 574—587.
- Okediji, M. (1998). On Reparations Exodus and Embodiment. *African Arts*, 31 (2), 8—10.

- Osabu-Kle, D. T. (2000). The African Reparation Cry: Rationale, Estimate, Prospects, and Strategies. *Journal of Black Studies*, 30 (3), 1—15.
- Plakensteiner, B. (2016). *Benin: Kings and Rituals—Court Arts from Nigeria*. Snoeck Publishers. URL: http://artwriteups.blogspot.com.ng/2010/08/benin-1897com-art-and-restitution_02.html (accessed: 20.02.2016).

Received: 14.03.2017

For citations: Idahosa, S.O., Onimhawa, J.A., & Ikhidero, S.I. (2017). Reparation a morale justice for Africa: the Benin (Nigeria) in perspective. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 301—311.

About the authors: *Idahosa Stephen Osaherumwen* — graduate student of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: idahosa8@gmail.com).

Onimhawa John Afeagbokhai — Professor in the Department of Religious Management and Cultural Studies, Ambrose Alli University, Nigeria, Editor of Epkoma Journal of Religious Studies (e-mail: onims_j54@yahoo.com).

Ikhidero Solomon Ijeweimen — graduate student of Ambrose Alli University, Nigeria (e-mail: solomonikhidero@yahoo.com)

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-301-311

ВОЗМЕЩЕНИЕ МОРАЛЬНОГО УЩЕРБА АФРИКЕ: НА ПРИМЕРЕ БЕНИНСКОГО ЦАРСТВА (НИГЕРИЯ)

С.О. Идахоса

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Д.А. Онимхаво, С.И. Ихидеро

Университет Эмброуза Алли, Экпома, Нигерия

В данной статье предлагается анализ призыва Африки к возмещению морального ущерба. В ней, среди прочего, подчеркивается, что продолжающееся отставание в развитии и маргинализация Африканского континента на сегодняшний день связаны, в том числе с наследием рабства, империализма и колониализма. На примере британской экспедиции в Бенинское царство в 1897 г. авторы данного исследования делают вывод, что Африканский континент подвергся жестокому обращению ради укрепления экономик метрополий. В ней также проводится анализ репараций, которые не только признаются международным правом, но и выплачиваются ряду пострадавших стран, которые не испытывали столь длительного и бесчеловечного обращения, как Африка на протяжении более 500 лет, долгих лет ущерба и разрушения, вызванных рабством, империализмом и колониализмом.

Также в статье рассмотрены точки зрения, которые отрицают идею о возмещении ущерба. Авторы приходят к выводу, что репарации западных стран Африканскому континенту должны осуществляться на основе сотрудничества и партнерства. Это должно идти на пользу развитию африканских стран и реализовываться путем продуманных международных усилий по компенсации.

Ключевые слова: репарации, империализм, колониализм, справедливость, западные державы, Бенинское царство

Дата поступления статьи: 14.03.2017

Для цитирования: *Idahosa S.O., Onimhawo J.A., Ikhidero S.I. Reparation a morale justice for Africa: the Benin (Nigeria) in perspective // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 301—311.*

Сведения об авторах: *Идахоса Стефен Осахерумвен* — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: idahosa8@gmail.com).

Онимхаво Джон Афеабокай — профессор Департамента религиозных и культурных исследований Университета Эмброуза Алли, Экпома, Нигерия, редактор Ерккома *Journal of Religious Studies* (e-mail: onims_j54@yahoo.com).

Ихидеро Соломон Айджевайнен — магистрант Университета Эмброуза Алли, Экпома, Нигерия (e-mail: solomonikhidero@yahoo.com)

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-312-324

КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПРАКТИКЕ ООН

С.А. Бокерия

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В рамках безусловного роста мировых угроз на повестку дня современных международных исследований встают вопросы о взаимодействии стран в целях их предотвращения и защиты людей от тяжелых последствий кризисов. Одним из важных инструментов в рамках мер ответа мирового сообщества является пересмотр и активизация дискуссий в рамках концепции личностной безопасности (human security).

В статье рассматриваются особенности развития «human security» в Организации Объединенных Наций как противоположного подхода к разрешению проблем обеспечения безопасности. Автор обратился к анализу проблематики концепции личностной безопасности в правозащитном измерении ООН, поскольку данная организация выполняет ключевую роль в области применения и реализации концепции в глобальном масштабе. Представлена периодизация развития концепции безопасности человека в рамках ООН. Проведен анализ ситуации с сирийскими беженцами в Ливане в формате «кейс-стади». В работе автор не предпринимал попытку всестороннего анализа концепции в рамках ООН, но осмысления новых тенденций и доминирующих задач в области практической применимости концепции личностной безопасности и ее влияния на эффективность реализуемых программ международными организациями.

Ключевые слова: безопасность человека, «human security», ООН, международные отношения, гражданское общество, государство, угрозы и вызовы, сирийские беженцы, Ливан

Изменение источников угроз, их возрастающая сложность и многоплановость, возможность перетекания через границы одного государства или региона в другой являются ключевым фактором, оказывающим прямое влияние на развитие концепции человеческой безопасности.

Личностная безопасность предусматривает взаимозависимость между установлением мира, развитием и правами человека, выработку определяющих стратегий на местном, региональном и глобальном уровнях, а также усиление сотрудничества государств и международных организаций.

По своей сути идея личностной безопасности не является новой. Первое упоминание о возможности осмысления безопасности через призму безопасности человека было представлено в 1960-е гг. в рамках норвежско-канадского сотрудничества в деле проведения миротворческих операций по линии ООН («ось Осло — Оттава») [Suhrke 1999: 266].

Ключевые шаги, положившие начало концепции личностной безопасности, были сделаны в рамках работы некоторых международных комиссий (например,

Palme Commission, 1982¹, World Commission on Environment and Development, 1987²). Комиссия во главе с Улофом Пальме проделала огромную исследовательскую работу в области разоружения и влияния ядерного оружия на безопасность человека и всеобщую мировую безопасность. В своем обращении к Генассамблее ООН в 1982 г. он отметил: «Настоящая безопасность для любой нации заключается в экономическом и социальном прогрессе, экономическом сотрудничестве между государствами, регионами и в мире»³. Пальме вводит понятия *collective security* и *common security* («Это не только свобода от страха войны, это цель, которая состоит в том, чтобы жить лучше в общей безопасности и процветании») [Там же: 16]. У. Пальме видел процесс достижения личностной безопасности через решение военных конфликтов в странах третьего мира. На его взгляд, самым важным и ценным инструментом для общей безопасности является ООН. Обеспечив безопасность в каждом отдельном регионе, можно достичь общей безопасности. Однако для этого должна быть решена проблема единообразия в применении международного права всеми странами.

Всемирная комиссия по окружающей среде и развитию 1987 г. обратила внимание мировой общественности на деградацию окружающей среды, международное экономическое неравенство и бедность, а также неспособность национальных и международных институтов эффективно справляться с вызовами по защите равенства для будущих поколений. Работа данной комиссии примечательна тем, что была выдвинута концепция устойчивого развития: изменения в природопользовании, инвестировании, внедрении технологических новинок будут сделаны в соответствии с предстоящими и текущими потребностями. Комиссия предложила включить вопросы защиты природы и инвестиций в область национальной безопасности, а также показала тесную взаимосвязь между экономическими и экологическими проблемами⁴.

Однако само понятие личной безопасности впервые было предложено в 1994 г. в «Докладе о развитии человека»⁵ программы Организации Объединенных На-

¹ Statement by Mr. Olof Palme, chairman of the Independent Commission on Disarmament and Security Issues to the second special session of the General Assembly on disarmament, June 23, 1982. Electronic resource: URL: http://www.olofpalme.org/wp-content/dokument/820623_fn.pdf (accessed: 17.11.2016).

² World Commission on Environment and Development. 1987. *From One Earth to One World: An Overview*. Oxford: Oxford University Press. Electronic resource. URL: <http://public.wsu.edu/~susdev/WCED87.html> (accessed: 17.11.2016).

³ Statement by Mr. Olof Palme, chairman of the Independent Commission on Disarmament and Security Issues to the second special session of the General Assembly on disarmament, June 23, 1982. P. 15. Electronic resource: URL: http://www.olofpalme.org/wp-content/dokument/820623_fn.pdf (accessed: 17.11.2016).

⁴ World Commission on Environment and Development. 1987. *From One Earth to One World: An Overview*. Oxford: Oxford University Press. Electronic resource. URL: <http://public.wsu.edu/~susdev/WCED87.html>. p. 17—21 (accessed: 17.11.2016).

⁵ UNDP. *Human Development Report 1994*. NY, Oxford University Press, 1994. Electronic resource. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf (accessed: 17.11.2016).

ций (ООН) по вопросам человеческого развития (ПРООН). Уже тогда в академических кругах назревала обеспокоенность увеличением роста риска и угроз, с которыми в тот момент сталкивалось множество стран, поэтому было необходимо проведение кардинальных изменений в рассмотрении вопроса о безопасности на международном уровне, в особенности с точки зрения недавнего окончания холодной войны. В течение многих десятилетий безопасность, осуществляемая со стороны государств, была в первую очередь ориентирована на защиту или противостояние идеологических угроз, отражающихся в дихотомии «коммунизм/капитализм», создавая такие стратегии обороны и безопасности, которые проявлялись в том, что под объектом и субъектом безопасности понималось не что иное как государство, которое нужно было во что бы то ни стало защищать любой ценой.

Это приводило к тому, что гражданин (не имеет значения, индивидуальным или коллективным образом выражавший идеи, противостоявшие преобладаемым идеологическим режимам) автоматически превращался в объект внутренней угрозы национальной безопасности, точно так же, как и те страны, которые имели иную точку зрения, сразу же становились потенциальными врагами.

После окончания противостояния мировых блоков стали возникать новые социальные и экономические проблемы, которые ранее были отодвинуты на задний план вопросами по разрешению насилия и конфликтов, происходивших в соответствующих странах. Эти новые угрозы и риски, едва начинавшие проявляться, впоследствии сформировали новый контекст для рассмотрения вопроса о безопасности со стороны государства, затрагивая все новые аспекты, а не исключительно вопрос о безопасности государства в качестве основ национальной обороны.

С одной стороны, возникла необходимость анализа структуры государственного аппарата посредством использования методов «безопасности» при помощи вооруженных сил; с другой же стороны, возникали такие национальные и региональные ситуации, которые приводили к риску консолидации новых неокрепших демократий, едва начинавших возрождаться под воздействием таких проблем, как крайняя нищета, климатические изменения и проблема голода.

После пересмотра изменения отношений между государствами, с момента окончания их идеологического противостояния, называют новые предложения и аспекты, которые впоследствии приводят к кардинальным изменениям характера восприятия между соседними странами. Процесс движется от конфронтации к сотрудничеству как механизму для достижения установления гармоничных отношений на региональном уровне, высоко оценивая создание доверительной обстановки, которая могла бы поддерживать мир между народами.

В этом глобальном контексте в итоге называют предложения по безопасности человека, где объект и субъект безопасности целиком и полностью концентрируются на самой личности человека, в той перспективе, где государство становится защитником человека и таким образом модифицирует логику своих институциональных действий для поддержания этой концепции. Изменение переключается с трансформации идеологии обороны в идеологию, акцентирующую внимание на вопросах защиты и сотрудничества со стороны государства, осуществляемую

в рамках логики общего блага. Исключая концентрирование на вопросах государственной обороны, те угрозы и риски, препятствовавшие стабильности государства, впоследствии становятся основным лейтмотивом социальных движений, которые ранее рассматривались как революционные действия, направленные против статус-кво.

Если концепция о безопасности первоначально акцентирует свое внимание исключительно на вопросах защиты, то впоследствии она переходит от вопросов защиты человеческой жизни и имущества к гарантированию удовлетворения основных жизненных потребностей, позволяющих человеку быть полноправным членом общества.

Вопрос о безопасности состоит из двух основных блоков: один, в котором действия государства должны быть ориентированы на прямое обеспечение безопасности личности, понимаемое в рамках ее физической защиты и защиты ее материального имущества. Второй, в котором говорится о том, что человек имеет полное право развиваться в благоприятной (благополучной) обстановке (ответственность за которую должно целиком и полностью нести государство), состоящей из 7 основных ценностей (ПРООН, «Доклад о человеческом развитии 1994 г.: новые измерения человеческой безопасности») ⁶, предлагаемых ООН, которыми являются: экономическая безопасность, безопасность по продуктам питания, по здравоохранению, по вопросам окружающей среды, личная, общественная и политическая безопасности. Принятие такого взгляда на безопасность означает, что государство должно действовать в двух стратегиях: во-первых, решать вопросы защиты/обороны в узком смысле этого слова, во-вторых, осуществлять необходимое развитие для достижения благоприятного климата и той безопасной обстановки, которая выступает как неотъемлемая часть личностной безопасности.

Комплексный анализ концепции «human security» освещается в трудах Д.Г. Балужева, А.М. Кузнецова, Н.А. Кора, П.А. Цыганкова [Балуев 2004; Кузнецов 2011; Кора 2012; Цыганков 2000].

В работах вышеперечисленных авторов сделаны попытки не только определить понятие «human security», но и выделить его составляющие компоненты. Каждый исследователь придает этой дефиниции свое значение, которое наиболее соответствует его пониманию сущности и содержания безопасности личности. К примеру, А.М. Кузнецов анализирует феномен человеческой безопасности с точки зрения угроз, которые возникли в мире после холодной войны; Д.Г. Балуев рассматривает личностную безопасность с позиции обеспечения национальной безопасности; Н.А. Кора и Д.А. Борисов исследуют генезис научной мысли в области безопасности человека.

А. Ачарая, почетный профессор американского университета в Вашингтоне, автор книги «Human Security: East versus West» [Acharaya 2001] пишет: «Концепция human security представляет собой мощную, контroversивную попытку акаде-

---

⁶ UNDP. Human Development Report 1994. NY, Oxford University Press, 1994. Electronic resource. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf (accessed: 24.10.2016).

мических кругов и политического сообщества дать новое определение и расширить значение безопасности» [Acharaya 2007: 492].

Среди зарубежных авторов необходимо указать работы Роланд Парис — Кэролин Томас [Paris, Thomas 2001], Гарри Кинга [King, Murray 2002], группу западных исследователей Де Уст, Грондин [D'Aoust, Grondin 2009].

ПЕРИОДИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН В РАМКАХ РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ

Обзор ряда исследований, посвященных проблематике «human security», через призму деятельности агентств ООН показал, что в них отсутствует периодизация развития концепции, которая позволяет проследить ее генезис и эволюцию, а также понять, почему сегодня она особо актуальна в международных отношениях.

Изучив работы как отечественных исследователей, так и зарубежных, а также тематические электронные ресурсы, автор предлагает собственную периодизацию развития концепции «human security» в рамках ООН за последние 22 года, которую можно хронологически представить в виде 5 периодов.

1. 1994—1999 гг. — время выработки, становления и пропаганды концепции, определения понятия «human security» в отчете ПРООН⁷ и создания Human Security Network, — инициативной группы стран, занятых продвижением концепции личной безопасности. Учреждение Японией и Секретариатом ООН UN Trust Fund for Human Security (Целевого фонда ООН по безопасности человека (ЦФБЧ ООН), который на практике реализует меры по обеспечению безопасности личности в международном масштабе.

Как сказано в отчете ПРООН, устойчивое развитие должно быть ориентировано на человека, безопасную окружающую среду, создание рабочих мест и защиту прав женщин. В нем впервые на международном уровне подчеркивается, что без человеко-центристского подхода невозможно решить мировые проблемы в области борьбы с организованной преступностью, установления мира, сокращения народонаселения, социальной интеграции и защиты природных ресурсов. Только обеспечив безопасность человека, можно ответить на широкомасштабные и многоплановые угрозы современного мира. В данном отчете выделены основные характеристики компонентов «human security»: человеко-ориентированность, универсальность, взаимозависимость и раннее предупреждение.

2. 2000—2004 гг. — установление в качестве международной повестки дня на Саммите тысячелетия (2000) основополагающих компонентов личностной безопасности — «свобода от страха» (сторонницей выступила Канада) и «свобода от нужды» (Япония), которые характеризуют подход ООН к обеспечению безопасности человека в условиях старых и новых вызовов современности.

Создание системы институтов для мобилизации, развития и продвижения концепции, в частности, The Independent Commission on Human Security (CHS), Advisory

---

⁷ UNDP. Human Development Report 1994. NY, Oxford University Press, 1994. Electronic resource. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf (accessed: 24.10.2016).

Board on Human Security (ABHS), Human Security Unit. Первые попытки внедрения концепции в план действий ООН при поддержке Генерального секретаря ООН, а также докладов ПРООН. Включение дефиниции «human security» не только в понятийный аппарат ООН, но и в основные направления деятельности.

3. 2005—2008 гг. — активизация пропаганды «human security», предложение Генерального секретаря в рамках процесса реформирования ООН ввести новый принцип «жизнь с чувством собственного достоинства» (freedom to live in dignity)⁸ в дополнение к «свободе от страха» и «свободе от нужды». Включение в итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. раздела «Безопасность человека», параграф 143: «Все люди, в том числе уязвимые, имеют право быть избавленными от страха и нужды, обладая равными возможностями пользоваться всеми своими правами и в полной мере раскрывать свой потенциал. С этой целью мы обязуемся обсудить и дать определение в Генассамблее понятию «безопасность человека»⁹. Первый раунд неформальных дебатов по устранению противоречий и выработке универсального подхода к «human security» среди государств — участников Генеральной ассамблеи ООН.

4. 2009—2012 гг. — взаимосвязь и взаимоусиление развития, прав человека и безопасности как трех основных направлений деятельности ООН, официальное обсуждение понятия «human security» на ГА ООН, попытки разграничения концепции безопасности человека и ответственности по защите, установление в концепции акцента на неприменение силы и принудительных мер. Последующие меры по итогам Саммита тысячелетия были приняты в Иордании, Кении, Коста-Рике, Мексике, Микронезии (Федеративные Штаты), Монголии, Самоа, Таиланде и Японии.

8 марта 2010 г. вышел первый доклад Генерального секретаря ООН¹⁰, посвященный вопросам «human security», с анализом результатов дискуссий по аспектам и предложениями в области внедрения и распространения в рамках приоритетов ООН и резолюции ГА ООН о признании необходимости продолжения дискуссий по определению концепции. Далее состоялся второй раунд неформальных тематических дебатов и панельных дискуссий и вышел второй доклад Генерального секретаря ООН с предложением общего подхода к определению «human security», основанного на позициях государств-членов. Означеновало этот период принятие резолюции 66/290 путем консенсуса¹¹.

⁸ UNDP. Human Development Report 1994. NY, Oxford University Press, 1994. Electronic resource. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/255/hdr_1994_en_complete_nostats.pdf (accessed: 24.10.2016).

⁹ Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г. Электронный ресурс. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005_ch4.shtml#t8 (дата обращения: 24.05.2016).

¹⁰ Report of the Secretary General on Human Security. March 8, 2010. Electronic resource. URL: <http://www.un.org/humansecurity/sites/www.un.org.humansecurity/files/n1026338.pdf> (accessed: 10.07.2016).

¹¹ Резолюция Генеральной ассамблеи ООН № 66/290, 10 сентября 2012. Электронный ресурс. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/476/24/PDF/N1147624.pdf?OpenElement> (дата обращения: 21.06.2016).

5. 2013—2017 гг. — активизация неправительственных организаций (НПО) и ряда специализированных агентств ООН. В это время проблемы «human security» прочно вошли в контекст новой повестки дня ГА ООН после 2015 г. в рамках устойчивого развития. Следует отметить международную конференцию НПО, которая прошла 20—22 марта 2013 г. в Германии. В ходе форума представители гражданского общества и ключевые эксперты выдвинули 2 ключевых предложения, которые стали связующим звеном между проблематикой устойчивого развития, мира и личностной безопасности:

1) обеспечение мира и «human security» должно стать приоритетом и основным направлением работы после 2015 г.;

2) вопросы обеспечения мира и «human security» должны быть интегрированы в последующие приоритеты развития.

8 мая 2013 г. Фонд ООН по человеческой безопасности провел мероприятие высокого уровня по данной тематике. Главы агентств ООН, фондов и руководители программ вместе с ключевыми организациями гражданского общества обсудили построение концепции человеческой безопасности в рамках ООН¹².

Практическое применение концепция личностной безопасности нашла в деятельности ЦФБЧ ООН, в частности, в программах, реализованных в России, Северной Осетии (Проект по поддержке устойчивой интеграции и восстановлению в регионе Северная Осетия-Алания, 2008—2011) и Чечне (Наращивание потенциала для комплексной психологической, педагогической и медико-социальной реабилитации школьников и работников сферы образования, 2006—2009).

ЦФБЧ ООН играет важную роль в решении проблем по обеспечению безопасности человека во всех регионах мира. Фонд успешно реализует проекты в таких областях, как послевоенное восстановление общин, защита неимущих, ликвидация последствий внезапного экономического спада и стихийных бедствий и борьба с насилием в городах, с торговлей людьми, оружием и запрещенными психотропными веществами и т.п. Фонд финансирует проекты, обеспечивающие практическую реализацию концепции «human security» и приносящие конкретную и устойчивую пользу уязвимым людям и общинам, а также источники средств к существованию.

Кроме того, практическое использование концепции «human security» зачастую можно проследить на примере акций гуманитарного вмешательства [Худайкулова 2010].

МЕРЫ ООН ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ СИТУАЦИИ С ЛИЧНОСТНОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ В ЛИВАНЕ

Чтобы проиллюстрировать деятельность ООН в области обеспечения личностной безопасности, автор предлагает рассмотреть ситуацию, сложившуюся в Ливане в формате «кейс-стади» как исследовательской стратегии. Ливанская ситуация

---

¹² Human Security at the UN. Newsletter, issue 10 (winter 2013-2014). Electronic resource. URL: <https://docs.unocha.org/sites/dms/HSU/Newsletter%2010th%20Edition%20-%20Final%20version%202.pdf> (accessed: 11.07.2016).

показательна тем, что эта страна приняла около 1,2 млн зарегистрированных беженцев из Сирии и Ирака, что делает ее государством с наибольшим числом беженцев на душу населения в мире¹³.

Число сирийцев в Ливане по факту больше, чем описано в официальной статистике, так как многие из них не зарегистрированы. По данным Amnesty International¹⁴, официальные цифры свидетельствуют о том, что 33 793 сирийских беженцев ожидают регистрации. По меньшей мере от 2000 до 3000 человек, согласно оценкам, ежедневно прибывают в Ливан.

По сведениям ООН, 50 000 сирийских детей вынуждены жить в Ливане без документов. Ливан до сих пор не подписал Конвенцию о статусе беженцев 1951 г., поэтому ООН не может построить здесь лагерь для сирийцев. Беженцы проживают в принимающих общинах и в населенных пунктах. Многие сирийцы потеряли свои дома и членов семьи. Те, кто успел зарегистрироваться, получают помощь от УВКБ ООН, НПО и правительства Ливана. Сирийские беженцы оказывают давление на ливанскую систему здравоохранения и экономики, с которым Ливан не справляется.

«Между тем, за последние пять лет в стране родилось 70 000 сирийских детей, — пишут на сайте EuroNews, — и большинство из них не зарегистрированы. По свидетельствам сирийцев любые действия сопряжены для них с большими трудностями. У них нет права на работу, а для продления документов в сирийском посольстве и прохождения сложных административных процедур необходимо съездить в Бейрут»¹⁵.

В данной ситуации ООН предложила систему мер, своеобразный алгоритм действий по регистрации новорожденных детей¹⁶: сначала получить справку из родильного дома или от акушерки о факте рождения ребенка, затем на основании данной справки родители должны запросить у нотариуса свидетельство о рождении ребенка, получив свидетельство, родителям необходимо зарегистрировать ребенка в ливанском ЗАГСе, но 68% родителей не удается преодолеть этот этап.

В итоге на Ближнем Востоке появляется новый виток проблемы: здесь растет поколение без документов и гражданства. У этих детей нет ни права на образование, ни на медицинское обслуживание, ни, в будущем, права на работу, и в дальнейшем они легко могут оказаться в сетях преступных группировок, чем обеспокоено мировое сообщество.

Сирийский кризис представляет собой пример современного конфликта, в котором гражданские лица являются основными жертвами. ООН назвала ситуацию в Сирии худшим гуманитарным кризисом XXI столетия. Ливанские, иорданские

¹³ Annual Report. Lebanon 2015/2016. Electronic resource. URL: <https://www.amnesty.org/en/countries/middle-east-and-north-africa/lebanon/report-lebanon> (accessed: 10.08.2016).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Дети сирийских беженцев в Ливане растут без документов/ЕвроНьюс, 4 мая 2016. Электронный ресурс. URL: <http://ru.euronews.com/2016/05/04/the-plight-of-syrian-refugees-born-in-lebanon-and-who-could-become-stateless> (дата обращения: 10.05.2016).

¹⁶ Там же.

и турецкие возможности по приему беженцев уже перегружены, таким образом, сирийский кризис перерос в региональный и глобальный. Как пишет Центр новостей ООН¹⁷: «Сирийский кризис коренится в нарушениях прав человека, а потому и выход из него следует начинать с укрепления правозащитных механизмов, обмена узниками и обеспечения ответственности. Об этом заявил помощник Генерального секретаря по правам человека Иван Шимонович, выступая на брифинге по Сирии, организованном для делегатов 70-й сессии Генеральной ассамблеи ООН».

В данный момент беженцы составляют почти треть всего населения Ливана. Рост населения увеличил потребности в медикаментах и товарах для лечения целого ряда заболеваний, в том числе сердечных патологий, диабета, гипертонии, астмы и др. Северный город Триполи, где проживают более 70 тысяч сирийских беженцев, является обедневшим регионом, который уже давно пытается обеспечить адекватные условия жизни: рабочие места, достойное жилье и основные услуги в своем регионе. В результате приток беженцев добавил значительную нагрузку на существующую инфраструктуру и создал напряженность в отношениях между принимающими общинами и беженцами.

В связи с обостренной ситуацией в Ливане Целевой фонд ООН по безопасности человека (ЦФБЧ ООН) и несколько агентств ООН разрабатывают всеобъемлющую и комплексную программу с активным участием муниципальных органов местной власти, беженцев и принимающих общин, чтобы обеспечить необходимую защиту и механизмы расширения прав и возможностей, в том числе: доступ к образованию и занятости, улучшение общественной безопасности, инфраструктуры и жилищных условий, а также психологической поддержки для наиболее уязвимых групп населения. Программа ставит своей целью сочетание институциональной политики с мероприятиями на уровне общин, которые помогают управлять кризисом миграции таким образом, чтобы в выигрыше остались все стороны.

Программа сочетает в себе механизмы и практические инструменты в форме пошаговых инструкций для применения концепции безопасности человека в программах и проектах ООН. Суть в том, что Группа ООН по безопасности человека (ГБЧ), которая управляет ЦФБЧ ООН, работает в сотрудничестве с академическими учреждениями, региональными межправительственными организациями, неправительственными и общественными организациями, а также фондами в целях поддержки новаторских инициатив по развитию концепции безопасности человека.

Таким образом, этапы программы ООН по обеспечению безопасности беженцев в Ливане включают:

- 1) анализ ситуации (исследование текущей ситуации в стране, изучение статистических данных, выработка стратегии решения проблем, а также создание плана действий, определение зон ответственности, целей и задач);

---

¹⁷ Выход из сирийского кризиса необходимо начинать с защиты прав человека/Центр новостей ООН. 21.06.2016. Электронный ресурс. URL: <http://www.un.org/russian/news/story.asp?NewsID=26155#.V202h9KLSUl> (дата обращения: 20.09.2016).

2) реализацию плана действий (в сотрудничестве с местными уполномоченными учреждениями и общинами, неправительственными организациями и государственными органами);

3) оценку результатов внедрения плана (анализ итогов проведенных мероприятий, извлечение уроков из неудач и доработка комплексной программы)¹⁸.

Однако помощь сирийским беженцам со стороны ООН чаще всего ограничивается финансовой, гуманитарной поддержкой, а предлагаемые меры носят лишь рекомендательный характер. Ливан, который выступает принимающей стороной, не выработал механизмы инвестирования полученных средств для беженцев. Ситуация с беженцами в Ливане улучшается медленными темпами, так как в стране много своих внутренних проблем, которые беженцы лишь усугубили.

Данный пример показателен тем, что арсенал мер и рекомендаций, которыми обладает ООН, чаще всего ограничивается лишь гуманитарной помощью и уже исчерпал себя. Очевидно, что только выработка совместных стратегий действий при экономических, социальных, стихийных катаклизмах на мировой политической арене способна решить широкий спектр проблем и их последствий.

Несмотря на то что вопросам личностной безопасности только по линии ООН было уделено 22 года, на международной арене отсутствует единое прочтение «human security». Это является серьезным препятствием на пути эффективного использования концепции в международном правозащитном измерении. На данном этапе идет процесс определения концепции и представления в формате, удобном для понимания и применения мировым сообществом. Рабочая трактовка безопасности человека в рамках ООН звучит так: «Обеспечение безопасности человека — ответ на ширококомасштабные и многоплановые угрозы. Эти угрозы способны быстро распространяться как внутри стран, так и между странами и приводить к еще более трудноразрешимым кризисам, которые создают серьезные проблемы для правительств и народов. В то же время в концепции безопасности человека основной упор делается на универсальный характер и взаимозависимость совокупности свобод, которые имеют основополагающее значение для жизни людей»¹⁹.

Если обратиться к анализу частоты использования самого понятия «human security» в Докладе о развитии человека за 1994 г. и за 2015 г., то несложно посчитать, что это сочетание встречается более 40 раз и всего 14 раз соответственно²⁰. Исследование и поиски путей применения концепции личностной безопасности в парадигме ООН постепенно переходят от качественных аспектов к количественным.

---

¹⁸ Human Security in Theory and Practice. Application of the Human Security Concept and the UN Trust Fund for Human Security. Human Security Unit Office for the Coordination of Humanitarian Affairs, UN. Electronic resource. URL: http://www.un.org/humansecurity/sites/www.un.org/humansecurity/files/human_security_in_theory_and_practice_english.pdf (accessed: 10.12.2016).

¹⁹ Официальный сайт Целевого фонда ООН по безопасности человека. Электронный ресурс. URL: <http://www.un.org/humansecurity/ru> (дата обращения: 13.12.2016).

²⁰ Human Development Report 2015. Электронный ресурс. URL: http://hdr.undp.org/sites/default/files/2015_human_development_report_1.pdf (дата обращения: 14.12.2016).

***

Таким образом, пока понятие личностной безопасности не приобретет нормативную оформленность и академическое сообщество разных стран не придет к консенсусу по поводу определения и компонентного состава концепции «human security», политикам сложно будет обосновать ее использование и применение на практике. На сегодня автор видит первоочередной задачей выработку хотя бы рабочего определения личностной безопасности.

Автор предлагает рассматривать феномен личностной безопасности комплексно: как новый ответ масштабным угрозам, с целью отражения которых государства — участники ООН должны объединиться, а также как инструмент позиционирования и манипуляций государств на международной арене. С одной стороны, сама концепция личностной безопасности отражает многогранность конфигураций безопасности, с другой — активизирует деятельность различных государственных институтов, неправительственных и международных организаций на национальном, глобальном и региональном уровнях.

Ввиду глобализации и роста нового поколения вызовов и угроз современности, общепринятая концепция личностной безопасности может обеспечить единое взаимопонимание между государствами — членами ООН, а также стать основным документом для дальнейшей выработки универсальных норм по обеспечению прав и свобод личности на международной арене. Не исключено, что в таких условиях концепцию можно рассматривать как аналитический инструмент для государств, используемый при проработке внешнеполитических стратегий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Балуев Д.Г.* Личностная и государственная безопасность: современное международно-политическое измерение. Нижний Новгород; 2004.
- Кора Н.А.* Генезис исследования проблемы личностной безопасности. 2012. URL: http://teoriapRACTICA.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/4/psix%D0%BE1%D0%BEgy%D0%B0/kora.pdf (дата обращения: 24.10.2016).
- Кузнецов А.М.* Безопасность человека // Ойкумена. 2011. № 2. С. 52—62.
- Летняя школа по человеческому развитию 2010* // Материалы. URL: http://www.humandevlopment.uz/ru/courses/detail.php?COURSE_ID=5&LESSON_ID=83 (дата обращения: 29.11.2016).
- Худайкулова А.В.* Human Security в политическом дискурсе и международной практике // Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики. Москва: Издательство МГУ; 2010.
- Цыганков П.А.* Безопасность: кооперативная или корпоративная: Критический анализ международно-политической концепции // Полис. 2000. № 3. С. 128—139.
- Acharaya A.* Human Security. Chapter 28. 2007. URL: <http://www.amitavacharya.com/sites/default/files/Human%20Security.pdf> (accessed: 13.01.2017).
- Acharaya A.* Human Security: East versus West // International Journal. 2001. Vol. 56. N 3. P. 442—460.
- Bokeriya S.* The UN and Peacebuilding Process: Prospects for Development // European Scientific Journal. Special Edition. 2013. Vol. 2. P. 190—194.
- D'Aoust.* Bibliography. URL: http://www.ieim.uqam.ca/spip.php?page=auteur-oePd&id_auteur=369&lang=fr (accesses: 21.11.2016).
- King G., Ch. J.L. Murray.* Rethinking Human Security // Political Science Quarterly. 2002. N 116. P. 585—610.

- Paris R., Thomas K. Human Security: Paradigm Shift or Hot Air? // *International Security*. 2001. Vol. 26. N 2. P. 87—102.
- Samari G. The Response to Syrian Refugee Women's Health Needs in Lebanon, Turkey and Jordan and Recommendations for Improved Practice. 2015. URL: <http://www.humanityinaction.org/knowledgebase/583-the-response-to-syrian-refugee-women-s-health-needs-in-lebanon-turkey-and-jordan-and-recommendations-for-improved-practice> (accessed: 12.01.2016).
- Suhrke A. Human security and the Interest of States // *Security Dialogue* 30. 1999. N 3. P. 265—276. URL: https://www.researchgate.net/publication/249687695_Human_Security_and_the_Interests_of_States (accessed: 17.11.2016).

Дата поступления статьи: 03.03.2017

Для цитирования: Бокерия С.А. Концепция личностной безопасности в практике ООН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 312—324.

Сведения об авторе: Бокерия Светлана Александровна — канд. юр. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: bokeria_sa@rudn.university).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-312-324

HUMAN SECURITY CONCEPT IN THE UN PRACTICE

S.A. Bokeriya

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. This article is devoted to the theme, scientific actuality and practical relevance of which is not in doubt, and is caused by a new wave of interest in human security. The human security concept has been the subject of active discussions on national and international security forums for the past 10 years.

This article is focused on the human security concept evolution in the framework of the UN in conditions of the growing challenges and threats as well as polycentric world and international relations transformation. The author turned to the analysis of human security issues in the UN human rights dimension, as this organization performs a key role in the application and implementation of the concept on a global scale. The detailed periodization of human security development within the UN is presented for the first time. The analysis of the situation with Syrian refugees in Lebanon is carried out in the format of a case study. Author has made an attempt to undertake not a comprehensive analysis of the concept within the UN, but re-evaluation of new trends and dominant problems in practical application of human security idea and its impact on the effectiveness of international organizations.

Key words: human security, the United Nations, international relations, civil society, government, risks, threats and challenges, Syrian refugees, Lebanon

REFERENCES

- Acharaya, A. (2007). *Human Security*. URL: <http://www.amitavacharya.com/sites/default/files/Human%20Security.pdf> (accessed: 13.01.2017).
- Acharaya, A. (2001). Human Security: East versus West. *International Journal*, 3 (56), 442—460.

- Baluev, D. G. (2004). *Personal and state security: a modern international political dimension*. Nizhny Novgorod. (In Russ.).
- Bokeriya, S. (2013). The UN and Peacebuilding Process: Prospects for Development, *European Scientific Journal*. Special Edition, 2, 190—194.
- Cygankov, P. A. (2000). Security: cooperative or corporate: A critical analysis of the international and political concept. *Polis*, 3, 128—139. (In Russ.).
- D'Aoust (2009). Bibliography. URL: http://www.icim.uqam.ca/spip.php?page=auteur-oeprd&id_auteur=369&lang=fr (accessed: 21.11.2016).
- Hudajkulova, A. V. (2010). Human Security in Political Discourse and International Practice. *Human Security in International Politics Context: Theory and Practice*. Moscow: MSU. (In Russ.).
- King, G., & Murray, Ch. J. L. (2002). Rethinking Human Security. *Political Science Quarterly*, 116, 585—610.
- Kora, N. A. (2012). *Genesis of the Human Security Problem Research*. URL: http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2012/4/psix%D0%BE1%D0%BEGiy%D0%B0/kora.pdf (accessed: 24.10.2016). (In Russ.).
- Kuznecov, A. M. (2011). Human Security. *Ojkumena*, 2, 52—62. (In Russ.).
- Paris, R., & Thomas, K. (2001). Human Security: Paradigm Shift or Hot Air? *International Security*, 26 (2), 87—102.
- Samari, G. (2015). *The Response to Syrian Refugee Women's Health Needs in Lebanon, Turkey and Jordan and Recommendations for Improved Practice*. URL: <http://www.humanityinaction.org/knowledgebase/583-the-response-to-syrian-refugee-women-s-health-needs-in-lebanon-turkey-and-jordan-and-recommendations-for-improved-practice> (accessed: 12.01.2016).
- Suhrke, A. (1999). Human security and the Interest of States. *Security Dialogue*, 30 (3), 265—276. URL: https://www.researchgate.net/publication/249687695_Human_Security_and_the_Interests_of_States (accessed: 17.11.2016).
- Summer School on Human Development 2010. URL: http://www.humandevlopment.uz/ru/courses/detail.php?COURSE_ID=5&LESSON_ID=83 (accessed: 29.11.2016). (In Russ.).

Received: 03.03.2017

For citations: Bokeriya, S.A. (2017). Human Security Concept in the UN Practice. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17(2), 312—324.

About the author: Bokeriya Svetlana Alexandrovna — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: bokeria_sa@rudn.university).

© Бокерия С.А., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-325-338

ЖУРНАЛ «GEOPOLITICA» И СТАНОВЛЕНИЕ ИТАЛЬЯНСКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

М.А. Шепелев

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

В статье рассматриваются истоки, методологические особенности и процесс институционализации итальянской геополитической школы, место и роль в этом процессе журнала «Geopolitica». Анализируются особенности итальянского геополитического мировосприятия и геостратегические приоритеты, сформулированные представителями итальянской геополитической школы в период ее становления в 20—40-е гг. XX в. (Средиземноморье — *Mare nostrum*, Евроафрика). Показано, что ее специфика проистекала из уникального исторического опыта и культурной идентичности Италии как наследницы величия Римской империи и ядра мирового католицизма, а также из особенностей ее геополитического положения в качестве центра Средиземноморского мира. Представители итальянской школы (Р. Альмаджа, Л. де Марчи, Э. Масси, Дж. Ролетто, А. Тоньолю и др.) стремились, при определенной идеологической ангажированности, выразить и защитить эту уникальность, положить ее в основу выработки национальной геостратегии, отвечавшей вызовам эпохи. Поставленные ими проблемы носили во многих случаях фундаментальный характер и продолжают находиться в центре внимания теоретиков и практиков геополитики в современной Италии.

Ключевые слова: геополитика, политическая география, итальянская геополитическая школа, журнал «Geopolitica», «большое пространство», Средиземноморье — *Mare nostrum*, Евроафрика

Становление и развитие геополитического знания традиционно связывается с интеллектуальным творчеством представителей германской, англосаксонской, российской и французской геополитических школ, оставляя на периферии внимания исследователей геополитический дискурс в ряде других европейских стран, довольно активно развивавшийся с начала XX в., в условиях кризиса предыдущей «фазы подъема» глобализации, названной В.И. Лениным империализмом. В первую очередь речь идет об Италии, которая с начала 20-х гг. XX в. взяла курс на построение автаркичного государства и воссоздание под своей эгидой «большого пространства» в Средиземноморье. Актуальность изучения этой темы связана с тем, что в настоящее время мир и Европа входят в новый кризис глобализации, открывающий ее очередную «понижательную» фазу, в связи с чем можно ожидать обращения к новым проектам регионализации и регионального лидерства, а именно такого рода идеи и проекты выдвигались в 20—40-е гг. XX в. итальянскими геополитиками, в особенности группировавшимися вокруг журнала «Geopolitica».

Итальянские ученые, разумеется, проявляют достаточно заметный интерес к изучению проектов итальянских геополитиков (можно назвать работы А. Винчи [Vinci 1990], М. Лозано [Losano 2011], П. Лоро [Lorot 1997], Л. Романьоли [Romagnoli 2002], М. Синибальди [Sinibaldi 2010]), однако для российского научного

сообщества итальянская геополитическая школа, особенно первой половины XX в., остается малоизвестной. Поэтому цель данной статьи — раскрыть особенности становления итальянской геополитической школы и показать место и роль в этом процессе журнала «Geopolitica». Практическое значение данной статьи определяется тем, что она способствует совершенствованию представлений об особенностях геополитического мировосприятия итальянцев, на формирование которого национальная геополитическая школа оказала существенное влияние.

ИСТОКИ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И ПРОЦЕСС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ИТАЛЬЯНСКОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Источником становления итальянской геополитической школы явилось интеллектуальное влияние ирредентизма эпохи Рисорджименто. Стремление к завершению объединения страны, возвращению последних, оставшихся не воссоединенными, земель было одним из важнейших факторов политической жизни Италии последней трети XIX — начала XX в. Оно нашло отражение как в общественных настроениях, так и в политических движениях и публицистической литературе (Габриэле д'Аннунцио, Энрико Коррадини и др.). Особое значение для становления итальянской геополитики имел миф о «Средиземноморском Рисорджименто», призванный обеспечить своего рода преемственность между идеей «средиземноморской судьбы» Савойской династии и имперской миссией «Третьего Рима». Провозглашенная Бенито Муссолини третья эпоха в истории Рима (после Рима античного и папского), которую до него возвещали Джузеппе Мадзини и Виченцо Джоберти, должна была означать появление «новой цивилизации». Собственно, итальянская геополитика в ее классический период (20—40-е гг. XX в.) как раз и воплощала в себе универсалистское сознание имперской миссии Италии.

В методологическом же аспекте становление итальянской геополитики соотносится с формированием современной национальной школы географической науки. Ее основы заложил Джузеппе далла Ведова (1834—1919), автор книг «О происхождении и развитии физической географии» (1868 г.) и «География в наши дни» (1873 г.). Он известен также тем, что на высказывание австрийского канцлера К. Меттерниха, назвавшего Италию «просто географическим выражением», ответил, что «географическое выражение представляет собой своего рода организм, а организмы имеют собственный разум и право собственного существования». Позднее, в 1918 г., Дж. далла Ведова выразил сущность итальянского взгляда на политическую и экономическую географию в понятии «утилитарная география», означавшем в его понимании ориентацию на благосостояние личности и общества. Это представление о географии как утилитарной науке получило развитие у Джорджо Ролетто (1885—1967) [Roletto 1929].

В 1923 г. один из ведущих итальянских географов, профессор Римского университета Роберто Альмаджа (1884—1962) обосновал необходимость включить в политическую географию «динамический» аспект, так как он считал эту дисциплину слишком «статичной» (т.е. описательной). В его понимании, если статическая политическая география изучает размер, расположение, форму и структуру

государства, то динамическая политическая география призвана проанализировать государство как «человека, который рождается, растет, стареет и гибнет под воздействием некоторых, в значительной степени связанных с географией, условий» [Almagià 1923: 755]. И хотя такой подход воспроизводил теорию Фридриха Ратцеля о государстве как биологическом организме, Р. Альмаджа критиковал Ратцеля за чрезмерное увлечение географическим и экологическим детерминизмом.

С тех пор термин «динамическая политическая география» стал широко использоваться среди итальянских географов, некоторое время избегавших употреблять понятие «геополитика» в стремлении дифференцировать себя от своих немецких коллег, склонных будто бы к игнорированию морфологических, гидрологических и климатологических основ политической географии. В отличие от германской *Geopolitik*, итальянская политическая география стремилась сохранить статус географической науки, утверждая неотделимость «статической» части дисциплины от «динамической».

С начала 1930-х гг. итальянские географы стали признавать сходство их «динамической политической географии» с *Geopolitik* в ее германской интерпретации [Roletto & Massi 1931: 23]. Тогда же Эрнесто Масси (1909—1997) заявил, что геополитические исследования должны восприниматься более серьезно в качестве области научного знания, а также подчеркнул пользу для итальянской географической науки восприятия географической и геополитической методологии уже сложившихся европейских национальных школ [Massi 1931]. Такой подход способствовал как активному изучению и рецепции германского и французского методологических подходов, так и разработке собственного, итальянского подхода, отличавшегося от них.

Профессор университета Падуи Луиджи де Марчи (1857—1936), автор первой итальянской книги по политической географии, воспроизводя метафору Ратцеля о государстве как биологическом организме, рассматривает законы пространственного роста государства, как и в целом «законы» политической географии, скорее, как тенденции [Marchi 1929: 11]. Р. Альмаджа также, рассматривая органический рост государства, предпочитает термин «тенденции», а не «законы», стремясь дистанцироваться от Ратцеля и показать, что окружающая среда не имеет абсолютной власти над обществом [Almagià 1936: 202]. Кроме того, характерное для итальянской политической географии признание политической воли в качестве «определяющего фактора в антропогеографической области» связано также с манифестируемой фашизмом идеей волюнтаризма — способности человека преодолевать любые естественные препятствия.

Институционализации геополитики в Италии способствовали открытие кафедр политической и экономической географии на факультетах политических наук ведущих итальянских университетов, а также учреждение ряда исследовательских центров. Еще в 1906 г. был основан Итальянский колониальный институт. В 1928 г. он стал именоваться «Фашистский колониальный институт» (ICF), в середине 1930-х гг. его «культурным директором» становится Эрнесто Масси. В 1937 г. ICF был переименован в Фашистский институт итальянской Африки (IFAI), затем в 1947 г. реорганизован в Итальянский институт Африки (ИА), который в 1971—

1995 г. именовался «Итало-африканский институт» (Istituto italo-africano). Эта последовательность смены названий демонстрирует институциональную преемственность: в сущности, одно и то же научное учреждение обеспечивает итальянскую внешнюю политику более столетия.

Также в 1933 г. усилиями Джованни Джентиле был создан Итальянский институт Ближнего и Дальнего Востока (IsMEO, ныне объединившийся с ПА в Итальянский институт Африки и Востока). В 1934 г. был основан Институт исследований международной политики (ISPI), а в 1935 г. — Институт истории итальянского Рисорджименто (ISRI). Но особое значение имело издание в 1939—1942 гг. журнала «Geopolitica», имевшего подзаголовки «Ежемесячный обзор политической, экономической, социальной географии». Издатели журнала намеревались «утвердить самостоятельное географическое национальное мышление, указать пути и причины итальянского империализма». В вышедшем в январе 1939 г. первом номере издания было опубликовано приветствие главы германской геополитической школы генерала Карла Хаусхофера. Но, несмотря на довольно тесные личные связи с Хаусхофером и другими германскими коллегами, итальянские геополитики уделяли заметное внимание теоретическому обоснованию различий «латинского» и «германского» геополитического мировосприятия.

Во главе проекта журнала «Geopolitica» стояли Дж. Ролетто, профессор экономической географии в университете Триеста, и его ученик Эрнесто Масси, в то время преподававший политическую и экономическую географию в Католическом университете Святого сердца в Милане и университете Павии. Последний, в отличие от своего учителя, знал немецкий язык и поддерживал дружеские личные отношения с К. Хаусхофером. Большую роль в выходе журнала в свет сыграли ректор Католического университета Святого сердца отец Агостино Джемелли и министр национального образования Италии в 1936—1943 гг. Джузеппе Боттаи. Считается, что Э. Масси, находившийся в сложных отношениях с официальной географической наукой и пытавшийся подражать Хаусхоферу в популяризации геополитики в итальянском обществе, стремился, с одной стороны, создать собственное исследовательское пространство, а с другой — выйти за рамки академической аудитории. Он обратился за содействием к отцу А. Джемелли, который и представил его министру Дж. Боттаи, а тот предложил ему начать издавать журнал совместно с Дж. Ролетто, наставником Масси, и обеспечил новое издание государственным финансированием и достаточно широким кругом подписчиков.

Журнал «Geopolitica» издавался ежемесячно объемом 60—70 страниц с января 1939 г. по декабрь 1942 г., причем до апреля 1941 г. его можно было найти не только в библиотеках, но и в газетных киосках. Тираж издания достигал 1 тыс. экземпляров. Главная редакция находилась в Триесте, где работал Дж. Ролетто и его помощники, два дополнительных офиса были открыты в Милане и Риме под руководством соответственно Э. Масси и Уго Морикини. Коллектив журнала и поддерживавший его министр активно способствовали формированию профильного исследовательского сообщества. Так, 15—16 декабря 1939 г. в Павии состоялся I Международный междууниверситетский конвент по геополитике.

Издание привлекло значительный интерес молодых ученых, среди авторов журнала был даже будущий премьер-министр послевоенной Италии Аминторе Фанфани. Сотрудничавшие с журналом географы возглавляли важные кафедры в итальянских университетах в течение всего послевоенного периода (У. Тоски, А. Тоньоло, Дж. Карачи, Дж. Нагерони, Дж. Мерлини, М. Ортолани, Э. Бонетти). Стремясь подчеркнуть отличие итальянской школы от германской и французской, они видели ее сущность в «антидетерминизме» и обращали внимание на то, что германские ученые создавали геополитическое знание на основе географического «детерминизма», а французские — на основе «поссибилизма». Для одних было характерно преувеличение доминирующей роли природы над человеком, для других — чрезмерная склонность к отстаиванию исключительно национальных интересов, заключавшихся, прежде всего, в сохранении установленного в Версале статус-кво. Вместо этого, по мнению итальянских ученых, они должны были бы объединиться в новую науку с добавлением третьего элемента: «географического гуманизма». Это понятие предполагало акцентирование на духовно-культурных факторах, характерных для традиции итальянского гуманизма, от Данте и Петрарки до Никколо Макиавелли и Джованни Ботеро, и в особенности Джамбаттиста Вико. Эти традиции нашли воплощение в философских и политико-экономических учениях отцов Рисорджименто: Джандоменико Романьози, Чезаре Бальбо, Винченцо Джоберти, Джузеппе Мадзини, Карло Каттанео, Джакомо Дурандо, Чезаре Корренти, Мельхиорре Джиойя, Карло Пизакане. Также «Geopolitica» обратился к величественному наследию Римской империи, превознося его как отличный пример геополитического праксиса. В той исторической ситуации соединение практической геополитики с традицией формальной геополитики, воплощенной вышеупомянутыми «предшественниками», должно было продемонстрировать превосходство итальянской геополитики над германской. На страницах «Geopolitica» У. Морикини впервые представил обзор истории итальянской геополитической мысли и геостратегии со времен Юлия Цезаря до Муссолини.

В первом номере «Geopolitica» его редакция четко заявила, что она ставит своей целью стать «географическим, политическим и имперским сознанием» государства и выступает за развитие «авторитарной» геополитической мысли, эксклюзивно укорененной в итальянской интеллектуальной традиции, независимой от других геополитических школ. В целом, согласно Э. Масси, «итальянская геополитика — это наука о жизненных пространствах, склонных к оптимальным областям, в которых окружающая среда, исторические традиции, потребности жизни настоящих и будущих поколений находятся в согласии с общим благом» [Massi 1992: 136]. Правда, активно используемое итальянскими геополитиками понятие «жизненное пространство» наполнялось в их работах скорее экономическим, нежели расово-демографическим содержанием, что может быть объяснено дифференцированным этнический составом средиземноморского региона, который рассматривался в качестве итальянского «жизненного пространства». Обсуждая понятие европейского жизненного пространства, идея формирования которого должна была привести к созданию Европейского таможенного и валютного союза, авторы журнала «Geopolitica» пытались расширить границы этого пространства

за пределы Европы, включив в него все Средиземноморье, Ближний Восток и Африку. Основание такого стремления было связано с намерением сместить центр тяжести европейского жизненного пространства от Германии ближе к Италии.

В 1941 г. образовавшаяся под эгидой Национального географического комитета группа ученых, включавшая Дж. Ролетто, Антонио Ренато Тониоло (1881—1955), Умберто Тоски (1897—1966) и Вито Кармело Коламониго (1882—1973), задалась целью установления единого определения геополитики. Оно было сформулировано следующим образом: «Геополитика — это доктрина, которая изучает политические явления с точки зрения их пространственного распределения и экологических отношений, их истоки и развитие. Геополитика, таким образом, отождествляет себя с политической географией».

ОСОБЕННОСТИ ИТАЛЬЯНСКОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО МИРОВОСПРИЯТИЯ

В 1924 г., всего через два года после прихода к власти, Б. Муссолини совершил символический визит в Итальянское географическое общество. Как бывший школьный учитель географии, дуче считал, что «география — это неизменный элемент, определяющий судьбы народов» [Mussolini 1935: 39]. Эти слова, произнесенные 18 марта 1934 г., спустя 10 лет после упомянутого визита, на протяжении многих лет воспроизводились итальянскими геополитиками. Очевидной для Муссолини была и прямая связь географии и внешней политики: «Внешняя политика — это глобальная и сложная проекция нации в мире». В понимании дуче внешняя политика формируется под влиянием определенных географических, исторических и экономических факторов.

Условия, в которых оказалась Италия после Первой мировой войны, несмотря на то, что она входила в число стран-победительниц, рассматривались в итальянском обществе как несправедливые, неблагоприятные и сдерживающие развитие страны. Поэтому итальянские геополитики выступали против закрепленного Версальским мирным договором мироустройства с его институтами, такими как Лига Наций, поскольку это мироустройство отстаивало интересы лишь «богатых наций» и дискриминировало «пролетарские нации», такие как Италия. По словам Э. Масси, «вся послевоенная политика Великих демократий состоит в том, чтобы закрепить свое господство, предотвратить любое нарушение равновесия и помешать любому перемещению границ» [Massi 1939: 18] во имя достигнутого после Первой мировой войны и закрепленного Версальским договором статус-кво. С позиций итальянского национализма и ирредентизма они говорили об «изувеченной Победе» («Vittoria mutilata»), итоги которой лишили Италию плодов этой победы, не обеспечив в условиях раздела Австро-Венгрии реализации итальянских притязаний на исторически связанные с ней северо-восточные территории — Далмацию, острова Курцола (Корчула), Лисса (Вис) и Брацца (Брач), город Фиуме (Риека) с Либурнией и два крупных острова Велья (Крк) и Арбе (Раб). И это при том, что Далмация была обещана Италии за участие в войне на стороне Антанты.

В межвоенный период Италия воспринималась как заключенная западными державами в средиземноморскую «тюрьму»: «Решетки этой тюрьмы — Корсика,

Тунис, Мальта и Кипр, а ее стражи — Гибралтар и Суэц». В связи с этим главная задача Италии виделась в том, чтобы превратиться из «заклученного» в доминанту Средиземноморья, вытеснив из него Англию. С точки зрения итальянских геополитиков, Италия должна проецироваться в *Mare nostrum* на уровнях культурного, экономического и политического влияния, направленного против Франции, но особенно против «нового Карфагена» — Англии. Этим объясняется и значительное внимание, уделяемое выстраиванию дружеских отношений с Испанией, Турцией и арабским миром в рамках грандиозного проекта Евроафрики (*Eurafrica*) — итальянской версии «доктрины Монро». Проект Евроафрики впервые был выдвинут в 1930 г. колониальным географом Паоло д'Агостино Орсини [D'Agostino 1926, 1934], а в 1937 г. получил развитие в работе Дж. Ролетто «Тенденции континентальной геополитики и ось Евроафрики» [Roletto 1937]. Этот проект меридиональной интеграции предполагал, в том числе, строительство железнодорожной трансафриканской магистрали от Триполи до Кейптауна, призванной ограничить значение подконтрольного Англии Суэцкого канала. В октябре 1940 г., после объявления войны против Англии и Франции, журнал «*Geopolitica*» вновь актуализировал идею Евроафрики как большого пространства под эгидой Италии.

Наряду с Евроафрикой итальянские геополитики выделяли обычно еще два больших пространства, экономически обусловленных: панамериканский блок и блок иены, или Великой Азии. Отличаясь друг от друга в различных аспектах, все три пространства имеют схожую цель — сформировать огромный рынок без национальных барьеров, в рамках которого может быть обеспечена максимальная эффективность в деле достижения автаркии. По мнению Э. Бономи, чем больше дополняют друг друга экономики таких стран и территорий, т.е. их природные, промышленные и человеческие ресурсы, тем более рациональным в экономическом смысле является конструируемый блок. В связи с этим он выделяет следующие элементы, необходимые для создания большого экономического пространства: «1) множественность и дифференциация сельскохозяйственных культур; 2) разнообразие и обилие основного сырья; 3) сильное развитие промышленности во всех отраслях производства; 4) средства коммуникации; 5) демографический потенциал, имеющий двойное назначение, направленное на обеспечение производства и потребления; 6) авторитет и организационные способности государственного руководства» [Bonomi 1942: 10]. Э. Бономи подчеркивал решающее значение последнего элемента, так как «строительство экономического блока не может происходить без подавления партикулярных интересов — и политических, и экономических, — которые в любом случае сильны и многочисленны и препятствуют свободной игре вышеуказанных элементов». Этим обусловлена необходимость иметь в создаваемом новом экономическом организме сильную политическую надстройку.

Для всех трех больших пространств характерно то, что они формируются вокруг собственного «средиземноморья». По мнению Дж. Ролетто, в «американском средиземноморье» США ведут себя так же, как Англия в европейском и Япония в азиатском, стремясь к созданию и укреплению своих стратегических баз. Он прогнозировал успех США и Японии в своих больших пространствах и поражение Англии в Европе — в пользу Италии.

Как известно, стремясь обеспечить победу Италии в борьбе с Англией, Муссолини выдвинул лозунг: «Средиземное море для средиземноморских народов». Этот тезис активно поддерживался итальянскими геополитиками. По словам Паоло д'Агостино Орсини, «германские, славянские и скандинавские народы могут воссоединяться, как они хотят; но они должны держаться подальше от Средиземного моря». В стремлении к независимости и автаркии авторы «Geopolitica» доказывали существование автохтонной «романской расы», но это понятие не строилось, как в Германии, на идеях «крови» и «чистоты», а базировалось на психологических и духовных характеристиках: нет единства в крови, но есть единство имперского духа. По словам Дж. Джулиани и К. Ломбарди-Диоп, «как в либеральную эпоху, так и во времена фашизма понятие «белый» не означало фенотип, но превращало в «цвет» представление о гражданстве, культурном и/или историческом наследии и точном положении класса, географическом и вообще» [Giuliani, Lombardi-Diop 2013: 42].

Некоторые геополитики (как, например, Луиджи Виллари или Этторе ди Дзуани) рассчитывали не только на успех Италии в борьбе с Англией, но и на возможности подъема борьбы против английского колониализма в Латинской Америке — от Мальдив до Британского Гондураса. А Роберто Канталупо даже считал возможным крах панамериканского проекта, полагая, что война окончательно противопоставила две Америки — Латинскую, «католическую и гуманистическую», и Северную, «протестантскую и англиканскую, прогрессивную и радикальную, финансовую и масонскую» [Cantalupo 1941]. Расчет делался, в частности, на стремление Латинской Америки избежать абсолютной гегемонии США, что будто бы заставит эти страны обороняться от этой гегемонии посредством регионализма. Правда, многие не верили в такую возможность. Сильвио Поццани, например, доказывал, что превосходящая остальные страны финансовая мощь США способна преодолеть недостаток взаимодополняемости между экономиками двух Америк, а идеологическая война против латиноамериканского авторитаризма обеспечит успех панамериканской пропаганды. Также он ожидал, что проекты латиноамериканского регионализма столкнутся с неизбежными трудностями из-за слабого патриотизма креолов, пограничных споров, слабости экономик и торговой конкуренции. Единственную надежду на провал панамериканизма он связывал с возможностью того, что в случае вступления США в войну Аргентина выступит на противоположной стороне (подобно Болгарии в Европе). Как известно, все эти расчеты не оправдались.

ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

Проявляя интерес к процессам, происходящим в разных регионах мира, итальянские геополитики, прежде всего, рассчитывали все же получить возможность оказывать влияние на итальянскую внешнюю политику в зонах непосредственных геополитических интересов Италии, к которым относили северо-восточную Африку, оба берега Адриатики с Далмацией и Албанией, Мальту, Корсику, Ниццу, Савойю и швейцарский кантон Тичино, где жили многочисленные итальянские

соотечественники. Считалось необходимым не допустить абсолютного контроля над Средиземным морем и северо-восточной Африкой со стороны Великобритании и Франции. Более того, итальянские геополитики рассматривали в качестве необходимого условия предотвращения возможной военной и экономической блокады Италии установление ее контроля над Суэцким каналом и Гибралтарским проливом, тогда находившимися в руках Британии. Это определялось экономическими интересами Италии, так как в 1938 г. 75% всего итальянского импорта и 98% импортной нефти транспортировалось на полуостров через Гибралтар и Суэц. Однако в этих расчетах не учитывалась слабость итальянской морской силы, осознававшаяся тогда лишь некоторыми итальянскими морскими стратегами, поддерживавшими из-за этого курс на союз с Англией, а не с Германией.

Между тем итальянские геополитики, прежде всего, стремились вернуть контроль Италии над *Terra irredenta* и северо-восточной Африкой. В русле идеалов *Risordjimento Terra irredenta* рассматривалась как неотъемлемая часть итальянского полуострова, а также как средство доминирования в Средиземном море (*Mare nostrum*), т.е. на Корсике, Мальте, в Далмации, Ницце и Савоие. В 20—40-е гг. XX в. в рамках курса политической и экономической географии в университете Боччони в Милане Луиджи Филиппо де Маджистрис подчеркивал тесную связь Италии и Средиземноморья, в основном в силу логики границ, географии и присутствия итальянских соотечественников, численность которых достигала 50% от общей численности населения, во всех землях, соседних с *Mare nostrum*. Последнее он рассматривал как основание для доминирования Италии в бассейне Средиземного моря. Если для Британии оно является лишь коммуникационной артерией, то для Италии — это жизненное пространство.

В 1940 г. Э. Масси на страницах «*Geopolitica*» отмечал, что «если мировая перестройка должна основываться на организации больших земных пространств, то задачей Италии является председательствовать при организации средиземноморского пространства» [Massi 1940: 331]. В силу своего могущества, богатства своих традиций, их всемирного значения итальянский народ призван реализовать свою миссию восстановления и упорядочения в этом море и в этом регионе, который является его жизненным пространством. Для этого, прежде всего, следует избавиться от иностранного (английского) присутствия в регионе. Тогда порты Средиземного моря, открытые для транзита, освободившись от бремени внешнего управления, будут заинтересованы в достижении политической солидарности между средиземноморскими народами, основанной на общих интересах свободной торговли и безопасности. Заинтересованность в этом будет, по мнению Масси, только усиливаться по мере развития процессов формирования больших пространств вокруг Германии и России.

Один из сотрудников «*Geopolitica*» Ливио Керси отмечал, что Средиземное море со времен Древнего Рима и далее, за исключением периода исламской экспансии, всегда было подконтрольным Италии [Chersi 1940: 214]. Поэтому после того, как в 1936 г. Муссолини провозгласил восстановление империи, Италия должна стать государством, реализующим свои интересы на уровне Средизем-

ного моря и Европы в целом. В 1940 г. доцент Болонского университета Антонио Тоньооло, также напоминая об исторической реальности имперского господства Рима в Средиземноморье, призывал Италию и Испанию активно сотрудничать в достижении полного контроля над всей областью Средиземного моря, чтобы две страны смогли положить конец тягостному британскому присутствию в Средиземноморском бассейне [Tonioolo 1940].

Обращение к теме римской традиции, оказывавшей гармоничное воздействие на Средиземноморский мир, подчеркивало отличия итальянского колониализма от колониализма западных демократий, основанного на «экономике грабежа». Вообще для итальянской геополитики характерным было культивирование идеи «теплых отношений» со всеми прибрежными странами, от Испании до Греции и от Турции до Египта, на антибританской основе, что было также призвано создать условия для принятия ими итальянского доминирования в Средиземноморье. В ноябре 1942 г. еще один геополитик Лодовико Маджулиани опубликовал на страницах журнала статью, в которой проанализировал отношения между *Mare nostrum*, Африкой и Евразийским континентом. В этом контексте Италия должна играть роль моста, соединяющего две континентальные реальности, и стать центром нового геополитического блока [Magugliani 1942].

По мнению итальянских геополитиков, никакое другое «средиземное море» в большей мере, чем *Mare nostrum*, не воплощает форму абсолютного физического, биологического, экономического и гуманитарного единства. Центральное расположение Италии по отношению к нему рассматривалось в качестве ключевого фактора, определяющего ведущую роль страны в образуемом этим морем регионе. Правда, Э. Масси утверждал, что единство средиземноморского региона не было основано на географических особенностях, но главным образом на человеческой воле, поэтому это единство носит геополитический, а не географический характер. Придерживаясь более близкой к германской школе точки зрения, Дж. Ролетто полагал, что «для того, чтобы быть единым, Средиземное море всегда вращалось вокруг оси централизации, роль которой была более эффективной тогда, когда она соответствовала географическому центру бассейна». Это центральное географическое положение Италии позволяет ей поддерживать гармоничный баланс между Востоком и Западом Средиземноморья.

Ряд геополитиков обосновывали необходимость установления итальянского господства в Албании, находящейся всего в 75 км от побережья итальянского региона Апулия. Так, по мнению Ренаты Песс, в этом случае будет гарантировано увеличение итальянского экспорта в Грецию, Югославию и, предположительно, в направлении Болгарии и Румынии. Контроль над Албанией позволит «сдерживать греческое давление», укрепить позиции Италии в Адриатике и в целом в восточной части Средиземного моря. В дополнение с ориентацией на Венгрию, сдерживающую Румынию, и Болгарию, выполняющую аналогичную роль в отношении Югославии, Песс выходит на идею «треугольника» Албания — Болгария — Венгрия, отвечающего интересам Италии и противостоящего «неопределенности и колебаниям на Балканском полуострове» [Pess 1940].

Особый интерес итальянские геополитики проявляли к Далмации, ранее входившей в состав венецианских владений. Связанная с политической точки зрения с Югославией, Далмация отделена от центра этого созданного Версальским договором государства Динарским плато, но при этом связана с Италией в рамках культурной традиции и исторически сложившихся коммуникаций. Как заявлял Густаво Карелли, исторически Далмация играла роль бастиона латинской цивилизации и западного христианства перед различными угрозами с Востока [Carelli 1941]. Лишь с аннексией Далмации Австро-Венгрией и затем — с включением в состав Югославии она утратила историческую роль «центра итальянскости» (*centro d'italianità*), и эта ситуация должна быть преодолена в рамках нового имперского проекта «Третий Рим» (первый Рим — Римская империя, второй Рим — Священная Римская империя). В целом контроль над побережьем Адриатики и Западными Балканами рассматривался итальянскими геополитиками как первый этап в процессе установления господства Италии в Средиземноморье.

Итальянские геополитики также активно выступали с осуждением британского империализма в Палестине, поддерживали политику выстраивания дружеских отношений с арабским Ближним Востоком и стремились представить Италию как освободительную силу Mashriq. Важную роль в этом направлении сыграл Институт ближневосточных исследований (IsMEO), также издавался журнал «Арабская нация», организовывались радиопередачи на арабском языке, проводились студенческие конференции по азиатским исследованиям. Однако катастрофа под Эль-Аламейном 1942 г. уничтожила последние шансы на реализацию имперских амбиций Италии в Африке.

СУМЕРКИ ИТАЛЬЯНСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

Между тем еще в 1941 г. между Э. Масси и Дж. Ролетто возникли определенные разногласия: если Ролетто настаивал на тесной связи с немецкой геополитикой, то Масси вместо этого занялся разработкой альтернативного подхода, который в большей мере опирался на духовные, а не на материальные факторы геополитики. Совместно с Марио Моранди, заменившим Ролетто во главе журнала в 1941 г., Масси попытался выдвинуть новую версию геополитики, свободную от экологического детерминизма и утверждающую динамическую активность человека. Эти идеи были созвучными выдвинутой позднее идеям А. Хаусхофера и А. Грабовски, намеревавшихся повернуть германскую геополитическую школу в похожем направлении.

Как отмечает Д. Аткинсон, «Geopolitica» интересен своей геополитической топографией современного мира, но, пожалуй, самое значительное его наследие связано с попыткой донести геополитические знания до итальянского народа и выкроить интеллектуальное пространство, в котором итальянский геополитический анализ может процветать» [Dodds, Atkinson 2003: 107].

Следует признать, что в целом итальянские геополитики практически не оказывали существенного влияния на формирование внешней политики страны. На протяжении четырех лет существования журнала «Geopolitica» его редакторы

только один раз встречались с Муссолини. Как позже признавал Э. Масси, их отношения с режимом были весьма сложными: «Это правда, что мы повлияли на политический класс некоторыми статьями, и я лично был в контакте с А. Лесоне, министром итальянской Африки. Но режим не очень стремился общаться с нами, чтобы сделать свой выбор». Во многом это объясняется и тем, что итальянские геополитики занимались главным образом подтверждением уже избранного режимом внешнеполитического вектора, а не изучением возможных альтернативных направлений внешней политики.

После войны и Дж. Ролетто, и Э. Масси некоторое время были отстранены от преподавания, а в науке сосредоточились на исследованиях в области экономической географии. Из-под пера Ролетто вышли книги «Порт Триест и его проблемы» и «Экономика Югославии», а Масси написал «Основы европейской экономической интеграции». С 1959 г. Масси преподавал в Государственном университете Милана, а затем с 1965 г. — в Римском университете «La Sapienza». В 1978 г. он стал президентом Итальянского географического общества и занимал этот пост до 1987 г. Также он возглавлял Институт корпоративных исследований и был одним из лидеров Итальянского социального движения, ведущим деятелем его «левого» крыла, остро критиковавшим либеральный капитализм и послевоенный мировой порядок.

***

Объединившиеся вокруг журнала «Geopolitica» итальянские интеллектуалы (в основном географы) сыграли ключевую роль в становлении итальянской геополитической школы, определив ее специфику в ряду сложившихся к тому времени других национальных школ геополитической науки. Эта специфика проистекала из уникального исторического опыта и культурной идентичности Италии — наследницы величия Римской империи и ядра мирового католицизма, а также из особенностей ее геополитического положения в качестве центра средиземноморского мира. Представители этой школы стремились выразить и защитить эту уникальность, положить ее в основу выработки национальной геостратегии, отвечавшей вызовам эпохи.

Разумеется, складывавшаяся в фашистской Италии геополитическая школа не могла не оказаться подчиненной логике проводимого тогда внешнеполитического курса, в связи с чем она несла определенную моральную ответственность за последствия этого курса. Этим объясняется длительная послевоенная «пауза» в развитии итальянской геополитической мысли, «уход в тень» ее видных представителей, занявшихся изучением других проблем (в основном экономической географии и страноведения). Несмотря на замалчивание геополитики как таковой, в Италии вплоть до конца 70-х гг. XX в. (когда с 1978 г. стал выходить «Hérodote-Italia», в 1982 г. переименованный в «Erodoto»), идеи Э. Масси и его коллег не исчезли бесследно. Независимо от определенной идеологической ангажированности, обусловленной особенностями существовавшего тогда политического режима, поставленные ими проблемы носили во многих случаях фундаментальный характер и продолжают находиться в центре внимания теоретиков и практиков геополитики в современной Италии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Almagià, R. (1936). Elementi di geografia politico-economica. Milano: Giuffré.
- Almagià, R. (1923). La geografia politica. Considerazioni metodiche sul concetto e sul campo di studio di questa scienza. *L'Universo*, 10, 751—768.
- Bonomi, E. (1942). *Il problema della Grande Asia*. Quaderni di cultura politica, Serie XII, 3. Roma: I.N.C.F.
- Cantalupo, R. (1941). L'America e le Americhe. *Storia e Politica Internazionale*.
- Carelli, G. (1941). Dalmazia e i suoi confine. *Geopolitica*, III (5), 243—249.
- Chersi, L. (1940). I problemi geopolitici del Mediterraneo. *Geopolitica*, II (5), 214—215.
- D'Agostino Orsini di Camerota, P. (1934). *Eurafrica: L'Africa per l'Europa, l'Europa per l'Africa*. Roma: P. Cremonese.
- D'Agostino Orsini di Camerota, P. (1926). *L'Italia nella politica Africana*. Bologna: Capelli.
- Dodds, K. & Atkinson, D. (Eds.). (2003) *Geopolitical traditions. A century of geopolitical thought*. London: Taylor & Francis e-Library.
- Giuliani, G., & Lombardi-Diop, C. (2013). *Bianco e nero: storia dell'identità razziale degli italiani*. Firenze: Le Monnier.
- Lorot, P. (1997). *Storia della Geopolitica*. Trieste: Asterios.
- Losano, M. G. (2011). *La geopolitica del Novecento. Dai Grandi Spazi delle dittature alla decolonizzazione*. Milano: Bruno Mondadori.
- Magugliani, L. (1942). Il Mediterraneo centro geopolitico del blocco continentale Euro-Asio-Africano. *Geopolitica*, IV (11), 495—504.
- Marchi, L. de. (1929). *Fondamenti di geografia politica*. Padova: Cedam.
- Massi, E. (1939). Democrazie, colonie e materie prime. *Geopolitica*, I (1), 17—35.
- Massi, E. (1931). Geografia politica e geogiurisprudenza. *La Cultura Geografica*, 2, 81—102.
- Massi, E. (1986). Geopolitica: dalla teoria originaria ai nuovi orientamenti. *Bollettino della Società Geografica italiana. Serie XII*, III (1—6).
- Massi, E. (1992). Il contributo della geopolitica alla comprensione del mondo moderno. *Partecipare. Rivista di studi corporativi*, XXII (2), 128—145.
- Massi, E. (1940). Problemi mediterranei. *Geopolitica*, II (12), 331—340.
- Mussolini, B. (1935). *Scritti e discorsi*. Vol. IX. Scritti e discorsi dal Gennaio 1934 al 4 Novembre 1935. Milano: Hoepli.
- Pess, R. (1940). Aspetti geopolitici dell'Albania. *Geopolitica*, II (1), 9—16.
- Pozzani, S. (1941). Continentalità o regionalità nell'America Latina. *Storia e Politica Internazionale*.
- Roletto, G. (1929). La geografia come scienza utilitarian. In: “*Discorso inaugurale dell'a a. 1928—1929*”, Regia Università degli Studi economici e commerciali di Trieste, pp. 3—20.
- Roletto, G. (1937). *Le tendenze geopolitiche continentali e l'asse Eurafrika*. Milano: Mondadori.
- Roletto, G., & Massi, E. (1931). *Lineamenti di Geografia Politica*. Trieste: Università di Trieste.
- Romagnoli, L. (2002). La rivista “Geopolitica” (1939—1942) di Giorgio Roletto ed Ernesto Massi. *Atti del XXVIII Congresso Geografico Italiano (Roma, 18—22 giugno 2000)*, Roma.
- Sinibaldi, G. (2010). *La geopolitica in Italia (1939—1942)*. Padova: Libreria Universitaria.
- Toniolo, A. R. (1940). L'unità economica e politica del Mediterraneo. *Geopolitica*, II (12), 165—169.
- Vinci, A. (1990). “Geopolitica” e Balcani: l'esperienza di un gruppo di intellettuali in un ateneo di confine. *Società e Storia*, XIII (47), 87—127.

Дата поступления статьи: 03.03.2017

Для цитирования: Шепелев М.А. Журнал «Геополитика» и становление итальянской геополитической школы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 325—338.

Сведения об авторе: *Шепелев Максимилиан Альбертович* — д-р полит. наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и государственного управления Юго-Западного государственного университета (e-mail: ma_shepelev@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-325-338

THE JOURNAL “GEOPOLITICA” AND FORMATION OF THE ITALIAN GEOPOLITICAL SCHOOL

M.A. Shepelev

South-Western State University, Kursk, Russia

Abstract. The article reveals the origins, methodological features and the process of institutionalization of Italian geopolitical school, place and role of the journal “Geopolitica” in this process. The article analyzes the characteristics of Italian geopolitical perception of the world and its geostrategic priorities, formulated by the representatives of the Italian geopolitical schools in the period of its formation in 20—40-ies of the XX century (the Mediterranean — Mare nostrum, Euroafrica). The source of the formation of the Italian geopolitical school was the intellectual influence of irredentism on the age of the Risorgimento. The process of its formation was correlated with the formation of the modern national school of geographical science, in which was dominated the perception of geography as “utilitarian science” and developed the direction of “dynamic political geography”. Its specific features was the “antideterminism” and “geographic humanism”, the recognition that the environment does not have absolute power over society, but political will is a determining factor in anthropogeographical area.

The institutionalization of Italian political school promoted the creation of several research centres in the 20—30-ies and publishing from January 1939 to December 1942 magazine “Geopolitica”. The draft edition of this magazine received support from the minister of national education Giuseppe Bottai, it was headed by Professor Giorgio Roletto and his disciple, Ernesto Massi. Italian geopolitics maintained close ties with their German colleagues, but they were theoretically justified differences between “Latin” and “German” geopolitical worldviews. Unlike the German geopolitics, the concept of “living space” was used primarily in the economic sense, but it was not used in a racial-demographic sense.

Italian geopolitics acted against the world order enshrined in the Treaty of Versailles, because it was protected only a “rich nation” and discriminated “the proletarian nation”, which include Italy. They considered England as the main enemy of Italy, as “new Carthage”. For fighting against England was proposed to build friendly relations with Spain, Turkey and the Arab world, which should create conditions for the implementation of an ambitious project Euroafrica as a large space under the auspices of Italy. This project was considered as the Italian version of the “Monroe doctrine”. First of all, Italian geopolitics sought to regain control of Italy over the North—Eastern Africa and on Terra irredenta (both shores of the Adriatic with Dalmatia and Albania, Malta, Corsica, Nice, Savoie and the Swiss Canton of Ticino, where many Italian compatriots was lived).

Key words: geopolitics, political geography, Italian geopolitical school, journal “Geopolitica”, “big space”, the Mediterranean — Mare nostrum, Euroafrica

Received: 03.03.2017

For citations: Shepelev, M.A. (2017). The Journal “Geopolitica” and Formation of the Italian Geopolitical School. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 325—338.

About the author: *Shepelev Maximilian Al’bertovich* — Doctor of Political Science, Professor, Professor of the International Relations and Public Administration Department, South-Western State University (e-mail: ma_shepelev@mail.ru).

© Шепелев М.А., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-339-348

THE ROLE OF CYBERSECURITY IN WORLD POLITICS

V.T. Tsakanyan

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. The purpose of this paper is to investigate a significant and increasing role of cybersecurity in world politics. Cybersecurity threats are one of the main national security, public safety, and economic challenges every nation faces in XXI century. Cyberspace is a defining feature of modern life. Individuals and communities worldwide connect, socialize, and organize themselves in and through cyberspace. The existence of numerous cyber security issues on various spheres of life naturally increase political interest in resolving them. The need for cybersecurity is growing ranging from particular cases to national and international — becoming the main problem of diplomacy and world politics.

Based on the different national approaches, cybersecurity is seen as the instrument to gain national interests. All countries believe that cybersecurity is an instrument to achieve state's national interest, since more of the modern theories are focus in the material gain. Meanwhile, some countries see cybersecurity as the tool to influence the adversaries' perception. This condition build based on the enormous destruction power of cyberattacks. In contrast with the two main approaches, the national security institutions emphasize to the idea, not the material gain. The difference between these national security approaches is the way to use this instrument is used in order to gain the objectives. Indeed, cybersecurity has an important and special role in the world politics.

Key words: Cybersecurity, information security, national security, world politics, United States of America, Russian Federation, People's Republic of China, UN

The meaning of “security” is often treated as a common-sense term that can be understood by “unacknowledged consensus” [Sheehan 2005]. The content of international security has expanded over the years. Today it covers a variety of interconnected issues in the world that affect survival. It ranges from the traditional or conventional modes of military power, the causes and consequences of war between states, economic strength, to ethnic, religious and ideological conflicts, trade and economic conflicts, energy supplies, science and technology, food, as well as threats to human security and the stability of states from environmental degradation, infectious diseases, climate change and the activities of non-state actors [Buzan, Wæver 1998].

The so-called interwar revolution saw the advent of combined-arms, mechanized air-land operations (blitzkrieg), the displacement of the line of battle at sea by fast carrier task forces, the rise of long-range strategic aerial bombardment, and the introduction of in targeted air defense networks. Later, World War II witnessed the introduction of nuclear weapons, as well as cruise and ballistic missiles, which triggered and other fundamental change in the character of warfare [For a discussion... 1996].

Because traditional notions of security focused on the use of force between great powers, the focus of international security studied during the Cold War was naturally on superpower conflict and nuclear war. With the end of the Cold War, analysts began to argue that the subject of international security “had to be recast to reflect the changing nature of conflict” [Freedman 1998].

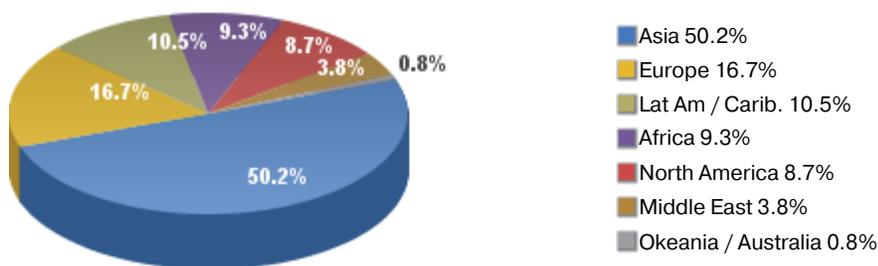
As the Internet experienced its rapid expansion in the 1990s, hackers began engaging in cyber “pranks” while low-level criminals began exploring the potential for cybercrime. Once it was shown that “crime pays” in the cyber domain, organized crime began muscling its way onto the scene, in some cases apparently with the blessing — and even support — of the governments on whose territory they were operating [Weiss 1996].

The paper begins with from discussing the approaches that give the explanation about the role of the cyberspace in world politics. It discusses the views of the various national security doctrines.

The United States, along with Western Europe and Japan first made the transition to an information society. Already in the early 1970s, the dominant part of the workforce (70%) was in these countries are concentrated in the services sector and consisted of “information workers” [Bell 1979].

Information warfare covers a very wide range of activities in the information space, from attacks on communication systems and critical infrastructure and ending with the use of ICT for implementation of techniques of psychological impact [Arquilla 1999].

ICT today form the basis of a rapidly developing global information society. Global network the Internet covers about 3.6 billion people (approximately 49.5% of the world population)¹.

Internet Users in the World by Regions June 2016

Source: Internet World Stats — www.internetworldstats.com/stats.htm
Basis: 3,675,824,813 Internet users on June 30, 2016
© Miniwatts Marketing Group, 2016

Actively developing the “Internet of things” that binds not only people, but also to network, computer devices, appliances and other items. According to forecasts, in 2020 about 50 billion devices will have an Internet connection².

Former President of the Corporation for the domain name and ICANN IP-address management (Internet Corporation on Assigning Names and Numbers) R. Beckstrom articulated three key principles with respect to the Internet:

- 1) all that has Internet access can be “hacked”;
- 2) all have access to the Internet;

¹ Internet World Stats. Usage and Population Statistics. URL: <http://www.internetworldstats.com/stats.htm> (accessed: 12.01.2017).

² Ericsson CEO to shareholders: 50 billion connections 2020. April 13, 2010 URL: <http://www.ericsson.com/thecompany/press/releases/2010/04/1403231> (accessed: 12.01.2017).

3) in this way, everything becomes vulnerable. The world is entering a phase of the endless struggle against cyber threats that are constantly updated³.

In May 2007, the European Commission issued a Communication “towards a general policy on the against cybercrime”, noting that there was not even an agreed definition of cybercrime [Anderson et al. 2012].

It proposed a threefold definition:

1) traditional forms of crime such as fraud or forgery, though committed over electronic communication networks and information systems;

2) the publication of illegal content over electronic media (e.g., child sexual abuse material or incitement to racial hatred);

3) crimes unique to electronic networks, e.g., attacks against information systems, denial of service and hacking.

The protection of lives and property from foreign actors is a universally understood role of government, and the cyber era introduces new capacities for other nations to wage war. As cyberlaw theorist Paul Rosenzweig points out, just as everyone would expect the government to defend against enemy aircraft rather than leaving it to each individual or enterprise, so too would we expect the imperative of “the common defense” to extend into cyberspace [Rosenzweig 2010].

This also includes the threat of non-state actors targeting civilian infrastructure for political gain, even if the threat of cyberterrorism is perhaps overstated [Singer, Friedman 2014].

Deterring and countering these types of threat and maintaining security in cyberspace involves a number of actors spread across the public and private sectors, as well as society as a whole. Examples of the breadth of actors involved in response include [Robinson et al. 2012]:

- ◆ national-level policy units with responsibility for cyber-security issues — for example, the Office of Cyber Security and Information Assurance (OCSIA) in the UK, and Estonian Authority for Information Systems (RIA) in Estonia;

- ◆ national-level coordinating units or institutions with responsibility for critical national infrastructure protection missions — e.g. Centre for the Protection of National Infrastructure in the UK, and National Infrastructure Coordinating Center in the Netherlands;

- ◆ specific inter-governmental units dedicated to national cyber-defence missions — for example, the Cyber Security Operations Centre in the UK;

- ◆ operational agencies — intelligence, armed forces and law enforcement authorities — agencies which may be involved in the delivery of elements of the state’s cyber capability: cyber deterrence, cyber-warfare, investigation, countering or investigating cybercrime, for example USCYBERCOM and the National Security Agency in the USA;

- ◆ national and/or governmental computer emergency response teams (CERTs) — types of CERT which collate and receive information from other CERTs with whom they have a peer relationship, but have a specific role to play in protection of the critical information infrastructure;

---

³ Beckstrom, Rob. Speech at the London Conference on Cyberspace [electronic resource] / ICANN. November 2, 2011. URL: <https://www.icann.org/en/system/files/files/beckstrom-speech-cybersecurity-london-02nov11en.pdf> (accessed: 12.01.2017).

◆ communication service providers responsible in varying ways for parts of the infrastructure which make up ‘cyberspace’ — they may include ‘essential’ providers, which provide backbone, long-haul interconnectivity to mobile network operators or retail internet service providers. Some forms of provider may even be ‘virtual’ resellers of bandwidth or access to different markets (for example, BT and C&W in the UK, Verizon in the USA);

◆ infrastructure hardware providers such as Cisco, Juniper Networks or Huawei — these companies manufacture the hardware and middleware and provide software for the infrastructure. Some such companies also have a systems integration role, which can have security implications when the nationality of the company (e.g. Huawei) may not be a close ally, or essential intellectual property for critical national infrastructure is unobtainable (US companies);

◆ Software and services providers which design, develop, produce and market software — such firms may specialize, for example, in cryptographic software, infrastructure or services, and other industry firms including those in the integrated semi-conductor industry which design microchips (e.g. ARM or Intel) [Robinson et al. 2012].

Thus, Dorothy Denning, one of the most authoritative experts on cyberterrorism, defines this concept as “illegal attacks or threats of an attack directed against computers, networks and information stored in them to intimidate or coerce the government and the population of the country to achieve political or social goals” [Denning 2000].

MAIN APPROACHES

This section discusses the role of cybersecurity in world politics based on the approaches from the USA, Russia and China. It explains the capacity of cybersecurity in world politics according to these approaches. It addresses the following questions: How cybersecurity affects the relations among the states? What kinds of role are played by cyberspace?

UNITED STATES OF AMERICA

The United States, being the leaders in the field of ICT, among the first to encounter the negative consequences of the information revolution. To date, the US experience in the field of information security is an advanced, which leads to the relevance and importance of the study.

In 1991, the United States formulated the concept of Revolution in Military Affairs, characterized by extensive use of ICT to provide management, control and intelligence, information wars, and the use of various types of non-lethal weapons [Metz, Kievit 1995].

Economy and national security of the US today are totally dependent on information technology and information infrastructure. Network technologies ensure the functioning of the US critical infrastructure in sectors such as energy, transport, banking and finance, information and telecommunications, health care, emergency services, agriculture, nutrition, water, military and industrial base, chemical products and hazardous materials, mail and delivery services.

Federal Bureau of Investigation (FBI) in its activities based on the subjective approach and identifies three main groups of actors that pose a threat in cyberspace:

1) organized crime groups that are most prone to the financial services sector and constantly improve cyber power;

2) states sponsors who are interested in stealing data, including intellectual property, research, and development of enterprises, public institutions and contractors;

3) terrorist groups using network technology to conduct destructive actions against the country of critical infrastructure, and thus pose a threat to US national security⁴.

In turn, within the framework of international discussions on the US IIB offer consider the following four sources of threats to cyber security: the criminals, the state terrorists, as well as intermediaries (individuals or groups carrying out malicious network activity on behalf of others — whether state or non-state actors — to financial gain, or on the basis of nationalist or other political motives)⁵.

The US Department of Defense (DoD) in its activities based on the four categories of threats to cyber security, which include both the actors and the individual steps: — the threats posed by external actors (foreign governments, criminal groups); — Threats from internal actors (insiders); — Threats associated with the vulnerability of the network of suppliers of equipment and software; — Threats to the functional activity of the Ministry⁶.

RUSSIAN FEDERATION

The problem of legal regulation of cybersecurity in the Russian Federation is an organic component of the state policy of development of the national sector of information technologies [Matveev 2014].

Among the documents that define today the fundamental approaches to information security in the Russian Federation, can be distinguished, first of all, the following:

◆ Law of the Russian Federation of 27.07.2006 number 149-FL “On Information, Information Technologies and Protection of Information”;

◆ Fundamentals of the Russian Federation's state policy in the field of international information security for the period up to 2020;

◆ The doctrine of national information security;

◆ Strategy for Information Society Development in the Russian Federation. These, as well as accompanying departmental normative documents (primarily documents FSTEC Russia) today form an integrated system requirements for information security for the information systems of different levels. At the same time clarifying the specifics of the issue of cyberspace, as well as relevant threats and protection mechanisms certainly deserves special consideration.

---

⁴ The Cyber Threat (Shawn Henry): Part 1. On the Front Lines with Shawn Henry. Federal Bureau of Investigation. March 27, 2012. URL: http://www.fbi.gov/news/stories/2012/march/shawn-henry_032712 (accessed: 12.03.2014).

⁵ Developments in the field of information and telecommunications in the context of international security. Report of the UN Secretary General. Document A / 66/152 of 15 July 2011. P. 18—20. URL: <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/66/152> (accessed: 03.12.2014).

⁶ Department of Defense Strategy for Operating in Cyberspace. July 2011. P. 3. URL: <http://www.defense.gov/news/d20110714cyber.pdf> (accessed: 03.12.2014).

The modern legal instruments in the field of cyber security should emphasize the following:

- ◆ Conceptual views on the activities of the Armed Forces in the information space;
- ◆ Draft Law “On the security of the Russian Federation of the critical information infrastructure” [Chobanyan, chalahami 2013];
- ◆ Decree of the President of Russia 2013. Number 31c “On establishment of the state detection, prevention and response to cyberattacks on information resources of the Russian Federation”.

According to the Cyber Security Strategy of Russian Federation, the Strategy of cyberspace should be regarded as certain, having a clear boundary element information space. This approach is consistent with international standards, which give definition to the terms of the information security sector and establish their relationship. “Cyber-security” is meant, thus, a narrower in the sense of the concept than the “information security”.

The strategy is based on the key principles of the Federal Law on 27.07.2006 No 149 Federal Law “On information, information technologies and information protection”.

1. To which security can be attributed Russian Federation in creation of information systems, their operation, and privacy of non-collection, storage, use and dissemination of information about the private life of a person without his consent.

2. The strategy is consistent with the doctrine of the Russian information security oh Federation (doctrine) and develops its individual provisions. One of the central tasks in the field of information security.

According to the doctrine, it is the development of criteria and evaluation methods the effectiveness of systems and information security. The strategy provides for action to ensure the safety government information resources, such as holding regular assessment of security of state information resources and systems⁷.

The main governmental actors in Russian Federation which are engaged to national cybersecurity systems are:

- ◆ Government of the Russian Federation (2009) Russia’s national security strategy to 2020⁸;
- ◆ Government of the Russian Federation, Ministry of Defense (2011) Convention on international information security⁹;
- ◆ Government of the Russian Federation (2000) Information security doctrine of the Russian Federation¹⁰.

Both in the Russian Federation and China cyber security is seen as a component of information security, including the promotion and impact on population.

---

⁷ Cyber Security Strategy of Russian Federation (Concept). URL: <http://www.council.gov.ru/media/files/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf> (accessed: 12.01.2017).

⁸ Wikidot. URL: <http://rustrans.wikidot.com/russia-s-national-security-strategy-to-2020> (accessed: 12.01.2017).

⁹ Ministry of Foreign Affairs of Russia. Resource. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/1e5f0de28fe77fdcc32575d900298676/7b17ead7244e2064c3257925003bcbcc!OpenDocument> (accessed: 12.01.2017).

¹⁰ Ministry of Foreign Affairs of Russia resource. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/1e5f0de28fe77fdcc32575d900298676/2deaa9ee15ddd24bc32575d90> (accessed: 12.01.2017).

PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

The Chinese government perceives software by Western manufacturers as a threat to national security. Therefore, its use in China is strictly regulated. The international implications of this regimentation are already becoming apparent. Chinese cyber security policy in general has the potential to alter the global market for IT products and services fundamentally. China's government is currently taking concrete steps to enhance cyber security: in the spring of 2014, it founded the “Central Cyber Security and Informatization Leading Group” (中央网络安全和信息化领导小组).

“NO NATIONAL SECURITY WITHOUT CYBER SECURITY”

“No national security without cyber security” (没有网络安全就没有国家安全), said President Xi Jinping to the state-run news agency Xinhua in April 2014.

Over the last few years, though, problems in implementing cybersecurity policy have not been restricted to China alone. Other countries are also having trouble, albeit in different areas. In Germany, for example, cybersecurity still is not a central political issue. Measures enacted by the federal government such as introducing a “nospying” provision or setting up a new, independent communications network for the federal government alone are considered by IT experts and public authorities such as the German Federal Audit Office to be half-hearted and ineffective¹¹.

Due to the different approaches to ensure national security and because of the different understanding of the security issues, there is no common approach in world politics as agreed in cyberspace. States are trying to establish bilateral agreements Compliance Assistance in cyberspace. One of the existing methods of matching approaches to cyber security are UN resolutions.

Recalling also its resolutions on the role of science and technology in the expressing its concern that these technologies and means can potentially be used for purposes that are inconsistent with the objectives of maintaining international stability and security and may adversely affect the integrity of the infrastructure of States to the detriment of their security in both civil and military fields, confirming the request to the Secretary-General contained in paragraph 4 of its resolutions 56/19 and 57/53.

1. Calls upon Member States to promote further at multilateral levels the consideration of existing and potential threats in the field of information security, as well as possible measures to limit the threats emerging in this field, consistent with the need to preserve the free flow of information.

2. Considers that the purpose of such measures could be served through the examination of relevant international concepts aimed at strengthening the security of global information and telecommunications systems.

---

¹¹ Jaume-Palasi, Lorena and Gierow, Hauke (2014). “Germany”, in: Davies, Simon (ed.). “A Crisis of accountability: A global analysis of the impact of the Snowden revelations”. P. 42—46. <http://www.privacysurgeon.org/blog/wp-content/uploads/2014/06/Snowden-final-report-for-publication.pdf> (accessed: 12.01.2017).

3. Invites all Member States to continue to inform the Secretary-General of their views and assessments on the following questions:

- (a) general appreciation of the issues of information security;
- (b) definition of basic notions related to information security, including unauthorized interference with or misuse of information and telecommunications systems and information resources;
- (c) the content of the concepts mentioned in paragraph 2 of the present resolution.

4. Requests the Secretary-General to consider existing and potential threats in the sphere of information security and possible cooperative measures to address them, and to conduct a study on the concepts referred to in paragraph 2 of the present resolution, with the assistance of a group of governmental experts, to be established in 2004, appointed by him on the basis of equitable geographical distribution and with the help of Member States in a position to render such assistance, and to submit a report on the outcome of the study to the General Assembly at its sixtieth session.

5. Decides to include in the provisional agenda of its fifty-ninth session the item entitled Developments in the field of information and telecommunications in the context of international security¹².

The first — an approach the United States and its allies, according to which for cybersecurity at the international level does not require the development and adoption of new rules and principles. According to this approach, the basis of ensuring cybersecurity regime form the UNGA Resolution on combating the criminal misuse of information technology and global culture of cyber security, the UN Security Council resolutions, the provisions of which are aimed at combating terrorism, as well as the provisions of the Council of Europe Convention on Cybercrime. In turn, the UN Charter and existing principles of international law provide the necessary framework for the regulation of activities of States in the use of ICT in the military-political purposes. It is important to emphasize that the US approach focuses on the development of international mechanisms of information security in the narrow sense — cybersecurity. The second — the approach of the Russian Federation and its partners, which are based on the need to develop, taking into account the specifics of the information space of a special regime in the form of the UN Convention on ensuring international information security. The proposed draft document covers the full range of information security threats (military-political, criminal and terrorist nature), including such important from the point of view of the national interests of the Russian threat, as the action in the information space in order to undermine the political, economic and social systems of other states, psychological treatment population, destabilizing society and the manipulation of information flow in the information space of other countries.

---

¹² Resolution adopted by the General Assembly on 8 December 2003 [on the report of the First Committee (A/58/457)] 58/32. Developments in the field of information and telecommunications in the context of international security <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/454/83/PDF/N0345483.pdf> (accessed: 04/20/14).

***

In conclusion, based on these approaches, cybersecurity is seen as the instrument to gain national interests. All countries believe that cybersecurity is an instrument to achieve state's national interest, since both of the theories are focus in the material gain. Meanwhile, some countries see cybersecurity as the tool to influence the adversaries' perception. This condition based on the enormous destruction power of cyberattacks. In contrast with the two previous approaches, the national security institutions emphasize to the idea, not the material gain. The difference between these national security approaches is the way to use this instrument is used in order to gain the objectives. Indeed, cybersecurity has an important and special role in the world politics.

REFERENCES

- Anderson, R., Barton, C., Boehme, R., Clayton, R., van Eeten, M. J. G., Levi, M., Moore, T. & Savage, S. (2012). *Measuring the cost of cybercrime*. URL: http://weis2012.econinfosec.org/papers/Anderson_WEIS2012.pdf (accessed: 13.12.2016).
- Arquilla, J. (1999). *Ethics and Information Warfare. In Strategic Appraisal: The Changing Role of Information in Warfare*. Ed. by Z. Khalilzad, J. White & A. Marsall. Santa Monica: RAND Corporation.
- Bell, D. (1979). The Social Framework of the Information Society). In: *The Computer Age: A Twenty-Year View*. Ed. by M. L. Dertouzos & J. Moses. Cambridge, Mass.
- Buzan, B., Wæver O. & et al. (1998). *Security: A new framework for Analysis*. Boulder: Lynne Rienner Publishers.
- Chobanyan, V. A., & Shahalami, I. Y. (2013). Analysis and synthesis of the requirements for safety systems of objects of critical information infrastructure. *Issues of cybersecurity*. 1 (1), 17—27.
- Denning, D. (2000). *Cyberterrorism. Testimony before the Special Oversight Panel on Terrorism Committee on Armed Services*. US House of Representatives. URL: <http://www.stealth=ss.com/documents/pdf/CYBERTERRORISM.pdf> (accessed: 04/20/14).
- For a discussion of the military revolution that emerged between the two world wars. (1996). In: *Military Innovation in the Interwar Period*. Ed. by W. Murray & A. R. Millett. Cambridge: Cambridge University Press.
- Freedman, L. (1998). International Security: Changing Targets. *Foreign Policy*, 110, 48—63.
- Matveev, B. (2013). Status and prospects of development of national information security industry in 2014. *Cybersecurity*, 1(1), 61—64.
- Metz, S., & Kievit, J. (1995). *Strategy and the Revolution in Military Affairs: From Theory to the Police*. Strategic Studies Institute. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pubs/display.cfm?PubID=236> (accessed: 04.27.14).
- Rosenzweig, P. (2010). The Organization of the United States Government and Private Sector for Achieving Cyber Deterrence. *Detering Cyberattacks: Informing Strategies and Developing Options*. National Research Council, 245—269.
- Robinson, N., Disley, E., Potoglou, D., Reding, A., May Culley, D., Penny, M., Botterman, M., Carpenter, G., Blackman, C. & Millard, J. (2012). *Feasibility study fora European cyber crime centre*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.
- Sheehan, M. (2005). *International Security: and Analytical Survey*. London: Lynne Rienner Publishers.
- Singer, P. & Friedman, A. (2014). *Cybersecurity and Cyberwar: What Everyone Needs to Know*. Oxford University Press.
- Weiss, G. W. (1996). The Farewell Dossier: Duping the Soviets. *CIA Studies in Intelligence*. URL: <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/96unclass/farewell.htm> (accessed: 13.09.2016).

Received: 14.03.2017

For citations: Tsakanyan, V.T. (2017). The role of cybersecurity in world politics. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17(2), 339—348.

About the author: *Tsakanyan Vladimir Tigranovich* — postgraduate student of the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University (e-mail: vladt20@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-339-348

РОЛЬ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

В.Т. Цаканян

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

Целью данной работы является оценка возрастающей роли кибербезопасности в мировой политике. В рамках этого исследования анализируются подходы к решению проблем кибербезопасности в Российской Федерации, США и КНР. Угрозы в этой области являются одними из основных для национальной и общественной безопасности, а также экономики, с которыми сталкивается государство в XXI в. Киберпространство является одной из определяющих черт современной жизни, которое сопряжено с рядом вопросов личной, национальной и международной безопасности. Существование многочисленных проблем в этой области, естественно, усиливает заинтересованность в их решении с точки зрения мировой политики, а потребность в обеспечении безопасности в киберпространстве становится все более актуальной, независимо от уровня.

Автор в своем исследовании подчеркивает, что в мире на данный момент превалирует два основных подхода к определению кибербезопасности. В рамках первого — кибербезопасность рассматривается в качестве инструмента реализации национальных интересов, это подтверждается тем, что основная часть современных теорий в этой области фокусируется на проблеме материальной выгоды. Второй подход, по мнению автора, заключается в том, что кибербезопасность не что иное, как инструмент оказания влияния на контрапартнеров в основном с помощью кибератак.

Автор делает заключение, что вопрос обеспечения кибербезопасности является довольно актуальной проблемой на сегодняшний день в мировой политике и заслуживает отдельного рассмотрения.

Ключевые слова: кибербезопасность, информационная безопасность, национальная безопасность, мировая политика, Соединенные Штаты Америки, Российская Федерация, Китайская Народная Республика, ООН

Дата поступления статьи: 14.03.2017

Для цитирования: *Цаканян В.Т.* Роль кибербезопасности в мировой политике // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17. № 2. С. 339—348.

Сведения об авторе: *Цаканян Владимир Тигранович* — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: vladt20@mail.ru).

© Цаканян В.Т., 2017

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-349-371

РОССИЯ В «ГРУППЕ ДВАДЦАТИ»: ФАКТОРЫ УСПЕХА И ЗАДАЧИ НА БУДУЩЕЕ

М.В. Ларионова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

Созданная в ответ на экономический и финансовый кризис, с которым существующие институты не смогли справиться должным образом, «двадцатка» трансформировалась из института антикризисного управления в ведущий форум международного экономического сотрудничества. В статье проанализирована роль «Группы двадцати» в системе глобального управления; систематизированы факторы успеха участия России в «двадцатке»; представлен анализ сильных и слабых сторон, возможностей и рисков форума. Автор считает, что в долгосрочной перспективе повестка дня «двадцатки» будет углубляться, одновременно усилятся взаимосвязанность вопросов, продолжится капитализация лидерского потенциала форума. По мнению автора, реализация решений, рекомендаций, широкого арсенала наработок «двадцатки», в том числе предусмотренных страновой стратегией роста и национальным планом занятости, а также документами в сферах финансового регулирования, торговли, инвестиций в инфраструктуру, энергетики, инноваций будет способствовать формированию новой модели экономического развития и интеграции России в мировую систему. Эффективное использование механизмов «двадцатки» для продвижения приоритетов России потребует усиления сформированных дипломатических, экспертных и политических «активов» участия России в «Группе двадцати». Такая стратегия позволит преодолеть внешние риски, такие как снижение доли экономики России в мировом ВВП; сохранение геополитического напряжения; возникновение новых центров силы.

Ключевые слова: «Группа двадцати», Россия, приоритеты российской политики, новая модель экономического роста, система глобального управления, стратегия, SWOT анализ «двадцатки», внешние и внутренние риски

Процессы глобализации и технологических изменений, происходящие в последние десятилетия, ведут к мощным трансформациям в обществе, создают огромные возможности для экономического и социального развития. Одновременно эти политические, экономические, социальные и технологические изменения усугубляют существующие угрозы и влекут за собой новые вызовы: повышение взаимной уязвимости государств и обществ; растущее неравенство; макроэкономическую и финансовую нестабильность; подъем терроризма; неравномерный рост населения и занятости; взрыв миграции; скорость распространения пандемических заболеваний; климатические изменения и усиливающуюся конкуренцию за ресурсы. Преодолевать риски и искать ответы на новые вызовы предстоит в ус-

ловиях слабого роста. Перспективы экономического роста на период до 2060 г. остаются скромными: рост ВВП в странах ОЭСР и растущих экономиках «Группы двадцати» составит 2,7% в период с 2010 г. по 2060 г. [OECD 2014].

Это далеко не полный список вызовов, преодоление которых требует лидерства, легитимности, последовательности и эффективности коллективных усилий на глобальном уровне [OECD 2016]. При этом формирование системы глобального управления, отражающей новые геополитические и экономические реалии, испытывает существенные трудности. Новые участники (растущие экономики) не готовы принять сложившийся международный порядок, в котором не они устанавливали правила игры, и легитимность которого подорвал глобальный финансово-экономический кризис 2008 г. Старые акторы не готовы к изменению «западно-центричной» модели. Более того, кризис лишил нации политической энергии, необходимой для глобального управления. Правительства концентрируют внимание на национальных проблемах, выбирают популистские решения и тактику «обвинения иностранца» [Lamy 2015]. Таким образом, кризис глобального управления усугубляет многочисленные риски.

Чтобы избежать угроз для будущих поколений, необходимо обеспечить максимальную эффективность существующей системы управления, основу которой формирует треугольник: «Группа двадцати», ООН и специализированные международные организации. «Группа двадцати», несмотря на недостаточную легитимность, обладает уникальным потенциалом обеспечивать выработку и реализацию решений, увязывающих проблемы из разных сфер, и оказывать каталитическое воздействие на развитие системы глобального управления. ООН, которой не хватает эффективности, сохраняет свою уникальную легитимность [International Peace Institute 2016]. А специализированные организации дополняют фундамент, предоставляя свою экспертизу для выработки решений. Самое главное — эффективная система управления нуждается в фундаменте коллективных (общих) предпочтений. То есть признание и понимание наших этических (нормативных) различий являются основой поиска и выработки общих решений [Lamy 2015]. «Группа двадцати» подтвердила способность работать на этой основе.

«ГРУППА ДВАДЦАТИ» В СИСТЕМЕ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Созданная в ответ на экономический и финансовый кризис, с которым существующие институты не смогли справиться должным образом, «двадцатка» трансформировалась из института антикризисного управления в ведущий форум международного экономического сотрудничества [Kirton 2013; Najnal 2014]. Решения «двадцатки» по противодействию протекционизму в сфере торговли и инвестиций, координация макроэкономической политики и мер стимулирования роста, обязательства по финансовому регулированию и надзору способствовали восстановлению доверия и преодолению кризиса. Обязательство по увеличению ресурсов Международного валютного фонда (МВФ) до уровня 750 млрд долларов США и поддержка увеличения объемов кредитования международных банков развития (МБР) по крайней мере на 100 млрд долларов США, создание Совета по финансовой стабильности (СФС) для обеспечения стабильности, открытости и прозрачности финансового сектора и контроля за реализацией международных

стандартов финансового регулирования, Сеульское обязательство по перераспределению 6% квот МВФ в пользу стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран к Ежегодным совещаниям МВФ 2012 г., соглашение о расширении процесса взаимной оценки (МАР) обеспечили укрепление и прогресс в реформе международной финансовой системы.

После саммита в Каннах в 2011 г., помимо устранения факторов краткосрочной уязвимости, в фокусе внимания «двадцатки» — укрепление среднесрочных основ экономического роста на основе реализации структурных реформ. На встрече в Санкт-Петербурге в 2013 г. сделан первый шаг к повышению согласованности и интегрированности принимаемых странами мер в сфере труда, занятости и социальной сфере с мерами макроэкономической и финансовой политики как залога достижения уверенного, устойчивого и сбалансированного роста и восстановления доверия в мировой экономике¹. Брисбенский план действий и комплексные стратегии роста стран «двадцатки» при условии их полного выполнения должны обеспечить повышение роста ВВП «Группы двадцати» к 2018 г. как минимум на 2%. Страновые инвестиционные стратегии, принятые на саммите в Анталье в 2015 г., направлены на улучшение инвестиционной среды и стимулирование развития эффективной и качественной инфраструктуры. По расчетам ОЭСР, инвестиционные стратегии могут обеспечить увеличение доли инвестиций в совокупном ВВП стран «двадцатки» на 1-процентный пункт к 2018 г.²

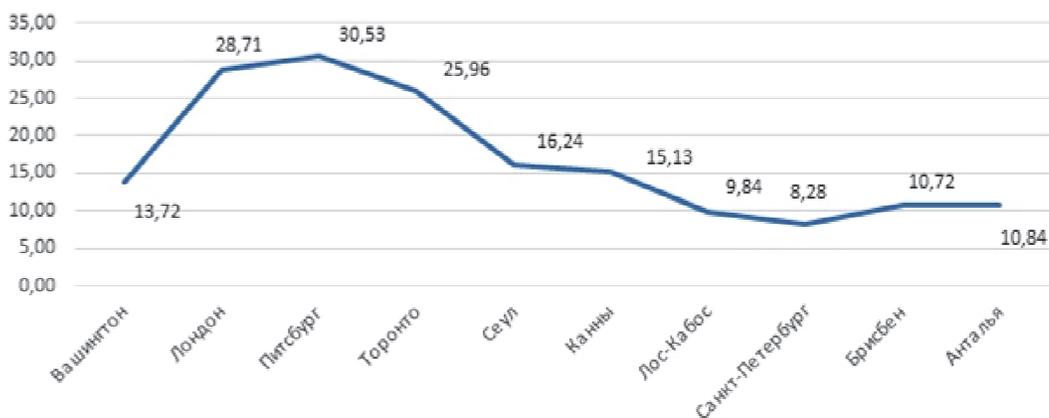
Ханчжоуский консенсус и Ханчжоуский план действий подтвердили приверженность «двадцатки» дальнейшей реализации обновленных стратегий роста, включая новые и скорректированные макроэкономические и структурные меры политики, одновременно заявив целый ряд мер по поддержке спроса как дополняющих программы структурных реформ. Кроме того, страны — члены «Группы двадцати» согласовали контуры инновационного роста в качестве новой повестки, включающей политику и меры в сфере инноваций, новой промышленной революции и цифровой экономики как источников устойчивого, сбалансированного и инклюзивного роста [Ларионова 2017b].

«Группа двадцати» последовательно формирует и реализует комплексные решения по наиболее острым вопросам помощи странам с низким уровнем дохода, в том числе через развитие инфраструктуры, человеческого капитала и укрепление продовольственной безопасности; энергетической безопасности, энергоэффективности, развития чистых технологий; борьбы с изменением климата; противодействия коррупции, укрепления целостности рынков и меры содействия созданию благоприятных условий для ведения бизнеса; борьбы с терроризмом и перекрытия каналов финансирования терроризма; сдерживания и ликвидации пандемических заболеваний (например, лихорадки Эбола).

¹ Лидеры «Группы двадцати» (2013). Санкт-Петербургская декларация лидеров «Группы двадцати», параграф 27. URL: <http://ru.g20russia.ru/news/20130906/782776168.html> (дата обращения: 12.03.2016).

² По оценкам МВФ и ОЭСР стратегии реализованы не полностью. Страны — члены «Группы двадцати» закончили реализацию 49% многолетних брисбенских обязательств и почти половины анталийских; по остальным обязательствам в большинстве случаев также наблюдается прогресс.

В процессе выработки, реализации и мониторинга исполнения обязательств «Группа двадцати» плотно взаимодействует с другими международными организациями. «Двадцатка» стимулирует изменения и реформирование международных организаций, задает новые направления действий путем передачи мандата или обеспечения политического лидерства для продолжения деятельности организации по существующим направлениям с опорой на поддержку ее членов и международного сообщества. «Группа двадцати» также создает свои собственные механизмы, функционирующие параллельно с существующими институтами. Эти модели взаимодействия с международными организациями используются и другими клубными институтами, например, «Группой семи» [Putman, Wayne 1987], БРИКС [Шелепов 2015] и частично АТЭС [Сафонкина 2017]. Однако для «двадцатки» характерен уникально высокий уровень интенсивности взаимодействия. В документах «двадцатки» упоминаются более 90 организаций: универсальные, специализированные, региональные и глобальные. Общее количество упоминаний международных организаций в дискурсе «двадцатки» составляет 5099³. Интенсивность взаимодействия «двадцатки» с международными организациями меняется. Саммиты в Лондоне и Питтсбурге, на которых определялись миссия института и его роль в системе глобального управления, отмечены самыми высокими уровнями интенсивности (28,7 и 30,5 соответственно), тогда как средний показатель составляет 12,95⁴ (рис. 1).

Рис. 1. Интенсивность взаимодействия «Группы двадцати» с международными организациями по саммитам
Intensity of G20 interaction with international organizations by summits

Источник: расчеты авторов

³ С учетом документов саммита в Ханчжоу.

⁴ Интенсивность рассчитывается как отношение количества упоминаний к количеству символов (включая пробелы и знаки пунктуации) в документах:

$$DI = MI / SI,$$

где DI — интенсивность упоминаний конкретного института за определенный год (период), MI — количество упоминаний данного института за этот год (период), и SI — общее количество символов в документе за данный год (период). Для большей наглядности результатов DI умножается на 10 000.

Интенсивность взаимодействия «двадцатки» с МВФ, Советом по финансовой стабильности, Всемирным банком и Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) значительно превосходит аналогичный показатель для других институтов. Их доля в дискурсе значительно превышает долю всех остальных международных организаций, как показано на рис. 2.

Рис. 2. Доля упоминаний ключевых международных организаций в дискурсе «Группы двадцати»
Percentage of references of key international organizations in the G20 discourse

Источник: расчеты авторов

«Группа двадцати» последовательно настаивала на реформе квот и управления МВФ, поддерживала усилия Группы Всемирного банка и региональных банков развития по мобилизации и стимулированию финансирования инвестиций в инфраструктуру. Экспертиза ОЭСР используется в разработке решений и оценке их исполнения по широкому кругу проблем: от борьбы с размыванием налогооблагаемой базы и перемещением прибыли (BEPS) до осуществления структурных реформ для поддержки роста.

Детище «двадцатки» — Совет по финансовой стабильности — стал незаменимым партнером в стимулировании и надзоре за реализацией реформ финансовых рынков и регулирования. С ООН «Группа двадцати» взаимодействует в основном по вопросам развития (реализации Целей развития тысячелетия (ЦРТ) и Целей в области устойчивого развития (ЦУР), продовольственной безопасности и изменения климата. На саммите в Санкт-Петербурге доля упоминаний ООН в документах «двадцатки» достигла исторического максимума, составив 7,57%, при среднем показателе за весь рассматриваемый период в 4,08%.

Выражая приверженность борьбе с протекционизмом и содействию торговле и инвестициям, «Группа двадцати» поручила Всемирной торговой организации (ВТО) осуществлять мониторинг и представлять публичные отчеты об исполнении этих обязательств. Это поручение выполняется ВТО совместно с Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) и ОЭСР. Признав «высококачественные рабочие места... основой подъема экономики», на своем третьем саммите

в Питтсбурге лидеры «двадцатки» обязались проводить политику в соответствии с основополагающими принципами Международной организации труда (МОТ) и правами трудящихся «для обеспечения того, чтобы глобальный экономический рост был выгоден всем». Начиная с саммита в Питтсбурге, МОТ последовательно работала над подготовкой для «Группы двадцати» Стратегии в области профессиональной подготовки кадров, различных обзоров и мониторинговых отчетов. Хотя интенсивность взаимодействия «двадцатки» с МОТ невысока, она остается устойчивой при среднем показателе 0,33, и средней доле упоминаний в 2,69%. В табл. 1 представлены данные по количеству упоминаний, доле и интенсивности взаимодействия «Группы двадцати» с 15 ведущими организациями-партнерами.

Таблица 1

**Упоминания «Группой двадцати» топ-15 организаций-партнеров
References of the Top-15 Partner Organizations by the G20**

Организация / Organization	Количество упо- минаний / Number of references	Доля упоминаний, % / Percentage of references, %	Интенсивность / Intensity
Международный валютный фонд (МВФ) / International Monetary Fund (IMF)	683	15,56	2,02
Совет по финансовой стабильности + Фо- рум финансовой стабильности / Financial Stability Board + Financial Stability Forum	600	13,67	1,77
Всемирный банк / World Bank	428	9,75	1,26
Организация экономического сотрудни- чества и развития (ОЭСР) / Organization for Economic Cooperation and Development (OECD)	386	8,79	1,14
Базельский комитет по банковскому над- зору (БКБН) / Basel Committee on Banking Supervision (BCBS)	260	5,92	0,77
Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ) / Financial Action Task Force on Combating Money Laundering (FATF)	211	4,81	0,62
ООН / UN	179	4,08	0,53
Глобальное партнерство за финансовую дос- тупность / Global Partnership for Financial Inclusion (GPFI)	157	3,58	0,46
Международная организация комиссий по ценным бумагам / International Orga- nization of Securities Commissions (IOSCO)	152	3,46	0,45
Всемирная торговая организация (ВТО) / World Trade Organization (WTO)	119	2,71	0,35
Международная организация труда (МОТ) / International Labor Organization (ILO)	118	2,69	0,35
Совет по международным стандартам финансовой отчетности / International Accounting Standards Board (IASB)	110	2,51	0,32
Банк международных расчетов / Bank for International Settlements (BIS)	51	1,16	0,15
Международная финансовая корпорация / International Finance Corporation (IFC)	50	1,14	0,15
Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) / United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD)	49	1,12	0,14

Источник: расчеты авторов

Таким образом, «Группа двадцати» стала не только ведущим форумом экономического сотрудничества для ее членов, но и заняла центральное место в системе глобального управления, опираясь на потенциал ООН и специализированных международных организаций и определяя направления их работы для реализации своей ключевой цели: обеспечения устойчивого, уверенного, сбалансированного и инклюзивного роста [Ларионова 2017а]. Это качество «двадцатки» имеет особое значение, поскольку позволяет влиять на повестку дня соответствующих организаций и использовать их для реализации национальных приоритетов. Так, в условиях приостановления процесса присоединения к ОЭСР, Россия, будучи членом «двадцатки» продолжает тесно взаимодействовать с ОЭСР в процессе выработки, совершенствования и реализации механизмов ОЭСР и «Группы двадцати», например, в реализации Плана действий G20/ОЭСР по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и перемещению прибыли (BEPS), Принципов корпоративного управления G20/ОЭСР, Принципов G20/ОЭСР по финансированию МСП и других документов.

РОЛЬ И ПОВЕСТКА ДНЯ «ГРУППЫ ДВАДЦАТИ» В ПЕРСПЕКТИВЕ ДО 2035 гг.⁵

Значение «Группы двадцати» для координации политики, направленной на поддержку экономического роста, будет возрастать. Это связано с несколькими прогнозируемыми тенденциями развития. В перспективе до 2060 г. экономический рост будет слабым и неравномерным. Для стран ОЭСР и развивающихся стран «двадцатки» в период 2010—2060 гг. средний темп роста составит 2,7%. Хотя в настоящее время более устойчивые темпы роста наблюдаются в странах с переходной экономикой, нежели чем в странах ОЭСР, в этих странах произойдет замедление экономического роста. Старение населения приведет к уменьшению потенциальной рабочей силы, которое лишь частично может быть компенсировано повышением участия в рабочей силе и уровнем занятости. С учетом того, что набор квалификаций, капиталоемкость и структура потребления в странах с переходной экономикой постепенно будут приближаться к показателям в странах ОЭСР, структура производства в этих экономиках также будет более схожей со странами ОЭСР. Будущее повышение ВВП на душу населения будет в большей степени зависеть от наращивания и обновления навыков и, особенно, многофакторной производительности, стимулируемой инновациями и интеллектуальным капиталом. Растущий экономический ущерб от ухудшения состояния окружающей среды, в том числе от изменения климата, будет все в большей степени подрывать экономический рост, прежде всего в странах Азии.

Процесс глобальной интеграции будут продолжаться, однако более медленными темпами. Возросшая взаимозависимость стран поможет распределить последствия экономических потрясений на глобальном уровне более равномерно, однако также сделает глобальную экономику более уязвимой к дисбалансам, а ряд

---

⁵ Использованы рекомендации раздела 8 «Экономическая политика для изменяющегося мира» доклада ОЭСР [OECD 2014].

инструментов национальной политики окажутся менее эффективными. Для противодействия тенденции снижения темпов экономического роста потребуются изменения политики. Глобальная координация и сотрудничество станут все более необходимы в сферах, где неконтролируемое соперничество стран и недостаток координации политики могут нанести вред благополучию граждан в глобальной перспективе. Примером может служить борьба с изменением климата на глобальном уровне; ускорение глобальных интеграционных процессов (включая поддержку миграционных потоков); повышение устойчивости институтов к потрясениям (например, демографического характера); и использование потенциала «экономики знаний» [OECD 2014].

Усиление взаимозависимости и общие проблемы определяют растущую роль «Группы двадцати» в системе глобального управления и необходимость укрепления сотрудничества России с партнерами по ключевым вопросам повестки дня «двадцатки».

РОССИЯ В «ГРУППЕ ДВАДЦАТИ»

Россия успешно работает в «двадцатке». Предложения Российской Федерации по приоритетам повестки дня «Группы двадцати», сформулированные Председателем Правительства Российской Федерации В.В. Путиным в выступлении на открытии Всемирного экономического форума в Давосе 28 января 2009 г.⁶, нашли отражение в решениях Лондонского саммита и повестке дня последующих председательств.

Залогом успеха в формировании повестки дня, соответствующей интересам России, стала четко сформулированная позиция России по нашим приоритетам⁷ и активное взаимодействие с председателем на всех уровнях и треках: в рамках рабочих групп, встреч шерп, министров финансов и глав центральных банков «двадцатки» в ходе подготовки Лондонского саммита, положившего начало работы «двадцати». По итогам встречи министра иностранных дел Великобритании с министром иностранных дел РФ С. Лавровым, его первым заместителем А. Денисовым и заместителем министра финансов С. Шаталовым лорд Мэллок-Браун констатировал общность позиций по основным направлениям: «Россия играет значимую роль в подготовке к саммиту и разделяет основные цели: согласование общего стратегического подхода к преодолению экономических проблем и финансового кризиса; преодоление тенденций к протекционистской политике; усиление регулирования банковской и финансовой систем; формирование программ содействия для беднейших стран»⁸.

⁶ Путин В.В. (2009). Выступление Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина на открытии Всемирного экономического форума в Давосе 28 января 2009 г. Информационный бюллетень Министерства иностранных дел Российской Федерации. Департамент информации и печати. URL: [http://www.mid.ru/bl.nsf/78b919b523f2fa20c3256fa3003e9536/77aa29fc759377acc325754d004efba7/\\$FILE/29.01.2009.doc](http://www.mid.ru/bl.nsf/78b919b523f2fa20c3256fa3003e9536/77aa29fc759377acc325754d004efba7/$FILE/29.01.2009.doc) (дата обращения: 12.03.2016).

⁷ Опубликованы предложения Российской Федерации к апрельскому саммиту «Группы двадцати» в Лондоне. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/3445> (дата обращения: 12.02.2017).

⁸ Lord Malloch-Brown takes London Summit agenda to Russia. The London Summit 2009. 13 March 2009. URL: <http://www.londonsummit.gov.uk/en/media-centre/latest-news/?view=News&id=14826809>.

Все предложения Российской Федерации к саммиту «Группы двадцати» в Лондоне⁹, кроме создания наднациональной резервной валюты, вошли в повестку работы форума.

В 2013 г. в рамках председательства России были заложены основы многих будущих действий и подходов: разработки и принятия стратегий роста, планов занятости, инвестиционных стратегий, международного налогового сотрудничества, системного взаимодействия с социальными партнерами. «Двадцатка» вышла на несколько важнейших достижений. После многолетних дискуссий о том, что является более важным: стимулирование экономического роста или недопущение чрезмерного дефицита бюджета и государственного долга, было достигнуто понимание того, что необходим сбалансированный подход. Удалось добиться принятия всеми развитыми, а также большинством развивающихся стран «Группы двадцати» национальных планов по достижению сбалансированных государственных финансов. Они стали одной из основ для разработки индивидуальных стратегий роста, включающих проведение амбициозных структурных реформ, которые были приняты на саммите в Брисбене.

Было признано, что фундаментом экономического роста должно стать повышение деловой активности и увеличение инвестиций, а не меры «нетрадиционной» монетарной политики. В этой связи одним из ключевых направлений работы «Группы двадцати» в 2013 г. стал поиск источников долгосрочных инвестиций, в том числе в развитие инфраструктуры. Министры финансов и управляющие центральными банками «двадцатки» в течение всего года обсуждали возможные решения по восстановлению традиционной роли банков как основных кредиторов реального сектора и расширению возможностей доступа к долгосрочному финансированию за счет рынков капитала. По итогам этой работы был принят рабочий план по финансированию инвестиций и принципы высокого уровня по долгосрочному финансированию инвестиций для институциональных инвесторов.

В сфере занятости «двадцаткой» была зафиксирована важность интеграции и координации мер государственной политики «в сферах макроэкономики, финансов, фискальной сфере, а также в области образования, повышения профессиональной квалификации, инноваций, занятости и социальной защиты». Данный подход был закреплен при формировании национальных планов и комплексов мероприятий в области занятости, принятых на следующем саммите.

Важным достижением в сфере международной торговли стало согласование общих подходов к совершенствованию транспарентности в региональных торговых соглашениях, что было одним из ключевых требований делового сообщества. Работа над обеспечением комплементарного характера двусторонних и региональных торговых соглашений по отношению к многосторонней торговой системе, а также их открытости, транспарентности, инклюзивности и соответствия правилам ВТО была продолжена и в рамках председательства Китая.

---

⁹ Опубликованы предложения Российской Федерации к апрельскому саммиту «Группы двадцати» в Лондоне. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/3445> (дата обращения: 12.02.2017).

В традиционной для «Группы двадцати» сфере финансового регулирования удалось согласовать дорожную карту по усилению надзора и регулирования теневой банковской системы, включающую четкие сроки и действия соответствующих международных институтов.

Одним из наиболее важных результатов работы «Группы двадцати» в 2013 г. стало принятие плана действий ОЭСР / «Группы двадцати» по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и перемещению прибыли (BEPS). Продолжается и углубляется сотрудничество по реализации пакета мер «Группы двадцати»/ОЭСР по борьбе с размыванием налогооблагаемой базы и выводу прибыли из-под налогообложения; по обмену налоговой информацией; по укреплению институционального потенциала стран с развивающейся экономикой, а также по мерам налоговой политики в целях стимулирования роста и налоговой определенности.

Не менее важно, что, оставаясь в рамках ядра экономических и финансовых вопросов, «двадцатка» начала работу над поиском совместных решений по преодолению таких рисков, как увеличение неравенства доходов населения, хроническая неспособность в достаточной мере инвестировать, развивать и обеспечивать безопасность инфраструктуры, непредвиденные последствия регулирования.

Первым шагом на пути к включению задачи достижения инклюзивного роста в повестку дня «двадцатки» стало подтверждение лидерами «Группы двадцати» их решимости работать вместе для достижения уверенного, устойчивого, сбалансированного и всеобъемлющего роста. Впервые в истории «двадцатки» лидеры четко сформулировали задачу «ставить во главу угла... повестки роста достижение благополучия для конкретных людей»¹⁰. Достижение всеобъемлющего (инклюзивного) роста стало приоритетом последующих председательств: Турции и Китая.

В сфере содействия развитию «двадцатке» удалось согласовать будущие направления действий и принять Санкт-Петербургскую стратегию развития, в которой были определены основные приоритеты, новые инициативы и текущие обязательства, основанные на Сеульском консенсусе по развитию для общего роста. Ориентация на цели уверенного, устойчивого и сбалансированного роста при решении проблем международного развития является сильной стороной Санкт-Петербургской стратегии развития. Она соответствует миссии форума и отражает понимание международным сообществом того, что всеобъемлющий экономический рост является условием развития и достижения целей развития тысячелетия.

В рамках российского председательства дальнейшее развитие получили механизмы самоотчетности, направленные на повышение эффективности и прозрачности. В соответствии с принятым в Лос-Кабосе решением к саммиту были подготовлены Санкт-Петербургский доклад о выполнении обязательств в области развития и Санкт-Петербургский доклад об исполнении обязательств по достижению устойчивого, сильного и сбалансированного роста.

Российское председательство уделяло большое внимание взаимодействию с партнерами: странами, не входящими в «двадцатку», международными органи-

---

¹⁰ Лидеры «Группы двадцати» (2013). Заявление лидеров по случаю пятилетия «Группы двадцати». URL: ru.g20russia.ru/load/782787133 (дата обращения: 12.02.2017).

зациями, а также группами-аутрич. Выстроенное взаимодействие с самого начала председательства позволило получить всестороннее видение вопросов повестки дня «двадцатки» и конкретные рекомендации со стороны мировых исследовательских центров (Think 20), гражданского общества (Civil 20), делового сообщества (Business 20), профсоюзов (Labour 20), и молодежи (Youth 20). Наиболее значимые рекомендации были отражены в документах и решениях «Группы двадцати». В значительной степени благодаря этому диалогу российскому председательству удалось обеспечить продвижение вперед по таким ключевым вопросам, как занятость, социальная защита и достижение инклюзивного роста.

В рамках российского председательства «Группа двадцати» подтвердила свою значимость как ведущего форума экономического сотрудничества. Одновременно петербургский саммит стал уникальной возможностью для поиска общих подходов к урегулированию конфликта в Сирии дипломатическим путем, не допуская расширения военных действий в САР. Саммит задал новый вектор развития, и создал возможности для объединения усилий «двадцатки» и международных организаций в целях разрешения конфликта дипломатическим путем. Включение данной темы в повестку дня петербургского саммита явилось необходимым ответом на острейший вызов, стоящий перед международным сообществом, а также подтверждением роли «Группы двадцати» как форума ведущих мировых лидеров.

Таким образом, сочетая роли политического лидера, организатора и посредника, российское председательство сумело вывести диалог на новый уровень качества и определить будущие направления работы форума [Ларионова et al. 2013].

Помимо четко сформулированной позиции России и активного взаимодействия с партнерами по «двадцатке» на всех уровнях и треках следует выделить и другие организационные, дипломатические, экспертные и политические факторы успеха работы России в «Группе двадцати».

Уже в марте 2010 г. распоряжением Президента РФ была создана Межведомственная комиссия по участию Российской Федерации в «Группе восьми» и «Группе двадцати». Комиссия способствовала межведомственной координации в процессе выработки предложений по приоритетам повестки дня «Группы двадцати», в обеспечении участия Президента Российской Федерации в ежегодных встречах глав государств и правительств стран, входящих в «Группу двадцати», в проведении единой линии представителей органов власти в мероприятиях «двадцатки», в реализации интересов Российской Федерации в «Группе двадцати»¹¹.

В январе 2012 г. за год до начала нашего председательства указом президента был образован Организационный комитет по подготовке и обеспечению председательства Российской Федерации в «Группе двадцати» в 2013 г.¹² Задачи оргко-

¹¹ Комиссия не работала активно, поскольку всю подготовительную работу вел созданный в январе 2012 г. указом президента Организационный комитет по подготовке и обеспечению председательства Российской Федерации в «Группе двадцати» в 2013 году. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&nd=102136325&page=1&rdk=1#Ю (дата обращения: 12.02.2017).

¹² Президент РФ (2013). Указ Президента Российской Федерации об Организационном комитете по подготовке и обеспечению председательства Российской Федерации в «Группе двадцати» в 2013 году. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102153612> (дата обращения: 12.02.2017).

митета включали обеспечение координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, участвующих в подготовке и осуществлении основных мероприятий, предусмотренных перечнем, разработанным в связи с председательством Российской Федерации в «Группе двадцати» в 2013 году; разработку концепции председательства; подготовку предложений по финансированию; обеспечение контроля за выполнением перечня основных мероприятий и целевым использованием финансовых средств, выделенных на эти цели.

Для проработки содержательных вопросов, связанных с председательством Российской Федерации в «Группе двадцати» в 2013 г., был сформирован экспертный совет организационного комитета во главе с российской шерпой.

Перечисленные организационные решения создали основу для системной работы, тесной межведомственной координации, а также возможность объединения для разработки концепции, проектов решений и других вопросов лучших российских экспертов из ведущих исследовательских структур России под руководством шерпы и офиса шерпы.

Чрезвычайная открытость шерпы и офиса шерпы сотрудничеству с социальными партнерами позволила интегрировать наиболее значимые для решения задач «Группы двадцати» предложения исследовательских центров, гражданского общества, делового сообщества, профсоюзов и молодежи в документы председательства. Структурированное взаимодействие в рамках председательства стало своего рода «лучшей практикой», воспринятой последующими председательствами, ответом на запрос в диалоге со стороны граждан, бизнеса, экспертного сообщества и важным инструментом повышения эффективности и прозрачности работы «Группы двадцати».

Для работы офиса шерпы и других российских участников «двадцатки» характерна высокая интенсивность взаимодействия с международными организациями. В подготовке материалов для российского председательства активно участвовали 14 международных организаций¹³. По итогам работы председательства лидеры согласовали 114 мандатов, передав 71 мандат международным организациям, 26 — различным органам национальной власти стран «двадцатки», 17 мандатов были переданы институтам самой «двадцатки».

Особое значение в продвижении приоритетов России в ходе выработки решений «двадцатки» имеет системная координация с партнерами стран БРИКС по вопросам повестки дня «Группы двадцати» как в рамках мероприятий самой

¹³ Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР); Международная организация труда (МОТ); Всемирная торговая организация (ВТО); Международный валютный фонд (МВФ); Организация Объединенных Наций и сопутствующие органы — Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) и Программа развития ООН (ПРООН); Совет по финансовой стабильности (СФС); Базельский комитет по банковскому надзору при Банке международных расчетов (БКБН); Международная организация комиссий по ценным бумагам (IOSCO); Совет по Международным стандартам финансовой отчетности (IASB), Всемирный банк (ВБ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР); Африканский банк развития (АБР) и другие международные институты, в том числе Глобальное партнерство по финансовой инклюзивности (GPFI).

БРИКС, так и на полях различных международных организаций и собственно «двадцатки». Хорошим примером стала позиция министров финансов БРИКС о перераспределении в пользу развивающихся стран 7% квот в МВФ и 6% квот в ВБ¹⁴, сформулированная в преддверии питтсбургского саммита «Группы двадцати». Не менее важным было заявление БРИКС в отношении недопустимости обсуждения вопроса об участии России в «Группе двадцати» на полях саммита по ядерной безопасности в Гааге в связи с попытками Австралии и других западных партнеров изолировать Россию¹⁵.

Таким образом, сформированы значительные дипломатические, экспертные и политические «активы» работы России в «Группе двадцати».

СТРАТЕГИЯ РОССИИ В ОТНОШЕНИИ «ГРУППЫ ДВАДЦАТИ»

В долгосрочной перспективе повестка дня «Группы двадцати» будет углубляться. Одновременно усилится взаимосвязанность вопросов. Продолжится капитализация лидерского потенциала форума. Его максимальное использование в интересах России и предполагает реализацию комплекса задач, как по конкретным направлениям сотрудничества, так и задач системного характера (см. табл. 2).

Таблица 2

Целевое состояние и задачи по его достижению
The target state and tasks for achieving it

Целевое состояние / Target state	Задачи / Tasks
Дальнейшее повышение влияния РФ в «Группе двадцати» и использование площадки форума для облегчения / постепенного снятия рисков, связанных с геополитическим напряжением	<ul style="list-style-type: none"> ◆ Формирование предложений, отвечающих интересам РФ и партнеров по «двадцатке» ◆ Координация позиций с БРИКС и другими развивающимися странами без противопоставления своих приоритетов интересам «Группы семи» и примыкающих к ней развитых государств ◆ Использование площадки для двусторонних диалогов ◆ Мобилизация потенциала «двадцатки» для выработки решений по возникающим кризисным ситуациям и новым вызовам ◆ Взаимодействие с профильными международными организациями в процессе выработки и реализации согласованных решений
Использование форума для решения задачи формирования новой модели экономического развития	<ul style="list-style-type: none"> ◆ Реализация решений, рекомендаций, всего арсенала наработок «двадцатки» по осуществлению структурных реформ для выработки и реализации политики в различных сферах (развитие конкурентной среды, повышение производительности труда, повышение уровня участия в рабочей силе женщин и молодежи) ◆ Исполнение обязательств по обеспечению фискальной консолидации и макроэкономической стабильности ◆ Реализация комплекса мер бюджетно-налогового, денежно-кредитного и структурного характера, предусмотренных стратегией роста ◆ Исполнение обязательств по созданию качественных и производительных рабочих мест ◆ Реализация национального плана занятости

¹⁴ Итоговое коммюнике встречи министров финансов и глав центральных банков БРИК. 4 сентября 2009. <http://www.ganepa.ru/images/media/brics/ruspresidency1/finance%202009.pdf> (дата обращения: 12.02.2017).

¹⁵ BRICS Ministers Meet on the Sidelines of the Nuclear Security Summit in the Hague, March 24, 2014. URL: <http://www.brics.utoronto.ca/docs/140324-hague.html> (accessed: 12.02.2017).

Продолжение таблицы 2

Целевое состояние / Target state	Задачи / Tasks
Содействие интеграции российской экономики в мировую систему (торговля, финансовое регулирование, инвестиции), включая создание конкурентоспособного финансового центра	<ul style="list-style-type: none"> ◆ Реализация курса на либерализацию торговой и инвестиционной среды, устранение трансграничных барьеров, упрощение процедур торговли ◆ Обеспечение комплементарного характера двусторонних и региональных торговых соглашений по отношению к многосторонней торговой системе, а также их открытости, транспарентности, инклюзивности и соответствию правилам ВТО ◆ Интеграция в глобальные цепочки добавленной стоимости; выход на более конкретный набор принципов и рекомендаций в сфере международных инвестиций ◆ Сотрудничество с партнерами по «двадцатке» по реализации плана действий ОЭСР/G20 по борьбе с размыванием налоговой базы и перемещением прибыли ◆ Завершение согласования решений по совершенствованию финансового регулирования и последовательное внедрение уже согласованных реформ финансового регулирования (включая стандарт Базель III, эффективные режимы урегулирования несостоятельности; внедрение принципов для инфраструктурных организаций финансового рынка)
Содействие интеграции в мировую энергетическую систему	<p>Сотрудничество с партнерами по «двадцатке» для формирования «отлаженных, открытых, конкурентоспособных, результативных, стабильных и прозрачных энергетических рынков» на основе согласованных документов:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) принципов «Группы двадцати» в сфере энергетического сотрудничества и плана действий «Группы двадцати» по энергетической эффективности (Брисбен); 2) плана действий «Группы двадцати» по обеспечению доступа к энергетике: добровольное сотрудничество в области обеспечения доступа к энергетике, с использованием инструментария «Группы двадцати» для добровольного внедрения возобновляемых источников энергии (Анталия); 3) добровольного плана действий «Группы двадцати» по возобновляемым источникам энергии и руководящей программы «Группы двадцати» по энергоэффективности (Ханчжоу); 4) увязка энергетической и экологической проблематики (для привлечения новейших энерго- и ресурсосберегающих технологий)
Использование участия в «Группе двадцати» для развития инфраструктуры и создания условий для притока прямых иностранных инвестиций	<ul style="list-style-type: none"> ◆ Реализация государственных инвестиционных стратегий, в том числе, обязательств по созданию условий, стимулирующих частные инвестиции ◆ Исполнение обязательств «двадцатки» по улучшению инвестиционной среды, содействию долгосрочному финансированию, стимулированию участия институциональных инвесторов, поддержке развития альтернативных инструментов на рынке капитала и моделей финансирования, обеспеченного активами ◆ Эффективное выполнение принципов «Группы двадцати» и ОЭСР по корпоративному управлению ◆ Мобилизация ресурсов многосторонних банков развития (МБР) ◆ Поддержка альянса для глобального сопряжения инфраструктуры
Использование «двадцатки» для учета позиций России при формировании правил сотрудничества на мировых рынках высокотехнологичных товаров и услуг и содействия качественному скачку в уровне технологического развития страны	<p>Реализация потенциала сотрудничества, заложенного документами, принятыми в Ханчжоу:</p> <ul style="list-style-type: none"> ◆ контуров инновационного роста «Группы двадцати», ◆ плана действий по инновациям, ◆ плана действий «Группы двадцати» по новой индустриальной революции, ◆ инициативы «Группы двадцати» по развитию и сотрудничеству в области цифровой экономики; ◆ развитие сотрудничества по созданию открытой торговли и инвестиционных режимов для поощрения инноваций посредством защиты прав на интеллектуальную собственность; ◆ поддержка трансфера технологий и обмена знаниями

Целевое состояние / Target state	Задачи / Tasks
Повышение эффективности и легитимности МФС	<ul style="list-style-type: none"> ◆ Реализация задачи завершения 15-го общего обзора квот, включая своевременный пересмотр новой формулы расчета квот и соответственно увеличения долей динамично развивающихся экономик ◆ Усиление Глобальной сети финансовой безопасности (GFSN) с сильными, основанными на квотном капитале, адекватно обеспеченными финансовыми ресурсами МВФ в центре этой системы, обладающими более действенным набором инструментов, а также более эффективным взаимодействием с региональными финансовыми механизмами (RFA) с учетом их мандатов ◆ Расширение использования СДР, например, при составлении отчетности и выпуске облигаций, деноминированных в СДР, как способе усиления устойчивости финансовой системы ◆ Проведение обзора акционерного капитала ГВБ в соответствии с целью достижения справедливого распределения голо-сов с течением времени ◆ Продвижение разумных и устойчивых практик финансирования ◆ Совершенствование процессов реструктуризации долга
Содействие реализации ЦУР	<ul style="list-style-type: none"> ◆ Реализация плана действий «Группы двадцати» по осуществлению повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г., прежде всего, в сферах, где Россия имеет сложившиеся преимущества: борьба с инфекционными заболеваниями, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства и продовольственной безопасности, финансовая грамотность и финансовая доступность, образование, энергетическая доступность ◆ Развитие системы подотчетности
Использование лидерского потенциала «Группы двадцати» для решения существующих проблем / придания импульса приоритетным для РФ инициативам в многосторонних организациях через продвижение и формирование соответствующих инициатив «двадцатки» и передачу мандата на их реализацию в международные организации	<p>Например, использование «двадцатки» для развития взаимодействия с ОЭСР и влияния на разрабатываемые ОЭСР инициативы в рамках:</p> <ul style="list-style-type: none"> ◆ целевой группы «двадцатки» для продвижения повестки дня в области инноваций, новой индустриальной революции и цифровой экономики при поддержке ОЭСР и других соответствующих международных организаций (2016); ◆ глобального форума по вопросу избыточных мощностей в металлургии; ◆ кодекса ОЭСР по либерализации движения капитала

Источник: расчеты авторов

Эффективное использование механизмов «двадцатки» для реализации приоритетов России потребует капитализации сформированных дипломатических, экспертных и политических активов работы России в «Группе двадцати»:

— усиления межведомственного взаимодействия при планировании и участии в «Группе двадцати», с учетом приоритетов участия в других международных организациях, прежде всего БРИКС и АТЭС, например, путем функционирования межведомственной комиссии;

— всесторонней проработки вопросов текущей и будущей повестки дня, в том числе на основе анализа исполнения решений, мониторинга и прогноза ключевых тенденций;

— повышения уровня приоритетности вопросов, связанных с работой в «Группе двадцати», для всех вовлеченных российских участников через соответствующие поручения Президента России;

— создания экспертного совета для поддержки участия РФ в «двадцатке», АТЭС и БРИКС, эффективно работавшего во время председательства России в АТЭС в 2012 г. и в «двадцатке» в 2013 г.;

— создания системы взаимодействия с представителями делового, академического сообществ и гражданского общества как в России, так и за рубежом с целью использования потенциала взаимодействия с аутрич-группами (B20, L20, T20 и др.) продвижения позиций России;

— регулярного и объективного освещения в России и за рубежом вклада России в работу «двадцатки» и достижений сотрудничества;

— системного анализа приоритетов России в рамках многосторонних организаций для формирования и продвижения инициатив «двадцатки», отвечающих интересам России, т.е. использования лидерского потенциала «Группы двадцати» для «расшивки» существующих проблем в указанных многосторонних организациях через продвижение и формирование инициатив «двадцатки», отвечающих интересам РФ;

— укрепления взаимодействия с международными организациями по вопросам повестки дня «Группы двадцати»;

— дальнейшей координации с партнерами из стран БРИКС и других развивающихся экономик по вопросам повестки дня «Группы двадцати» как в рамках мероприятий самой БРИКС, так и на полях различных международных организаций и собственно «двадцатки»;

— последовательного анализа позиций стран — членов «Группы двадцати» и результатов работы (достижений и трудностей) в рамках каждого из председательств.

Таким образом, стратегия максимального использования потенциала «двадцатки» потребует мобилизации кадровых, организационных, финансовых ресурсов. Однако, такой подход позволит преодолеть внешние риски для продвижения приоритетов России: снижение доли экономики России в мировом ВВП; сохранение геополитического напряжения; возникновение новых центров силы, усиление противоречий между развитыми и развивающимися странами в «двадцатке» и снижение уровня консенсуса в «Группе двадцати».

Уменьшающаяся доля российской экономики в мировом ВВП не способствует росту влияния России в «двадцатке». В краткосрочной перспективе темпы экономического роста России будут отставать от темпов роста мировой экономики. Так, по оценке Всемирного банка, в 2017 и 2018 гг. темпы роста российской экономики составят 1,4 и 1,8% соответственно. В то же время темпы роста мировой экономики составят 2,8 и 3,0%, а темпы роста стран с формирующимися и развивающимися экономиками — 4,4 и 4,7% [World Bank 2016]. В долгосрочной перспективе, по оценкам консалтинговой компании «PwC», Россия сохранит место в первой десятке стран мира по объему ВВП в текущих ценах. В 2030 г. страна займет 9-е место с объемом ВВП 3,323 трлн долларов США, а в 2050 г. — 8-е место с объемом ВВП 6,610 трлн долларов США [PwC 2015]. При этом увеличится разрыв между Россией и странами первой тройки: Китаем, Индией и США.

Негативный фон в отношениях с наиболее развитыми странами Запада создает неблагоприятные условия для продвижения национальных интересов в рамках «Группы двадцати». Западные страны препятствуют сотрудничеству ряда международных организаций с Россией. В марте 2014 г. приостановлен процесс присоединения России к ОЭСР. В июле 2014 г. представители Министерства финансов США прямо заявили о том, что США будут выступать против предоставления кредитов и реализации инвестиционных проектов в России по линии Всемирного банка. Такую же позицию заняли представители Министерства финансов Канады. Правительства европейских стран рассматривали возможность присоединиться к позициям североамериканских партнеров¹⁶. В сентябре 2016 г. Международный валютный фонд принял положительное решение о выделении Украине очередного кредитного транша в размере 1 млрд долларов США в рамках кредитной линии, одобренной в марте 2015 г. на сумму 17,5 млрд долларов США¹⁷, несмотря на то что Украина не выполнила все условия получения транша, в частности Россия так и не получила официального обращения от украинской стороны о начале процесса переговоров по реструктуризации долга в размере 3 млрд долларов США, выделенных в декабре 2013 г. на покупку украинских еврооблигаций, при том что правила МВФ предполагают, что должник, претендующий на поддержку фонда, должен предпринимать необходимые действия для урегулирования ситуации с кредитором. Введение в 2014 г. западными странами в отношении России санкций, связанных с запретом на поставки определенных видов высокотехнологичного оборудования и на предоставление кредитов российским системообразующим компаниям, не способствует укреплению партнерских отношений в международных организациях; противоречит принимаемым декларациям и другим документам, в которых фиксируются обязательства сторон по либерализации внешнеэкономической политики.

Изменение ситуации и приоритетов в международных организациях. Появление новых центров влияния в укрепляющемся многополярном мире, прежде всего, стран с формирующимися экономиками сопровождается активной международной политикой некоторых из них, прежде всего Китая. Изменяется расстановка сил внутри сложившихся международных организаций, меняются подходы к решению задач¹⁸. Создаются новые институты. Возрастает риск фрагментации

¹⁶ U.S., Canada to Oppose World Bank Aid Projects in Russia. URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2014-07-24/u-s-canada-to-oppose-world-bank-development-projects-in-russia> (accessed: 12.02.2017).

¹⁷ IMF Executive Board Completes the Second Review under EFF with Ukraine, Approves US\$1 Billion Disbursement, and Discusses Ex-Post Evaluation of 2014-15 SBA. URL: <http://www.imf.org/en/news/articles/2016/09/14/pr16407-ukraine-imf-executive-board-completes-the-second-review-under-eff> (accessed: 12.02.2017).

¹⁸ Так, в рамках Дохийского раунда переговоров начинается обсуждение возможности изменения принципа единого пакета. В настоящее время отказ от принципа кажется весьма умозрительным, однако в условиях продолжающегося торможения переговоров риск дробления единого пакета вполне реален. Какова позиция России по данному вопросу? Какие риски несет отказ от принципа единого пакета для нашего участия? Ответ на эти вопросы поможет сформулировать линию поведения России по Дохийским переговорам в «двадцатке».

усилий. Кроме того, предполагаемое к 2050 г. закрепление Китая в роли лидера мировой экономики и выход Индии на третье место по размеру экономики (а по объему ВВП по паритету покупательной способности — на второе место)¹⁹ могут создать ситуацию, когда эти две страны будут во многом определять повестку дня международных организаций. Возникает риск и участия в работе организаций, приоритеты которых формируются другими акторами.

Необходимость учета интересов других государств. Усиление противоречий между развитыми и развивающимися странами в «двадцатке» в контексте дальнейшего устойчивого роста экономик развивающихся стран связано с риском снижения уровня консенсуса при принятии решений. И как следствие с низким уровнем исполнения принятых обязательств и снижением эффективности форума.

***

Стратегия максимального использования потенциала «двадцатки» в условиях продолжающегося слабого экономического роста²⁰ и значительной конкуренции за бюджетные ресурсы может проиграть менее ресурсоемкому варианту: стратегии сохранения статус-кво. Однако выбор в ее пользу безальтернативен, если мы хотим преодолеть сохраняющиеся и потенциальные внешние риски для реализации национальных приоритетов России в «Группе двадцати». Кроме того, она позволяет капитализировать сильные стороны «двадцатки» и в полной мере использовать ее возможности, скомпенсировать слабые стороны и минимизировать риски «Группы двадцати», в сжатом виде представленные в табл. 3.

Таблица 3

**«Группа двадцати». SWOT анализ
The G20. SWOT Analysis**

Сильные стороны / Strengths	Слабые стороны / Weak sides	Возможности / Capabilities	Риски / Risks
Центральная роль «двадцатки» в системе глобального экономического управления	Расширяющаяся повестка дня	Влияние на глобальные и региональные экономические и торговые режимы	Снижение эффективности в результате расширения повестки; возникновение конкурирующих институтов в ответ на растущее влияние повестки и решений «двадцатки» на страны — не члены

¹⁹ По оценкам все той же консалтинговой компании PwC [PwC 2015], в период до 2050 г. по темпам экономического роста Россия будет уступать всем странам БРИК. Если китайская экономика в 2014 г. была крупнее российской в 5 раз (по объему ВВП в текущих ценах), то в 2030 г. разрыв вырастет до 8 раз, а в 2050 г. — до 8,1 раз. Если индийская экономика в 2014 г. была равна по объемам российской экономике, то в 2030 г. она будет крупнее в 2,2 раза, а в 2050 г. — в 4,2 раза. Если бразильская экономика в 2014 г. была крупнее российской на 9%, то в 2030 г. разрыв вырастет до 22%, а в 2050 г. — до 29%. В то же время российская экономика по темпам роста будет опережать многие развитые страны. Так, если экономика США в 2014 г. была крупнее российской в 8,5 раз, то в 2030 г. разрыв сократится до 7,6 раз, а в 2050 г. — до 6,3 раз.

²⁰ В перспективе 2014—2050 г. по оценкам PwC средний рост населения в России составит –0,5%, средний рост ВВП на человека составит 2,6%, средний рост ВВП в год (в рублях) будет 2,1% [PwC 2015].

Окончание таблицы 3

Сильные стороны / Strengths	Слабые стороны / Weak sides	Возможности / Capabilities	Риски / Risks
Сложившаяся модель внутреннего взаимодействия как «концерта равных»	Сохранение различий в подходах между развитыми (G7) и развивающимися странами (БРИКС)	Выработка приемлемых для всех участников решений и повышение эффективности и легитимности	Усиление противоречий между членами в контексте дальнейшего устойчивого роста экономик развивающихся стран
Потенциал выработки и реализации комплексных решений	Не готовность принимать выработываемые «двадцаткой» решения вследствие «непредставленности» стран	Усиление форматов взаимодействия с приглашенными странами	Снижение уровня легитимности решений
Способность действовать как антикризисный механизм	Непрозрачность принятия решений	Укрепление потенциала преодоления кризисов	Неэффективность в посткризисный период; деградация потенциала «двадцатки» как форума глобального экономического управления
Способность работать над решением общих задач с учетом понимания наличия различий	Размытые формулировки решений в результате учета различий в позициях членов	Повышение уровня исполнения решений и эффективности как следствия учета интересов различных участников	Снижение уровня консенсуса или принятие решений формальным консенсусом и, как следствие, низкий уровень исполнения решений
Возможность использования потенциала многосторонних международных организаций	Международные организации могут быть проводниками интересов какой-то группы членов «двадцатки»	Усиление эффективности и легитимности без дальнейшей институционализации «двадцатки»	Использование формата «Группы двадцати» многосторонними организациями и их членами для проталкивания своих приоритетов
Сложившаяся система взаимодействия с социальными партнерами	Усталость и разочарование социальных партнеров в случае отсутствия эффективного диалога	Демократизация «двадцатки», повышение прозрачности и открытости	Использование социальных партнеров отдельными членами «двадцатки» для придания легитимности и продвижения своих интересов
Сложившаяся система мониторинга принятых решений	Использование peer review (процесса взаимной оценки) как инструмента давления Неисполнение решений	Повышение уровня исполнения принятых решений	Снижение уровня исполнения принятых решений
Исполнение решений	—	—	—

Источник: расчеты авторов

К 2026 г. все страны — члены «Группы двадцати» успеют побывать в роли председателя, и начнется новый цикл деятельности «двадцатки» (считая с первой встречи на уровне глав государств и правительств в 2008 г.). В горизонте до 2035 г. Россия сможет принять председательство во второй раз (см. Приложение), что позволит максимально использовать потенциал форума для реализации национальных приоритетов с учетом накопленного опыта, укрепления сложившихся факторов успеха и тщательного анализа предыдущих председательств.

Благодарность: Исследование выполнено в рамках проекта «Средне- и долгосрочное развитие институтов и механизмов евроазиатской интеграции и укрепление роли России в международных организациях и форумах».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ларионова М.В. «Группа двадцати» и международные организации: взаимодействие для обеспечения сильного, устойчивого и сбалансированного роста // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017а. Т. 12 (2). (в печати).
- Ларионова М.В. Ханчжоуский консенсус: наследие для Китая, «Группы двадцати» и мира // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2017б. Т. 12 (3) (в печати).
- Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Сафонкина Е.А., Сахаров А.Г., Шелепов А.В. Председательство Российской Федерации в «Группе двадцати»: в поисках баланса и путей обеспечения фискальной устойчивости и уверенного роста // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2013. Т. 8 (4). С. 122—179.
- Сафонкина Е.А. Модели взаимодействия форума «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС) с международными институтами в процессе осуществления многостороннего управления // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17 (1). С. 122—136. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-122-136.
- Шелепов А.В. БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10 (4). С. 7—28. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-04-07.
- Hajnal P. The G20: Evolution, Interrelationships, Documentation. Farnham: Ashgate; 2014.
- International Peace Institute. UN 2030: Rebuilding Order in a Fragmenting World. Chair's Report. Independent Commission on Multilateralism. URL: <https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2016/08/IPI-ICM-UN-2030-Chairs-Report2FINAL.pdf> (accessed: 14.12.2016).
- Kirton J. G20 Governance for a Globalized World. Farnham: Ashgate; 2013.
- Lamy P. The Past, Present and Future of Global Governance, 2015. URL: <http://www.globalpolicyjournal.com/blog/10/04/2015/past-present-and-future-global-governance> (accessed: 14.12.2016).
- OECD. International Regulatory Co-operation. The Role of International Organisations in Fostering Better Rules of Globalisation, 2016.
- OECD. Policy Challenges for the Next 50 Years, 2014. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/economics/policy-challenges-for-the-next-50-years_5jz18gs5fckf-en?crawler=true (accessed: 14.12.2016).
- Putnam R., Bayne N. Hanging Together. Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits. London: Sage Publications; 1987.
- PwC. The World in 2050: Will the shift in global economic power continue? 2015. URL: <http://www.pwc.com/gx/en/issues/the-economy/assets/world-in-2050-february-2015.pdf> (accessed: 14.12.2016).
- World Bank. Global Economic Prospects: Divergences and Risks. June 2016. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/842861463605615468/Global-Economic-Prospects-June-2016-Divergences-and-risks.pdf> (accessed: 14.12.2016).

Дата поступления статьи: 03.03.2017

Для цитирования: Ларионова М.В. Россия в «Группе двадцати»: факторы успеха и задачи на будущее // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 349—371.

Сведения об авторе: Ларионова Марина Владимировна — директор Центра исследований международных институтов (ЦИМИ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (e-mail: larionova-mv@ranepa.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-349-371

RUSSIA IN G20: FACTORS OF SUCCESS AND OBJECTIVES FOR THE FUTURE

M.V. Larionova

Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

Abstract. Globalization and technological changes of the recent decade led to powerful transformations in the society, creating huge opportunities for economic and social development. Simultaneously these political, economic, social and technological shifts bring new challenges: enhanced mutual vulnerability of states; growing inequality; macroeconomic and financial instability; rise of terrorism; unbalanced growth of population and employment; waves of migration; increased rate of pandemic diseases diffusion; climate change and growing competition for resources. To prevent and manage the threats it is vital to ensure efficiency of the global governance system. Though lacking in legitimacy G20, set up in response to the global economic and financial crisis, has proved its efficiency in crafting and implementing consensus based decisions with a catalytic impact for global governance. Russia has a very strong track record in the G20 and it is vital to build on the success. The article reviews the G20 role in the global governance system and examines the factors of Russia's success in the G20. Looking into the future, the author outlines G20 future agenda; proposes a strategy and a set of measures which would maximize G20 utility for Russia.

Content analysis of the G20 documents, Russia's national G20-related documents, interviews and statements is carried out to track whether Russia' priorities in G20 have been achieved. Historical overview of G20 performance and Russia's work in the G20 is undertaken to identify success factors. The G20 SWOT analysis is applied to reveal G20 strengths and opportunities and identify weaknesses and threats. Results of the SWOT analysis are used to develop a proposal for Russia's strategy with regard to the G20.

Drawing on the long-term forecasts, assessment of the G20 performance so far and its engagement with the other international organizations, the author makes an assertion that G20 agenda will deepen in the long-term, the demand for a cross-cutting approach to the new challenges will grow, alongside with the demand for the forum's leadership in global governance. The article highlights decisions, recommendations and provisions spelt out in G20 key documents (including national growth strategy and employment plan) and G20 commitments on financial regulation, trade, infrastructure investment, energy and innovations which can contribute to development of a new model of the country growth and its integration into the world system.

The author proposes a strategy which should maximize G20 effectiveness for Russia consolidating significant diplomatic, expertise and political assets Russia has already accrued in the G20 process, arguing that though such strategy will require organizational, financial and human resources mobilization, it will allow overcome existing and potential risks for promoting Russia' priorities, such as declining share of the world GDP, geopolitical tensions, rise of new powers, aggravation of tensions between developed and developing countries and sliding level of consensus in the G20.

Key words: G20, Russia, global governance, G20 SWOT analysis, Russia's priorities, G20 commitments, international organizations, external risks, demand for G20 leadership

Acknowledgements: The research was carried out in the framework of the project "Mid- and long-term development of institutions and mechanisms of Euro-Asian integration and strengthening Russia's role in international organizations and fora".

REFERENCES

- Hajnal, P. (2014). *The G20: Evolution, Interrelationships, Documentation*. Farnham: Ashgate.
- International Peace Institute (2016). *UN 2030: Rebuilding Order in a Fragmenting World. Chair's Report. Independent Commission on Multilateralism*. URL: <https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2016/08/IPI-ICM-UN-2030-Chairs-Report2FINAL.pdf> (accessed: 14.12.2016).

- Kirton, J. (2013). *G20 Governance for a Globalized World*. Farnham: Ashgate.
- Lamy, P. (2015). *The Past, Present and Future of Global Governance*. URL: <http://www.globalpolicyjournal.com/blog/10/04/2015/past-present-and-future-global-governance> (accessed: 14.12.2016).
- Larionova, M. V. (2017a). G20: Engaging with International Organizations to Generate Growth. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 12 (2) (forthcoming). (in Russ.).
- Larionova, M. V. (2017b). The Hangzhou Consensus: Legacy for China, G20 and the World. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 12 (3) (forthcoming). (in Russ.).
- Larionova, M. V., Rakhmangulov, M. R., Safonkina, E. A., Sakharov, A. G. & Shelepov, A. V. (2013). The Russian Federation G20 Presidency: in Pursuit of a Balance between Fiscal Consolidation and Sustainable Growth. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 8 (4), 122—179. (in Russ.).
- OECD (2014). *Policy Challenges for the Next 50 Years*. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/economics/policy-challenges-for-the-next-50-years_5jz18gs5fckf-en?crawler=true (accessed: 14.12.2016).
- OECD (2016). *International Regulatory Co-operation. The Role of International Organisations in Fostering Better Rules of Globalisation*.
- Putnam, R. & Bayne, N. (1987). *Hanging Together. Cooperation and Conflict in the Seven-Power Summits*. London: Sage Publications.
- PwC (2015). *The World in 2050: Will the shift in global economic power continue?* URL: <http://www.pwc.com/gx/en/issues/the-economy/assets/world-in-2050-february-2015.pdf> (accessed: 14.12.2016).
- Safonkina, E. A. (2017). Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC): Models of Engagement with International Institutions in the Process of Regional Governance. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (1), 122—136. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-1-122-136. (in Russ.).
- Shelepov, A. V. (2015). BRICS and International Institutions: Models of Engagement in Global Governance. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 10 (4), 7—28. (in Russ.). DOI: 10.17323/1996-7845-2015-04-07.
- World Bank (2016). *Global Economic Prospects: Divergences and Risks*. June. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/842861463605615468/Global-Economic-Prospects-June-2016-Divergences-and-risks.pdf> (accessed: 14.12.2016).

Received: 03.03.2017

For citations: Larionova, M.V. (2017). Russia in G20: Factors of Success and Objectives for the Future. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17(2), 349—371.

About the author: Larionova Marina Vladimirovna — Head of the Center for International Institutions Research (CIIR), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА) (e-mail: larionova-mv@ranepa.ru).

© Ларионова М.В., 2017

**Порядок председательств в «Группе двадцати» (2008—2035 гг.)
G20 presidencies' rotation (2008—2035)**

Год / Year	Страна-председатель / Country Chair	Саммит / Summit
2008	США / USA	14—15 ноября 2008, Вашингтон / November 14—15, 2008, Washington
2009	Великобритания / United Kingdom	1—2 апреля 2009, Лондон / 1—2 April 2009, London
	США / USA	24—25 сентября 2009, Питтсбург / 24—25 September 2009, Pittsburgh
2010	Канада / Canada	26—27 июня 2010, Торонто / June 26—27, 2010, Toronto
	Республика Корея / The Republic of Korea	11—12 ноября 2010, Сеул / 11—12 November 2010, Seoul
2011	Франция / France	3—4 ноября 2011, Канны / November 3—4, 2011, Cannes
2012	Мексика / Mexico	18—19 июля 2012, Лос-Кабос / July 18—19, Los Cabos
2013	Россия / Russia	5—6 сентября 2013, Санкт-Петербург / September 5—6, 2013, St. Petersburg
2014	Австралия / Australia	15—16 ноября 2014, Брисбен / 15—16 November 2014, Brisbane
2015	Турция / Turkey	15—16 ноября 2015, Анталья / 15—16 November 2015, Antalya
2016	Китай / China	4—5 сентября 2016, Ханчжоу / 4—5 September 2016, Hangzhou
2017	Германия / Germany	7—8 июля 2017, Гамбург / 7—8 July 2017, Hamburg
2018	Аргентина / Argentina	Буэнос-Айрес / Buenos Aires
2019	Индия / India	Уточняется / To be specified
2020	Последовательность председательств подлежит согласованию /	Бразилия / Brazil
2021		Индонезия / Indonesia
2022		Италия / Italy
2023		Саудовская Аравия / Saudi Arabia
2024		ЮАР / South Africa
2025		Япония / Japan
2026		ЕС / EU
2027		США / USA
2028	Великобритания / United Kingdom	
2029	Канада / Canada	
2030	Республика Корея / The Republic of Korea	
2031	Франция / France	
2032	Мексика / Mexico	
2033	Россия / Russia	
2034	Австралия / Australia	
2035	Турция / Turkey	

Источник: расчеты авторов.

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-372-382

СТЕРЕОТИПНЫЕ ВИЗУАЛЬНЫЕ СИМВОЛЫ КАК СРЕДСТВО КОНСОЛИДАЦИИ ОБЩЕСТВЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ ГЕНОЦИДА

Е.А. Иванова, С.В. Куликов, А.А. Сульженко

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

В данной статье представлены результаты исследования, посвященного стереотипным визуальным символам как составляющей комплекса корпоративной идентичности организаций, деятельность которых направлена на борьбу с геноцидом, а также на достижение международного признания таких преступлений. Актуальность исследования обоснована в результате выявленного сходства современных инструментов визуального выделения уникальных характеристик организаций с многовековой практикой противопоставления друг другу противников. Доказана эффективность использования стереотипных визуальных символов в качестве средства консолидации общественности в борьбе против геноцида, что является целью данного исследования. Методом структурного анализа и семиотического подхода авторами исследованы визуальные символы, используемые как средство трансляции закодированного в ключевое послание общественного мнения в рамках деятельности организаций по борьбе с геноцидом. Исследованные визуальные символы были определены как средство стереотипного воздействия на массовую аудиторию, что позволило говорить об эффективности таких символов в решении задач в рамках массовых коммуникаций. В ходе обобщения и систематизации полученных данных выявлены наиболее часто используемые символы, включающие в себя коды отдельных культур, что позволило сделать вывод о стереотипном распространении таких символов в контексте борьбы против геноцида и его международного признания.

Ключевые слова: стереотипные визуальные символы, стереотипное воздействие, стереотип, символ, международное признание геноцида, геноцид, логотип, корпоративная идентичность

Стереотипные визуальные символы как составляющая комплекса корпоративной идентичности организации применяются в различных сферах деятельности в качестве инструмента формирования уникального образа объекта и средства трансляции ключевого послания аудитории. Сопоставив случаи визуального выделения сторон в ходе военных действий из исторической практики с современными инструментами трансляции отличительных черт организаций, мы обосновали *актуальность исследования*.

Проанализировав визуально-графические элементы идентичности современных организаций, деятельность которых связана с защитой прав человека и обусловлена фактами совершения геноцида, мы выдвинули предположение о возмож-

ности использования стереотипных визуальных символов как средства консолидации международных общественных сил в борьбе против таких конфликтов, что явилось *гипотезой* данного исследования.

В ходе исследования нами достигнута *цель* работы — доказать эффективность использования стереотипных визуальных символов как средства трансляции массовой аудитории идеи борьбы против геноцида и достижения международного признания фактов совершения таких преступлений.

Объектом данного исследования являются визуальные средства как элемент комплекса идентичности организации, *предметом* — определенные стереотипные визуальные символы, использующиеся при борьбе против геноцида.

Научная новизна исследования состоит в выявлении стереотипных визуальных символов, наиболее часто повторяющихся в логотипах организаций по борьбе с геноцидом.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЛОГОТИПОВ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО БОРЬБЕ С ГЕНОЦИДОМ

Визуально-графические символы в историческом контексте

В ходе данного исследования мы рассмотрели логотипы организаций, деятельность которых направлена на предупреждение геноцида, международное признание и борьбу с последствиями преступлений против определенных национальных, этнических, религиозных или расовых групп, что является определением геноцида согласно «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него», принятой Генеральной ассамблеей Организации Объединенных Наций (ООН) от 9 декабря 1948 г.¹ Признание ООН геноцида как международного преступления отразилось на правовом статусе конфликтов, сделав такое преступление международным с юридической точки зрения и тем самым, по мнению кандидата экономических наук Я. Мищенко, поставив вопрос о международном признании подобных преступлений, например, геноцида армянского народа в 1915 г. [Мищенко 2015] В данной статье мы приводим примеры логотипов отдельных организаций; под логотипами (англ. *logotypes*) мы понимаем схематичные комбинации шрифта, цвета и/или символов [Starling 2011], являющиеся фирменными изображениями организаций. С помощью метода структурного анализа и семиотического подхода мы определили и описали составляющие исследованных логотипов, а также значение их отдельных элементов, что позволило нам решить одну из задач исследования — выявить включение стереотипных визуальных символов в логотипы организаций по борьбе с геноцидом.

Необходимо отметить, что под визуальными символами (англ. *visual symbols*) мы понимаем «семиотические конденсаторы», указывающие на содержание знака и его составляющие [Лотман 1992], наблюдаемые зрительно. Стереотипными сим-

¹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 22.12.2016).

волы являются при их использовании как средства трансляции закодированного в ключевое послание общественного мнения, основанного на предшествующем историческом и социальном опыте. Это обусловлено определением стереотипа (англ. *stereotype*) как образца восприятия, интерпретации информации при взаимодействии с окружающим миром [Lippmann 2010]. Таким образом, стереотипные визуальные символы — это визуальные знаки, включающие в себя определенное семиотическое значение и выражающие его, распространяемые стереотипно, или по определенному шаблону, в определенном контексте.

Проанализировав исторические предпосылки появления элементов корпоративной идентичности организаций, методом исторической ретроспекции нами выявлены случаи визуальной идентификации сторон в ходе военных действий. Например, римские легионы (организационная единица в армии Древнего Рима) имели отличительные знаки, или штандарты, которые включали в себя специфические символы и служили как средство объединения воинов, принадлежащих к определенному легиону [Зелинский 2002]. В результате мы пришли к выводу, что стереотипные визуальные символы как визуальная форма воспроизведения существующих в исторической общности стереотипов повторяются в определенном контексте по заданному шаблону.

Рис. 1. Символ «Звезда Давида»
The Star of David symbol

Источник: Star of David. Freepik — Free graphic resources for designers. Available at: http://www.freepik.com/free-icon/star-of-david-ios-7-interface-symbol_751350.htm (date of access: 24.12.2016)

Например, один из наиболее известных случаев — Звезда Давида (рис. 1), знак в виде шестиконечной звезды, который является символом иудаизма, изображен на государственном флаге Израиля и выступает в роли идентификатора принадлежности носителя такого знака к еврейской культуре. Другой широко известный символ, нацистская свастика, графическое изображение креста с загнутыми под прямым углом концами, в первой половине XX в. утратил свое первоначальное значение древнего знака Солнца и стал считаться эмблемой нацистского движения в Германии периода 20—40 гг. XX в.

В приведенных выше примерах символы использовались как визуально-графические элементы идентичности движений/объединений и их идеологий, одновременно являясь средством распространения ключевого послания в рамках пропагандистских и агитационных кампаний, а также составляющей комплекса средств воздействия на массовое сознание в ходе информационных войн. Вне зависимости от целей логотипы как визуально-графические элементы являются составляющей корпоративной идентичности (англ. *corporate identity*) организации, движения, объединения, определяемой как набор «определенных черт, стимулирующих целостное восприятие этой организации в сознании внешней аудитории» [Крылов 2014].

Исследование стереотипных визуальных символов как средства консолидации общественности в контексте признания факта совершения геноцида, по нашему мнению, является перспективным с точки зрения предотвращения таких конфликтов. В статье «Признание, перераспределение и свобода» (“Recognition, redistribution and liberty”) англоязычные авторы Анна Д. Коллинз и Джеймас Джером Лим утверждают, что признание — это важный этап процесса установления мирных социальных отношений, в частности, в результате межэтнических конфликтов [Collins, Lim 2010]. Помимо борьбы с последствиями уже совершенных преступлений геноцида стереотипные визуальные символы могут быть использованы как средство привлечения внимания к проблеме, а также тиражирования информации массовой аудитории о недопустимости совершения таких преступлений. Распространение идеи о негативных последствиях конфликтов в прошлом может способствовать предотвращению нарушений прав человека в будущем. Например, трансляция информационного послания о конфликтах внутри определенной страны может быть эффективной превентивной мерой в международном процессе установления дипломатических отношений между конфликтующими сторонами [Uzonyi 2014].

В ходе исследования мы рассматриваем визуально-графические элементы идентичности общественных объединений и организаций, выступающих против геноцида. В результате нами были выявлены стереотипные визуальные символы, включенные в логотипы данных организаций.

Стереотипные визуальные символы в логотипах организаций по борьбе с геноцидом

Проблемы международного признания геноцида, борьбы с последствиями и предотвращения совершения таких преступлений рассматриваются многими специалистами, деятельность которых связана с предметом международных отношений. Например, североамериканский социолог Бредли Кемпбелл, специализирующийся на исследовании моральных конфликтов, определяя геноцид как форму социального контроля в роли ответной реакции на межэтнический конфликт, не отрицает характер экстремистского «истребления», присущего геноциду как явлению, что позволяет однозначно оценить последствия таких преступлений как негативные для всего мирового сообщества [Campbell 2015].

Рассматривая визуальные элементы идентичности нацистского движения в Германии указанного периода, необходимо напомнить один из его главных постулатов — «чистота» арийской расы, что повлекло за собой организацию процесса уничтожения еврейского народа, а также других этнических групп по идеологическим соображениям. Так, исторический факт, известный как холокост, по многим параметрам рассматривается мировым сообществом как геноцид. Результатом противодействия такому процессу, а также мерами преодоления его последствий и работы, направленной на международное признание этого преступления, стало создание Комиссии по еврейским материальным искам к Германии, или «Клеймс конференс» (Claims Conference)² в 1951 г. С момента учреждения

² Claims Conference. URL: <http://www.claimscon.org> (дата обращения: 12.01.2017).

и по настоящее время деятельность данной организации направлена на восстановление справедливости для евреев, пострадавших в результате геноцида во Второй мировой войне. В качестве логотипа используется изображение двух стереотипных символов: Звезды Давида как символа иудаизма и современного государства Израиль, а также горящей свечи, отождествляющей свет и жизнь (рис. 2).

Другим примером возможности использования стереотипных визуальных символов как средства консолидации общественности в противодействии геноциду является логотип движения и серии мероприятий «Столетие геноцида армян»³ под юрисдикцией Государственной комиссии по организации мероприятий, связанных со столетием геноцида армян (рис. 3). Логотипом данного движения является графическое изображение цветка незабудки, которое трактовано организаторами движения как визуальный символ выражения «не забывай»; также представлено объяснение оформления символа с точки зрения колористики (от англ. color — цвет), традиционной для армянской культуры.

Рис. 2. Логотип Комиссии по еврейским материальным искам к Германии (Клеймс конференс)
Logotype of *The Conference on Jewish Material Claims Against Germany (Claims Conference)*

Источник: Claims Conference. URL:
<http://www.claimscon.org> (дата обращения:
12.01.2017)

Рис. 3. Логотип движения и серии мероприятий «Столетие геноцида армян»
Logotype of the civic movement and memorial events *The Centenary of Armenian Genocide*

Источник: Столетие геноцида армян. URL:
<http://armeniangenocide100.org> (дата обращения:
12.01.2017)

Используемые в вышеупомянутых случаях визуальные символы являются не только графическим отображением идей культур еврейского и армянского народов, но и несут в себе семиотическое значение. К примеру, фиолетовый, или лиловый, цвет в оформлении символа столетия геноцида армян (рис. 3) является знаковым цветом для армянской культуры в силу его присутствия в одеяниях свя-

³ Столетие геноцида армян. URL: <http://armeniangenocide100.org/> (дата обращения: 12.01.2017).

ценнослужителей Армянской апостольской церкви. Тесная взаимосвязь символов и особенностей национальных культур позволяет сделать вывод о включении в стереотипные визуальные символы кода культуры (англ. *culture code*), который определяется французом по происхождению доктором, маркетологом и исследователем архетипов культуры, живущим и работающим в США, Клотером Рапаем как общность понятий и объектов, управляющих восприятием и поведением людей, принадлежащих к определенной национальной культуре [Rapaille 2007].

Учитывая эффективность деятельности «Клеймс конференс», а также отмечая внимание широкой общественности и официальных структур к миссии данной организации на протяжении 60 лет, можно сделать вывод о возможности использования стереотипных визуальных символов как средства воздействия на массовую аудиторию с целью привлечения внимания к данной проблеме и объединению в борьбе с ней. В подтверждение этого вывода мы также привели пример логотипа движения «Столетие геноцида армян» (рис. 3), деятельность которого вызывает общественный резонанс по всему миру и широко освещается в средствах массовой информации в период проведения мемориальных мероприятий.

Таким образом, использование стереотипных визуальных символов может способствовать обеспечению эффективности мероприятий по продвижению идеи борьбы с геноцидом, а также необходимости международного признания таких преступлений, в частности, геноцида армянского населения 1915 г. Необходимо отметить, что в международном сообществе обсуждается вопрос установления дипломатических отношений между современной Турцией, государством — правопреемником Османской империи, и Арменией с целью урегулирования вопроса о признании Турцией и, следовательно, всем международным сообществом факта совершения геноцида. В частности, озвучены предложения использовать опыт международного признания холокоста, так как «уже есть прецедент признания геноцида еврейского и славянского населения Европы в годы Второй мировой войны» [Аветисян, Ланцов 2012], что было достигнуто в том числе благодаря деятельности «Клеймс конференс».

Дискуссионным является вопрос возникновения стереотипных визуальных символов, используемых организациями по борьбе с геноцидом в качестве средства консолидации международной общественности. Например, одним из вопросов научной дискуссии является использование незабудки, логотипа движения «Столетия геноцида армян» (рис. 3) как символа памяти, появившегося спонтанно или целенаправленно созданного специалистами, формирующими корпоративную идентичность организации и/или движения, а также идеологию. С нашей точки зрения, при условии спонтанного использования массовой аудиторией того или иного знака как символа определенного явления, специалистам необходимо проводить дальнейшие исследования, связанные с архетипами (англ. *archetypes*) культуры, которые, как известно, по определению доктора Карла Густава Юнга, являются универсальными врожденными психическими структурами, содержащими в себе коллективное бессознательное [Yung 1981]. Таким образом, символ, который искусственно смоделирован специалистами для достижения определенных целей, подлежит изучению с точки зрения его архетипов и стереотипов.

Универсальные стереотипные визуальные символы

Необходимо отметить, что один из двух стереотипных символов, используемых в логотипе организации «Клеймс конференс» (рис. 2) — горящая свеча, или его более общая интерпретация — огонь — является довольно распространенным знаком в символике организаций и движений против геноцида. В качестве примера можно привести логотип Национальной комиссии по борьбе с геноцидом, Руанда (National Commission for the Fight Against Genocide)⁴ (рис. 4).

Рис. 4. Логотип Национальной комиссии по борьбе с геноцидом, Руанда
Logotype of *National Commission for the Fight Against Genocide*, Rwanda
Источник: National Commission for the Fight Against Genocide. Available at: <http://www.cnlg.gov.rw> (date of access: 9.01.2017)

Также графическое стилизованное изображение огня и/или горящей свечи присутствует в логотипах Мемориала геноцида в Кигали, Руанда (Kigali Genocide Memorial)⁵; фонда «День памяти холокоста» (Holocaust Memorial Day Trust)⁶ и других общественных движений, деятельность которых посвящена борьбе против геноцида и аналогичных конфликтов с фатальным для общественности исходом. Учитывая участие в таких конфликтах, по крайней мере, двух сторон, мы можем рассматривать геноцид и аналогичные преступления как результат межгрупповых отношений [Molina, Tropp, Goode 2016]. Использование стереотипных визуальных символов в их универсальном значении на международном уровне может позволить оптимизировать усилия, направленные на установление дипломатических отношений между сторонами, а также на правовое

урегулирование таких конфликтов на международном уровне.

Основываясь на проведенном анализе элементов логотипов организаций по борьбе с геноцидом, мы выявили, что стереотипные визуальные символы включают в себе не только графическую, но и семиотическую составляющую, что позволило нам сделать вывод о воздействии на массовое сознание в общем и об эффективности использования таких символов в качестве средств консолидации общественности в борьбе против геноцида и в коммуникационных процессах, направленных на международное признание преступлений геноцида, в частности.

Рассуждая о направлениях и перспективах данного исследования, необходимо отметить, что в дальнейшем следует изучать сходство визуальных символов, используемых в качестве логотипов организаций, деятельность которых направлена не только на борьбу с геноцидом, но на борьбу с определенными явлениями или на защиту тех или иных групп людей от негативных процессов, происходящих

⁴ National Commission for the Fight Against Genocide. Available at: <http://www.cnlg.gov.rw> (date of access: 9.01.2017).

⁵ Kigali Genocide Memorial. Available at: <http://www.kgm.rw> (date of access 10.01.2016).

⁶ Holocaust Memorial Day Trust. Available at: <http://hmd.org.uk> (date of access 10.01.2016).

в обществе в общем смысле. Помимо институтов международной ответственности, или международных трибуналов, созданных для предотвращения преступлений геноцида, и комитетов ООН, призванных регулировать процессы, относящиеся к ликвидации последствий преступлений против человечества [Котляр 2011], а также общественных объединений по борьбе с геноцидом, существуют различные организации, деятельность которых направлена на защиту прав человека, включая изучение проблемы предотвращения преступлений геноцида и международного признания таких конфликтов, но не ограничиваясь им. Например, логотип Института мира Соединенных Штатов Америки (United States Institute of Peace)⁷ (рис. 5) включает в себя несколько стереотипных визуальных составляющих: голубь как символ мира и любви, несущий ветвь оливы, что является библейским символом восстановления мира между Богом и людьми, дерево как символ жизни и его ветви, напоминающие ладони, которые являются символом защиты. Деятельность данного института посвящена изучению нарушений прав человека, преступлений против человечества, неравенства и притеснения групп людей по определенным признакам и, в частности, проблеме геноцида.

Рис. 5. Логотип Института мира Соединенных Штатов Америки
Logotype of *United States Institute of Peace*
Источник: United States Institute of Peace

Стереотипные визуальные символы, используемые в логотипе данного института, нами выявлены в фирменных символических изображениях других организаций, осуществляющих борьбу с определенными негативными явлениями. Например, логотип Фонда борьбы со СПИДом Элизабет Тейлор (The Elisabeth Taylor AIDS Foundation)⁸ также включает в себя ладони, символизирующие защиту;

⁷ United States Institute of Peace. Available at: <https://www.usip.org> (date of access: 18.12.2016).

⁸ The Elisabeth Taylor AIDS Foundation. Available at: <http://elizabethtayloraidsfoundation.org> (accessed: 15.01.2017).

в данном случае защиту населения от заражения этим вирусом и всестороннюю поддержку людей — носителей данного заболевания. В результате изучения информационного пространства нами выдвинуто предположение о существовании определенных стереотипных визуальных символов, универсальных для противодействия каким-либо негативным социальным явлениям, т.е. выходящим за рамки проблемы геноцида.

***

В результате проведенного исследования мы показали, что определенные символы (на примере Звезды Давида и свастики) использовались как визуально-графические элементы корпоративной идентичности движений/объединений и их идеологий, одновременно являясь средством распространения ключевого послания в рамках пропагандистских, агитационных кампаний и информационных войн. В результате мы пришли к выводу об эффективности использования символики в роли инструмента стереотипного воздействия на широкую международную общественность.

Также, в результате обобщения и систематизации данных, полученных в ходе применения структурного анализа и семиотического подхода для изучения логотипов организаций по борьбе с геноцидом, мы пришли к выводу о существовании определенных стереотипных визуальных символов, которые стереотипно распространяются в определенном контексте, в данном случае в качестве символики борьбы против геноцида и деятельности, направленной на международное признание таких преступлений.

В результате проведенного исследования мы также сделали вывод о возможности использования стереотипных визуальных символов, несущих в себе определенное семиотическое значение и коды культур, как средства распространения информации о проблеме геноцида и объединения общественных сил в борьбе с такими конфликтами, тем самым подтвердив выдвинутую нами гипотезу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аветисян Р.С., Ланцов С.А.* Проблема признания геноцида армян в современных армяно-турецких отношениях // *Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения*. 2012. № 1. С. 98—105.
- Зелинский Ф.Ф.* Римская республика. СПб.: Алетейя; 2002.
- Котляр Т.В.* Предупреждение геноцида на международном уровне // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. 2011. № 2 (17). С. 34—39.
- Крылов А.Н.* Корпоративная идентичность для менеджеров и маркетологов. М.: ИКАР; 2014.
- Лотман Ю.М.* Избранные статьи в трех томах. Том 1. Таллин: Александрия; 1992.
- Мищенко Я.* ООН и проблема признания геноцида // *Дипломатическая служба*. 2015. № 4. С. 43—45.
- Campbell B.* Genocide as predation // *International Journal of Law, Crime and Justice*. 2015. N 43. P. 310—325. DOI: 10.1016/j.ijlcrj.2015.05.004.
- Collins A.D., Lim J.J.* Recognition, redistribution and liberty // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 2010. Vol. 74. N 3. P. 240—252. DOI: 10.1016/j.jebo.2010.03.005.
- Jung C.G.* The Archetypes and The Collective Unconscious (Collected Works of C.G. Jung. Vol. 9. Part 1). 2nd ed. Princeton: Princeton University Press; 1981.

- Lippmann W.* Public Opinion. Milwaukee (WI): Greenbooks Publications; 2010.
- Molina L.E., Tropp L.R., Goode C.* Reflection on prejudice and intergroup relations // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 11. P. 120—124. DOI: 10.1016/j.copsyc.2016.08.001.
- Rapaille C.* The Culture Code: An Ingenious Way to Understand Why People Around the World Live and Buy as They Do. New York: Broadway Books; 2007.
- Starling L.* The Logo Decoded: What logos can do to you. Bloomington: Balboa Press; 2011.
- Uzonyi G.* Domestic unrest, genocide and politicide // *Political Studies*. 2014. Vol. 64. N 2. P. 315—334. DOI: 10.1111/1467-9248.12181.

Дата поступления статьи: 03.03.2017

Для цитирования: *Иванова Е.А., Куликов С.В., Сульженко А.А.* Стереотипные визуальные символы как средство консолидации общественности в контексте международного признания геноцида // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 372—382.

Сведения об авторах: *Иванова Елена Анатольевна* — канд. филос. наук, доцент кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов (e-mail: ivanova_ea@rudn.university).

Куликов Сергей Владимирович — канд. филос. наук, доцент филологического факультета Российского университета дружбы народов (e-mail: kulikov_sv@rudn.university).

Сульженко Анастасия Анатольевна — магистрант кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов (e-mail: ms.sulzhenko@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-372-382

STEREOTYPED VISUAL SYMBOLS AS A MEAN OF PUBLIC CONSOLIDATION IN CONTEXT OF INTERNATIONAL GENOCIDE RECOGNITION

E.A. Ivanova, S.V. Kulikov, A.A. Sulzhenko

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

Abstract. This article presents the results of the study devoted to stereotyped visual symbols as a part of the corporate identity complex of anti-genocide organizations aimed to reach an international genocide recognition as a part of their strategies. The relevance of the study is justified with the similarity of modern tools for visualizing the unique characteristics of organizations and centuries-old practice of opponents opposing each other, what was discovered in the investigation process. The effectiveness of the usage of stereotyped visual symbols as the means of public consolidation in combating the genocide, which is the purpose of this study, is proved. Using the method of structural and semiotic analysis, the authors studied visual symbols used as the means of broadcasting the public opinion coded into a key message within the framework of the anti-genocide organizations' activities. The studied visual symbols were identified as the means of stereotyped influence aimed on the mass audience, which allowed us to conclude about the effectiveness of such symbols in solving problems in mass communications. During the generalization and systematization of the data obtained, the most frequently used symbols which enclose the codes of certain cultures were identified, which led us to the conclusion that such symbols are stereotypically used in the context of combating genocide and bringing the public forward the recognition of such conflicts.

Key words: stereotyped visual symbols, stereotyped influence, stereotype, symbol, international genocide recognition, genocide, logotype, corporate identity

REFERENCES

- Avetisyan, R. S., & Lantsov, S. A. (2012). The Problem of Recognition of the Armenian Genocide in Modern Armenian-Turkish Relations. *Vestnik SPbGU. Politologiya. Mezhdunarodnie otnosheniya*, 6 (1), 98—105. (In Russ.).
- Campbell, B. (2015). Genocide as predation. *International Journal of Law, Crime and Justice*, 43, 310—325. DOI: 10.1016/j.ijlcrj.2015.05.004.
- Collins, A. D. & Lim, J. J. (2010). Recognition, redistribution and liberty. *Journal of Economic Behavior and Organization*, 74 (3). 240—252. DOI: 10.1016/j.jebo.2010.03.005.
- Jung, C. G. (1981). *The archetypes and the collective unconscious (Collected works of C.G. Jung. Vol. 9. Part 1)*. 2nd ed. Princeton: Princeton University Press.
- Kotlyar, T. V. (2011). Prevention of genocide at the international level. *Vestnik Volgogradskoy akademii MVD Rossii*, 2 (17), 34—39. (In Russ.).
- Krylov, A. N. (2014). *Corporate Identity for Managers and Marketers*. Moscow: IKAR. (In Russ.).
- Lippmann, W. (2010). *Public opinion*. Milwaukee (WI): Greenbooks Publications.
- Lotman, Yu. M. (1992). *Selected articles in three volumes*. Tallinn: Aleksandriya, Vol. 1. (In Russ.).
- Mischenko, Ya. (2015). UN and the problem of recognition of genocide. *Diplomaticheskaya sluzhba*, 4, 43—45. (In Russ.).
- Molina, L. E., Tropp, L. R. & Goode, C. (2016). Reflection on prejudice and intergroup relations. *Current Opinion in Psychology*, 11, 120—124. DOI: 10.1016/j.copsyc.2016.08.001.
- Rapaille, C. (2007). *The Culture Code: An ingenious way to understand why people around the world live and buy as they do*. New York: Broadway Books.
- Starling, L. (2011). *The Logo Decoded: What logos can do to you*. Bloomington: Balboa Press.
- Uzonyi, G. (2014). Domestic unrest, genocide and politicide. *Political Studies*, 64 (2). 315—334. DOI: 10.1111/1467-9248.12181.
- Zelinskiy, F. F. (2016). *The Roman Republic*. Saint-Petersburg: Aleteya. (In Russ.).

Received: 03.03.2017

For citations: Ivanova, E.A., Kulikov, S.V., Sulzhenko, A.A. (2017). Stereotyped Visual Symbols as a Mean of Public Consolidation in Context of International Genocide Recognition. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 372—382.

About the authors: *Ivanova Elena Anatolievna* — PhD, Associate Professor of the Department of Mass Communication of Philological Faculty, RUDN University (e-mail: ivanova_ea@rudn.university).
Kulikov Sergey Vladimirovich — PhD, Associate Professor of Philological Faculty, RUDN University (e-mail: kulikov_sv@rudn.university).

Sulzhenko Anastasia Anatolievna — graduate student of Department of Mass Communication of Philological Faculty, RUDN University (e-mail: ms.sulzhenko@gmail.com).

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-383-390

ИДЕОЛОГИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

Интервью с академиком РАН, доктором исторических наук, профессором, научным руководителем Центра ситуационного анализа ИМЭМО РАН В.Г. БАРАНОВСКИМ

Барановский Владимир Георгиевич является одним из ведущих специалистов в области международных отношений в России. В 1972 г. окончил МГИМО МИД СССР. В 1973—1976 гг. обучался в аспирантуре Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР. С 1976 г. работает в структуре ИМЭМО АН СССР. В 1982—1988 гг. — заведующий сектором международной безопасности ИМЭМО АН СССР. В 1986 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Европейское сообщество в системе международных отношений». В 1988—1992 гг. — заведующий отделом западноевропейских исследований ИМЭМО АН СССР (ИМЭМО РАН). В 1992—1998 гг. являлся главным научным сотрудником ИМЭМО РАН. В 1992—1996 гг. руководил проектом в Стокгольмском международном институте исследований проблем мира SIPRI. С 1998 г. — заместитель директора ИМЭМО РАН. С 2005 г. — профессор кафедры международных отношений и внешней политики МГИМО МИД РФ. С 2011 г. — действительный член РАН.

В своем интервью В.Г. Барановский рассказывает об этике и морали в международных отношениях, многополярности и роли идеологии во внешней политике.

Ключевые слова: международные отношения, идеология, этика, мораль

— Что, по вашему мнению, мог бы дать специалистам-международникам взгляд на их предмет исследования через призму этики и морали? Как вообще соотносятся этика и МО?

— Это очень важный ракурс анализа как международных отношений, так и внешней политики — и с концептуальной, и с практической стороны. В разное время в мире по-разному относились к данной проблематике — иногда с повышенным вниманием, но все-таки чаще считая ее второстепенной.

Между тем вопросы этического и морального измерения международных отношений затрагивают многие, если не все аспекты внешней политики. Здесь есть две диаметрально противоположных позиции. Один подход постулирует, что вообще нет смысла говорить о какой-либо этической составляющей политики. Эта идея восходит к известной работе Николло Макиавелли «Государь», в которой он фактически провозгласил: для достижения практических результатов необходимо абстрагироваться от рассуждений о добре и зле [Макиавелли 2016]. Политика, которая не выводит за пределы своего рассмотрения нравственную составляющую, не может быть эффективной. Согласно другому подходу, при рассмотрении чего бы то ни было политического не говорить об этической компоненте просто невозможно, особенно когда речь идет о политике публичной, когда какое-либо решение или идею необходимо презентовать тем, от кого ждут одобрения и поддержки. Взаимоотношения с внешним миром — частный случай деятельности политической; без этических ориентиров они немыслимы, поскольку внешнеполитический курс должен быть представлен внутренней аудитории и международному сообществу как связанный с определенными нравственно-моральными ценностями. Другой вопрос, насколько такие ориентиры будут убедительны — но они должны быть сформулированы.

— Если говорить об изучении этического измерения и морали в МО, то какие взгляды преобладают в этой области?

— Традиционно существует разделение между «политическими реалистами» и «идеалистами» в подходе к международным делам. Первые считают, что вопросы этики и нравственности в международных отношениях неуместны, так как существуют более реальные и насущные вещи — баланс сил и интересы государств, на основании чего и необходимо строить свою внешнюю политику. Вторые же, напротив, считают необходимым во внешнеполитической деятельности исходить именно из представлений о том, что есть хорошо и что есть плохо.

Схематически это выглядит следующим образом. Есть страна А, и нам необходимо принять решение, каким образом выстраивать с ней отношения. Если мы будем придерживаться «политического реализма», то в первую очередь обратим внимание на ее показатели экономики и военной силы, на те рычаги влияния, которыми она располагает на международной арене. Соотнеся все эти показатели с нашими интересами, мы и будем проводить свой внешнеполитический курс по отношению к данной стране, размышлять о возможности диалога (пусть даже с элементами давления), компромиссов, разменов и т.п. Если же мы будем использовать «идеалистическую парадигму», то прежде всего обратим внимание на то, какой в стране политический режим, какие люди стоят во главе нее, как они пришли к власти, каких идей они придерживаются и т.п. Может случиться и так, что ни о чем договариваться невозможно — и тогда надо просто дожидаться изменений в этой стране (и даже способствовать им).

Это отнюдь не чисто умозрительные эзерсисы. В реальности в период холодной войны, когда имела место биполярная конфронтация, в США существовало

два взгляда на то, как выстраивать отношения с СССР. Один, который условно ассоциировался с именем Збигнева Бжезинского, считал советский режим «неправильным», не соответствующим западным нравственно-моральным нормам, и исходил из необходимости ориентироваться на его смену или уничтожение [Бжезинский 2013]. Другой (Генри Киссинджер) признавал все минусы советского режима, но одновременно выносил их за рамки двухсторонних отношений. Советский Союз можно не любить — но нужно выстраивать с ним отношения как со сверхдержавой, имеющей свои собственные интересы и возможности их отстаивать, с которыми нельзя не считаться [Киссинджер 2015].

Но все-таки абсолютно жесткая дихотомия в постановке вопроса об этичной или неэтичной внешней политике государства является искусственной. Любой внешнеполитический курс должен выстраивать некий баланс — трезвых оценок и расчетов, с одной стороны, и возможности апеллировать, прямо или косвенно, к каким-либо этико-нравственным нормам — с другой. Идеология «политического реализма» не сводит все только к определенному набору эгоистических интересов и корыстных целей. Они — исходная точка рационального подхода, но их реализация будет предлагаться как обусловленная теми или иными ценностными, нравственными нормами и даже абсолютно необходимая для их торжества. Тогда как для сторонников «идеалистической» парадигмы залог успеха в международных делах — именно следование этическому императиву энергичной борьбы со злом. Во взаимоотношениях с «плохими парнями» прагматизм — это когда вы не стесняетесь выкручивать им руки, а не тратите время и усилия на налаживание цивилизованного общения. При котором они вас наверняка обманут.

— И. Гете рассматривал дух времени (Zeitgeist) как преобладающую духовную сторону эпохи: «Если какая-нибудь сторона выступает наиболее сильно, овладевая массой и торжествуя над ней, так что при этом противоположная сторона оттесняется на задний план и затеняется, то такой перевес называют духом времени, который определяет сущность данного промежутка времени». На ваш взгляд, какой сейчас дух эпохи? Какие идеи правят миром и как это отразится на системе международных отношений?

— Если говорить о долговременных тенденциях в контексте предмета нашего разговора, то стоит отметить постепенное возрастание роли и значимости моральных и нравственных императивов. Медленно, порой незаметно, но все-таки это происходит. Тут есть свои спады и подъемы, но в целом отношение к ним сегодня абсолютно другое, чем, например, полвека назад. Сегодня такие темы, как гуманитарное право, права человека, права меньшинств, вопросы продвижения демократии и торжества закона являются важной частью мировой повестки дня. Не обязательно в любой ситуации более важной, чем другие темы — но такой, игнорировать которую уже считается неприличным, неправильным, да и просто контрпродуктивным с точки зрения интересов государства (его престижа, имиджа, репутации).

Наверное, не все с этим согласятся. Сейчас нередко приходится слышать, что большая часть постмодернистских идей — глобализация, общечеловеческие ценности и пр. — подвергаются эрозии, и государства становятся более прагматичными, более четко сфокусированы на своих собственных интересах. Этот тезис перекликается еще с одним — о том, что завершается эпоха «господства Запада», продолжавшаяся несколько столетий. Оба этих взгляда мне кажутся несколько поверхностными. Сейчас, по-моему, одновременно развиваются два важных тренда. Один из них я бы назвал тягой к плюрализму — это реакция на глобализационные процессы и унификацию, неприятие усиливающегося единообразия в мире, в том числе и отождествляемого с образом «конца истории» в духе Фрэнсиса Фукуямы [Фукуяма 2006]. Но вместе с тем, несмотря на усилившийся негативизм в восприятии глобализации, мир становится все более западным. Обратите внимание, куда направляются беженцы — именно в страны западного мира, в Европу, туда, где они видят открывающиеся для себя возможности. Стандарты жизни западной цивилизации, способов организации социума сегодня являются превалирующим ориентиром, и именно на них равняются многие государства мира. Это касается многих государств, в том числе и России.

— В последние годы, по мере усиления КНР и других стран БРИКС в мировой экономике и политике, все больше говорят о незападных концепциях мироустройства, незападных теориях международных отношений. Как вы считаете, могут ли страны БРИКС, страны «глобального Юга» привести свою мораль и свои этические взгляды в международные отношения?

— Это достаточно большая тема для размышлений. Мы можем прежде всего говорить о меняющемся балансе сил на международной арене, и в этом смысле страны третьего мира привносят в международные отношения реализацию идеи о многополярности и плюралистичном мире. Но ведь нельзя считать, что эта идея исходит именно от них. Здесь нет бинарной дихотомии «западное — незападное». О многополярности, например, много говорили во Франции, которая была активной сторонницей этой модели мироустройства. А у нас она прорабатывалась — на академическом уровне — еще когда Евгений Примаков был директором ИМЭМО [Примаков 2016].

Во многих незападных странах весьма сдержанно высказываются по такому вопросу, как «ответственность по защите» (*responsibility to protect*), что интерпретируется (если говорить упрощенно) как право на гуманитарную интервенцию. Они в основном придерживаются традиционного принципа невмешательства во внутренние дела государства. Но это, вероятнее всего, связано с тем, что именно эти страны могут стать потенциальными объектами подобного вида вмешательства, и здесь вопрос не в том, что они «незападные», а в готовности или неготовности принять новую повестку дня по этой весьма чувствительной и противоречивой проблематике. Но при этом важно заметить, что они не отрицают потребности в выработке таких механизмов реагирования и сотрудничества, которые смогли бы предупредить катастрофы типа той, что произошла в Руанде, где в 1994 г. сотни тысяч людей стали жертвами геноцида.

— По вашему мнению, может ли Россия консолидировать идеологическую повестку, объединив лучшее из западных и незападных теорий международных отношений?

— Я вижу два аспекта этой проблемы. Один касается содержательной стороны дела: какие конкретно есть идеи, которые можно было бы синтезировать в нечто единое? Этот вопрос уместен и тогда, когда мы говорим о морально-этических императивах в теории (и практике) международных отношений. В российской концепции внешней политики, к примеру, говорится о необходимости построения справедливого мира. Однако что такое справедливость сегодня? По этому поводу есть обилие мнений и подходов — и явный дефицит возможности свести их к какому-то общему знаменателю. Поэтому скорее стоит говорить о наличии большого вопроса — какую общую ценностную идею можно предложить, если руководствоваться похвальным стремлением «консолидировать идеологическую повестку»?

Есть и еще один аспект — ресурсный. Очень красивой идеей является продолжение проводившейся во времена Советского Союза линии, нацеленной на оказание культурно-гуманитарной помощи и подготовку специалистов для развивающихся стран. Россия как раз и могла бы принять эту эстафету. Однако мало иметь идеологическую базу — здесь необходимы ресурсы, организационные возможности, постоянные финансовые вливания. Здесь, не будем забывать, есть и международная конкуренция. Тем более что подготовка специалистов по линии «содействия международному развитию» — это не только гуманитарная программа, но и инструмент «мягкой силы».

— Ряд экспертов считают, что, по крайней мере на заре своего президентства, Барак Обама придерживался концепции этического реализма Рейнгольда Нибура, его преемник Дональд Трамп — взглядов Росса Перо, а Владимир Путин — идей русского философа-эмигранта Ивана Ильина. Как вы считаете, насколько вообще реально в мировой политике следовать этическим и моральным константам?

— Политики (а тем более политик, действующий в системе мировых координат) не может быть ригористом — он должен быть и гибким, и открытым к компромиссам. Но приверженность некоторым этическим и моральным принципам работает на укрепление его авторитета. Конечно, здесь есть и вопрос о том, насколько эти принципы принимаются и разделяются социумом. Но провозглашаемые этические нормы не должны носить сугубо реактивный характер; хороший политик должен не просто чувствовать, что от него ждут — но также иметь и свою повестку, которую можно предложить обществу и миру. А она ведь не возникает из ничего — в этом смысле политики, конечно, могут находиться под влиянием тех или иных интеллектуальных авторитетов.

Рейнгольда Нибура вряд ли можно отнести к политическим реалистам — он, скорее, проповедник идей христианского социализма, справедливых войн и др. А концепция справедливых войн прямо выходит на необходимость использовать имеющийся у государства силовой инструментарий в этически оправдываемых целях. Барак Обама, вполне вероятно, такой идеологический посыл разделял. Дру-

гое дело — что его реализация на практике как раз и могла ставить под вопрос этические стандарты. Р. Нибур известен составленной им молитвой о душевном спокойствии, которая в примерном воспроизведении звучит так: «Господи, дай мне смирения принять то, что я не могу изменить, дай мне смелости изменить то, что нужно изменить, и дай мне мудрости, чтобы различать между первым и вторым» [Niebuhr 2008]. И хотя Б. Обама, на мой взгляд, был самым интеллигентным президентом США со времен Дуайта Эйзенхауэра, именно этической мудрости ему не хватило, чтобы отказаться от Нобелевской премии мира, которую он получил за свои слова и благие намерения, а не за конкретные действия.

В случае с Дональдом Трампом и Россом Перо мы имеем дело с их некоторым сходством разве что по антиистеблишментской риторике и соответствующей социальной базе. Да, оба вначале выступали с претензиями на то, чтобы представлять «третью силу». Но дальше этого, на мой взгляд, сходство не идет. У Р. Перо была хоть какая-то программа, тогда как у Д. Трампа и ее не было — пришлось составлять, что называется «с колес», после победы на выборах. Не вижу оснований говорить и о какой-то связи между ними по морально-этическим ценностям.

Что касается философа и публициста Ивана Ильина, то его идеи оказались востребованными в нашей стране еще в середине 1990-х гг., когда возродился интерес к геополитике и евразийству [Ильин 2008]. И его взглядам в какой-то степени действительно созвучны те идеи, которыми руководствуется В. Путин, а еще больше — его действия. Но я не стал бы возводить И. Ильина в ранг духовного учителя нашего президента, у которого, как мне представляется, совершенно иная система координат и приоритетов.

— Каким лично вы видите справедливое мироустройство? Какова ваша персональная политическая утопия?

— Во-первых, крайне желательно, чтобы справедливое мироустройство не было «установлено» через потрясения и катаклизмы, а возникло эволюционным путем.

Во-вторых, оно, на мой взгляд, должно иметь своим вектором пусть медленное, но все-таки продвижение в направлении роста удельного веса общего блага и совместного его регулирования — в противовес партикулярным ценностям. Не отрицая их, но и не сводя все к установлению баланса интересов. Как пример можно привести принцип свободы открытого моря, продвигаемый в международную практику на протяжении по крайней мере последних четырех веков. Или Конвенцию по морскому праву 1982 г., в которой дно морей и океанов, а также его недра и ресурсы за пределами действия национальной юрисдикции объявлены общим наследием — их разработка должна осуществляться на благо всего человечества, независимо от географического положения государств.

В-третьих, справедливое мироустройство должно найти ответ на вопрос, как сочетать две вещи — принцип меритократии, когда каждый имеет то, что он заслужил, и принцип солидарности, когда богатые и успешные должны помогать слабым и отстающим.

Сочетание этих трех параметров и определяет мою политическую утопию.

Интервью провел М.А. Никулин

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Астрель; 2013.
- Ильин И.А. Наши задачи: В 2 т. М.: Айрис-Пресс; 2008.
- Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: АСТ; 2015.
- Макиавелли Н. Государь. М.: Рипол Классик; 2016.
- Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Центрполиграф; 2016.
- Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: Ермак, АСТ; 2006.
- Niebuhr R. The Irony of American History. University of Chicago Press; 2008.

Дата поступления статьи: 04.02.2017

Для цитирования: Идеология и международные отношения: взгляд из России. Интервью с В.Г. Барановским, академиком РАН (ИМЭМО РАН) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 383—390.

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-383-390

IDEOLOGY AND INTERNATIONAL RELATIONS: RUSSIAN VIEW

Interview with Academician, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of Center of the situational analysis at RAS V.G. BARANOVSKIY

Abstract. Vladimir G. Baranovskiy is one of the leading specialists in the field of international relations in Russia. He was born on December 30, 1950 in Moscow. In 1972 he graduated from the Moscow Institute of World Economy and International Relations of the USSR Ministry of Foreign Affairs. In 1973—1976 he studied at the graduate school of the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) of the USSR Academy of Sciences. Since 1976 he works in the structure of the IMEMO Academy of Sciences of the USSR. In 1982—1988 — Head of the International Security Sector of the IMEMO Academy of Sciences of the USSR. In 1986 he defended his doctoral thesis on “The European Community in the System of International Relations”. In 1988—1992 — Head of the Department of Western European Studies, IMEMO USSR Academy of Sciences (IMEMO RAS). In 1992—1998 he was the chief research fellow at IMEMO RAS. In 1992—1996 he led the project at the Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI). Since 1998 — deputy director of IMEMO RAS. Since 2005 — Professor of the Department of International Relations and Foreign Policy of the Moscow State Institute of International Relations. Since 2011 — full member of the Russian Academy of Sciences.

In his interview, V. G. Baranovsky talks about ethics and morality in international relations, multipolarity and the role of ideology in foreign policy.

Key words: international relations, ideology, ethics, morality

REFERENCES

- Brzezinski, Z. (2013). *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. Moscow: Astrel.
- Ilyin, I. A. (2008). *Our tasks*. In 2 Vol. Moscow: Ajris-Press. (in Russ.).
- Fukuyama, F. (2005). *The End of History and the Last Man*. Moscow: Ermak, AST. (in Russ.).

- Kissinger, H. (2015). *World Order*. Moscow: AST. (in Russ.).
- Machiavelli, N. (2016). *The Prince*. Moscow: Ripol Klassik. (in Russ.).
- Niebuhr, R. (2008). *The Irony of American History*. University of Chicago Press.
- Primakov, Y. M. (2016). *A world without Russia? What does political myopia lead to*. Moscow: Centrpoligraf. (in Russ.).

Received: 05.04.2017

For citations: Ideology and International Relations: Russian View. Interview with Academician, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of Center of The Situational Analysis at RAS V.G. Baranovskiy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 383—390.

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-391-401

JESUIT STRATEGY IN JAPAN AND INDIA IN THE 16th CENTURY AS A PRECURSOR TO MODERN WESTERN “SOFT POWER”

O.V. Volosyuk, O.A. Nesterova, O.L. Solodkova

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The principles of “soft power”, within the context of the historical development of international relations both on the worldwide and regional levels, had been applied in the East and in the West long before the aforementioned theories appeared. It was the Jesuits in the 16th Century who developed strategies of influence and were pioneers in the introduction of “soft” methods of leverage in international communication practice. In today’s world, which is witnessing an increase in the role of the religious factor in international relations, it is important to understand how to identify these achievements, and correct the mistakes of these early strategies, based on the practices of Francis Xavier in Japan and of Antoni de Montserrat in the Mughal Empire. An attentive and thorough study of the Jesuits’ experience is of great importance in understanding contemporary processes of international interaction from a “soft power” point of view.

Key words: soft power, strategic culture, Mughal Empire, Francis Xavier, Antoni de Montserrat, Jesuits, catholic missionaries, strategies of influence, the perception of the ‘Other’, missions of the Jesuits in Asia

Today’s world is witnessing an increasing role of the religious factor in international relations [Fox, Sandler 2004; Thomas 2005; Haynes 2014]. As Jeffrey Haynes wrote, “if religious organisations and constituencies manage to ‘get the ear of government’ they may be able to influence foreign policy” [Haynes 2014]. The term “soft power” has appeared recently, but the methods and means of its use have existed for centuries. The principles of ‘soft power’, within the context of the historical development of international relations both on international and regional levels, had been applied in Western Europe long before the aforementioned theories appeared. One of the first practices showing the main patterns of use of the elements of ‘soft power’ were connected with the activity of Catholic missionaries in Oriental countries. They were the first to “get the ear of government” and in the 16th Century were pioneers in the introduction of “soft” methods of leverage in international communication practice. They formed unique strategies of international interaction — ‘Hispanization’ (or ‘Westernization’) and ‘Accommodation’ — tested and described them. Realizing in Eastern countries their strategic aims to promote Christian values, they have been developing unique scenarios of strategies of influence and implementing them in those societies that have become relevant in international relations in the late 20th — early 21st centuries. Those are called ‘soft power’ policy.

It is important to understand how to use the achievements and correct the mistakes of the early religious strategies in the international relations. Attentive and thorough study of missionaries' experience is of great importance for understanding contemporary processes of international interaction from the 'soft power' point of view. A historical distance of almost five centuries allows present-day researchers to objectively study, single out and analyze the main flaws and achievements made by missionaries in the pursuit of their strategy in the East. This article deals with the main 'non-forcible' methods that the missionaries used to penetrate into other cultural spaces and with the limitations of these first attempts of the West to triumph over the East not through the use of 'hard power' (as in South America), but through 'soft' religious models.

In the 15th century, absolute monarchies were established in Spain and Portugal and national countries emerged. Almost at the same time their countries transformed into great colonial empires and made contact with other peoples outside the Iberian Peninsula. The Society of Jesus acted in keeping with the foreign policies of Rome and of the Portuguese Crown, transmitting to the East, according to Andrei V. Vinogradov, "respective public-political and socio-political *codes*" [Vinogradov 2006: 6]. The Jesuits acted on the basis of the Western perception of the world. By imposing their own concepts on the other view of the world, which was — they recognized — radically different from the Western one, they arrived in that part of the world with their own expectations. The stereotypes of Jesuit missionary work in the East were formed under the influence of these state-political and socio-political *codes*. Many communication failures of the Jesuits were attributable to the fact that they were not familiar with the cultural, political and state *codes* of the East and could not make full use of them in practice.

The Jesuits attempted to analyze the differences between the West and the East, which in a few Centuries' time led to a theoretical understanding of the basics of the dichotomy *East-West* pair, to the comprehension that "...the West and the East have developed different types of public-political and socio-political «codes», all of which were intended to embody the optimal types of governance for the West or for the East..." [Vinogradov 2006: 8] and that these *codes* could be revealed in different ways in international cooperation and foreign policy.

European expansion to the East broadened observations of alien societies, cultures and religious practices. Such encounters led to attempts to explain and interpret the origins and nature of racial and cultural diversity. The term 'national identity', which first appeared in common mindset in travel literature, assumes *comparison* and identification of *differences*. It was then that stereotypes and perceptions of a different type of person emerged. When the rulers of Spain and Portugal invoked the Society of Jesus to evangelize their new subjects in the overseas empires which they shared, one of the signs of identity was religion. For the Jesuits, it was religion in particular that became the dominant form of identity. The missions of the Jesuits in Asia became the founders of a method by which they attempted to form a strategy of communication and developed ways to impact other cultures through religious influence on 'other' social groups and institutions.

It is no coincidence that it was the Jesuits in particular who assumed this role. As Takao Abé explains, from the first days of existence of the Society of Jesus, they were capable of understanding non-Christian cultures at least in their own systematic way [Abé 2011: 8—9]. The Jesuits brought many scientific innovations, made an enormous contribution to the development of science in Asian countries, studied languages, customs and became the first ethnographers and cartographers. But most importantly “the strength of the idea of Europe as Christian and occidental was crucial in the 16th century” [Hosne 2013: 3]. According to Brockey, the Jesuits were motivated by a firm belief in the universal applicability of Christian teaching and by a conviction that the Christian language had an elasticity that permitted it to conform to the contours of even the most widely disparate cultures. In contrast to the worldly pretensions of secular agents of empire, such as merchants and mercenaries, the missionaries’ spiritual ambitions knew few limits [Brockey 2007: 6]. They were willing to make any sacrifice, to accept martyrs for this well-intentioned mission; they were “the soldiers of God and of Pope”¹.

The activities of Francis Xavier and Antoni de Montserrat (he changed his name in India to Monserrate to make it easier to pronounce) [Vernet 2001: 823] became the founding experience, on the basis of which Jesuit strategies of international communication in Asia were developed. This paper examines their missionary activities in Japan under Oda Nobunaga’s rule and in Akbar’s Mughal Empire. The study of their activities and different approaches in the interpretation and implementation of their concept, allows us today to value the strategies of influence in international communication practice made by missionaries of 16th century Japan and the Mughal Empire: how they perceived foreign society, culture and religion, to what extent this perception corresponded with the stereotypes that they had before they arrived in the country, how these stereotypes affected the selection of methods for missionary activities, to what extent they facilitated the success of evangelization, whether the success or failure of the introduction of the “soft” methods of leverage in Japan and the Mughal Empire depends on the character of the country and the methods chosen by Xavier and Montserrat for their missionary activities.

***

The beginning of the 16th century in Asia was marked by two key events. In 1510, the Portuguese seized Goa and in 1511 Malacca — and the Great Mughal Empire was created in 1526. There were fifteen years between the entrenchment of the Europeans in Asia and the formation of the largest Muslim Empire in India. In other words, practically simultaneously, the Portuguese arrived on the continent, bringing with them Catholicism, as well as conquerors from Central Asia and Afghanistan, who spread the catchment area of Islam in India. Both Spain and Portugal considered it very important to evangelize its possessions and establish the missions overseas. Following the Spanish and Portuguese expansion to Africa, Asia, and the Americas, the Society

---

¹ *Monserrate Antoni, Alay Josep Lluís. Embajador en la corte del Gran Mogol: viajes de un jesuita catalán del siglo XVI por la India, Paquitán, Afganistán y el Himalaya, Lleida: Editorial Milenio, 2006. P. 9.*

of Jesus opened its residences in the new colonial cities. The pioneers of that movement were Francis Xavier and Antoni de Montserrat. Both were born in aristocratic Spanish families, both were disciples of Ignatius of Loyola. Both Xavier and Montserrat faced a deep gap between Christian and non-Christian civilizations. It is hard not to agree with Takao Abé that the analysis of the Jesuits, “while biased, was the best available at the time” [Abé 2011: 9], but their ultimate objective both in Japan and the Mughal Empire was evangelization. “We have come the whole way from Portugal to Japan, a voyage of more than six thousand leagues, for no other purpose than to deal with them about divine things, to set forth the Christian faith, and show them *in* their errors the way of eternal salvation”, wrote Xavier². “We are ready to come to the palace and to labour night and day in teaching the Christian religion”, echoes Montserrat³. And because they studied the culture of the other peoples only from the perspective of the success of evangelization, they only ‘absorbed’ the information that may be useful to them or that might justify their actions. Autochthonous customs were viewed through the missionary lens without any attempt to categorize those customs culturally. The attitude to any other culture as to a ‘barbarian’ culture distorted their real understanding of reality.

Based on this understanding of the ‘Other’, the practice of missionaries’ relations with the local population was formed and evangelization methods were developed which were adapted to each country and people. Ana Carolina Hosne highlights two main methods and draws an important contrast between the strategy of ‘Hispanization’ and ‘Accommodation’. The ‘Hispanization’ characterized methods of the Spanish crown which commanded the evangelization of the *Indias Occidentals*, where Spanish rule sought to ‘civilize’ the Amerindians well as make Christians of them [Hosne 2013: 71]. The strategy of “Accommodation” was typical of the missions in Asia, where the Jesuits tried to adapt the Christian religion for a people whose culture and traditions they did not hope to modify. Francis Xavier was the first to realize that some sort of accommodation was necessary in Japan [Hosne 2013: 72].

As Takao Abé shows, the main methods used for winning neophytes in the strategy of ‘Accommodation’ were: preaching, winning converts and educating them were the next composite methods [Abé 2011: 9]. Xavier proudly declares of the converting of Ōtomo Sōrin, ‘King of Bungo’ and his subjects. With equal pride, he informs of the evangelizing in Yamaguchi of one of the Buddhist monks, baptized with the name Lorenzo, a remarkable fact to the extent that most of the Japanese converts of that time were ordinarily of common background.

While the Jesuits approached socially influential Japanese adults for patronage, the targets of education were boys who would sooner or later play an important role in helping missionaries to establish their colonial church. Education was a vital part of winning converts. It was one of the most fundamental tasks set forth in preliminary discussions which led to the establishment of the Society, and was just as important

---

² *Xavier Francis*. The life and letters of St. Francis Xavier. Vol. 2. Ed. Henry James Coleridge. London: Burns and Oates. Vol. 2. 1872. P. 241.

³ *Montserrat Antoni*. The commentary of Father Monserrate, S.J., on his journey to the court of Akbar. Ed. Hoyland, S.N. Banjee, R.R. Dewhurat. Bombay — Oxford: University Press, 1992. P. 47.

as actual conversion to Christianity [Abé 2011: 9—10]. The Jesuits were trained to work with children; they had special books where the founding ideas of the Christian faith were explained⁴. Akbar asked Jesuits to undertake the education of his eldest son and his mates who had been chosen by him from the children of the higher nobility. The children were taught Christianity and at the beginning of each lesson Prince Murad “called devoutly upon the names of Jesus and Mary as is the Christian custom; then he made the sign of the Cross on his forehead, face and breast; finally, he paid reverence to the picture of Christ which was in his book.” In three month, he could read and copy his tutor’s handwriting⁵.

Another important aspect of missionary activity was the study of language by the Jesuits. To participate in religious discussions, knowledge of language was a necessary condition. Gonoï Takashi mentions that Xavier managed to learn some words and phrases in Japanese. He was able to answer in Japanese the questions about the Creation, devils, inferno etc. [Takashi 1990: 42—43]. But Xavier had to admit that it was not enough. In one of his first letters, he notes: “If we knew the Japanese language, we should long ere this have been at work at this large uncultivated field with great fruit of souls”⁶. Not knowing the language created serious difficulties in communicating with the people, and he repeats the same idea: “This island is well fitted and prepared to receive the Gospel. If we all knew the language, I do not doubt but that a great many Japanese would become Christians”⁷. This was also well understood by Montserrat and other members of the Rodolfo Acquaviva mission to Akbar’s Mughal Empire. Akbar provided them with a teacher, and in three months Jesuits learned the Persian language which was spoken at the court. As Montserrat wrote, Acquaviva “could easily make himself understood in Persian, although he could not indeed speak as yet in a polished or fluent manner”⁸. Akbar's courtiers were really astonished “that a stranger and foreigner could learn so easily an unknown language.” And “when the priests had attained sufficient proficiency in Persian safely to translate the Gospel records and the teachings of the Faith, they began to turn into Persian the chief passages of Gospel history, and afterwards to write very careful comments and explanations”, Montserrat commented⁹.

Jesuits had to establish complex belief systems comprehensible by resorting to a familiar and limited canon of European concepts. They had hours of discussion with Akbar about the essence of the Holy Trinity and the Virgin Birth of Jesus, the Twofold Nature of Jesus, they explained the meaning of Christian sacraments and celebrations. Montserrat notes that Akbar had a strong interest in theology and “desired to be instructed in the faith in such a way that there might be no danger of stirring up the bitterness of his

⁴ *Montserrat Antoni*. The commentary of Father Monserrate, S.J., on his journey to the court of Akbar. Ed. Hoyland, S.N. Banjee, R.R. Dewhurat. Bombay — Oxford: University Press, 1992. P. 52.

⁵ *Ibid.* P. 52, 53.

⁶ *Xavier Francis*. The life and letters of St. Francis Xavier. Vol. 2. Ed. Henry James Coleridge. London: Burns and Oates. Vol. 2. 1872. P. 251.

⁷ *Ibid.* P. 242.

⁸ *Montserrat Antoni*. The commentary of Father Monserrate, S.J., on his journey to the court of Akbar. Ed. Hoyland, S.N. Banjee, R.R. Dewhurat, Bombay — Oxford: University Press, 1992. P. 49.

⁹ *Ibid.* P. 50.

enemies, or of his being compelled to desist through fear of the consequences”¹⁰. He wanted “more enlightenment on these points — how the Highest God can be both three and one, and how He can have a son, a man born of a virgin”, as these ideas went beyond his understanding¹¹. Akbar demonstrated them extreme benevolence: they were allowed to sit beside him, he conversed with them in private, he ordered his door-keepers to grant them entrance, whenever they wished, he sent them food from his own table, he visited one of them when he was ill and greeted him in Portuguese. As Montserrat noted, “he wished the priests to be sharers of his inmost thoughts”¹². Based on these signs of benevolence Montserrat believed that Moghul ruler wanted to convert to Christianity. During one of these discussions Acquaviva insisted that he had “to decide immediately upon some plan and process by which he might become a Christian without causing an upheaval or risking his life”¹³.

In both places, the Jesuits soon found opponents who objected to their views. The Jesuits’ attempts to convert Akbar to Catholicism met with fierce opposition from the Muslim Mullahs who had centuries of experience of confrontation with the Christians. Xavier, when speaking of the successes of his mission, praises the Japanese, mentioning that “it does not seem that we have any danger to fear from the people itself”, but “unless perhaps it be roused against us by the bonzes”, highlighting the fierce resistance of the monks¹⁴. The bonzes are described by Xavier as the greatest enemies of the missionaries and he denounces them violently for their greed and immorality. “Now the Christian truth is opposed in the highest degree to their bad tenets and errors, and so there is a chance that as soon as we begin to preach the Gospel and refute the lies which they teach, we shall have them all attacking us with great hostility”¹⁵.

The disputations of Xavier and Montserrat with the bonzes or the mullahs were concentrated on the religious beliefs and practices of the Japanese and Indians, on their conception of Buddhist or Islam doctrine and explanations about Christian teachings, on three core Christian principles — one God as the creator of all things, the immortality of the soul, and rewards and punishments in the hereafter. About Christian teachings Xavier notes that the Japanese are extremely curious and skeptical. On being told that God is the creator of the world and the “First Cause of all things”, they remark that the Chinese “must have known it”. The Japanese questioned Xavier on the origin of evil in the Christian tradition: “God if He were good could never have done such a thing as create beings so evil!” They also considered it problematic to agree with the idea “that men could be cast into hell without any hope of deliverance”. Such a dogma apparently appeared too unmerciful and uncompromising to them. Xavier’s listeners were mostly

---

¹⁰ *Montserrat Antoni*. The commentary of Father Monserrate, S.J., on his journey to the court of Akbar. Ed. Hoyland, S.N. Banjee, R.R. Dewhurat, Bombay — Oxford: University Press, 1992. P. 47.

¹¹ *Ibid.* P. 39.

¹² *Ibid.* P. 64.

¹³ *Ibid.* P. 47.

¹⁴ *Xavier Francis*. The life and letters of St. Francis Xavier. Vol. 2. Ed. Henry James Coleridge. London: Burns and Oates. Vol. 2. 1872. P. 254.

¹⁵ *Ibid.* P. 254.

shocked to absorb the idea that their ancestors, who had never had the chance to know God, should be condemned to eternal damnation.

“All these sects”, Xavier explains, “observe a wonderful silence about the creation of the world and of souls”. They talk of “abodes of the virtuous and of the wicked” without making clear “by whose power... the wicked are cast down to hell”. They limit their remarks “to holding up the example of the founders of the sects” who suffered greatly for the redemption of the evil and unthinking. Penance is not required and the laity is urged to save itself from eternal suffering by confidently placing its trust in these “holy persons”. Still the Buddhists all agree that five moral precepts must be observed. Should these commandments be broken by secular persons, the bonzes will “make satisfaction for all the evil or inconvenience which may happen to them” providing that they are given convents, money, honor, and homage. The bonzes therefore get whatever they want “as everyone believes that by their prayers souls are delivered from hell”. Under such a system the rich “enjoy a greater license of sinning” while the poor “have no hope of escaping from hell”. But any individual, irrespective of sex, who gives money to the bonzes, will after death “receive ten times as much in the same coin” [Lach 1965: 670—671].

The members of the Acquaviva mission also experienced such animosity from the Mullahs. The subject of discussions between the Christians and the Muslims was rather traditional. Montserrat wrote, “The Fathers and the religious leaders of the Musalmans held frequent debates concerning an infinite variety of points — the Trinity, God the Son, his death, Muhammad, Alcoranus, the day of judgment, death, resurrection, and various philosophical and political subjects”¹⁶. These discussions were nothing new for the missionaries. The collection of arguments used by both sides shows that the ideological opponents already had experience of such a confrontation, the mission’s members were trained for debates with the Muslim Mullahs, Acquaviva could use “arguments and quotations drawn from the Musalman scriptures instead of from Bible” which made a strong impression on the Muslims. The Mullahs “had constantly found, when the scriptures were brought for reference, that our party had given the most careful study to the Quran, and indeed that they never made a mistake in their quotations”¹⁷. The fact that the Catholic mission’s representatives were able to debate, based on the Koran demonstrates that the Christians were already well acquainted with the image of their ‘Other’. For them he was not just an ‘Other’, but he was the ‘Alien’, a very dangerous enemy. The discussion that took place, was not an attempt to understand the ‘Other’; it just confirmed an image of the ‘Other’ that had been already established.

***

In the 16th century, the Jesuits were the intellectual elite of society and “from a contemporary sixteenth or seventeenth century standpoint, Jesuit priests were masters of Euro-Christian knowledge” [Abé 2011: 8]. It was at that time in particular that the Jesuits

¹⁶ *Montserrat Antoni*. The commentary of Father Monserrate, S.J., on his journey to the court of Akbar. Ed. Hoyland, S.N. Banrjee, R.R. Dewhurat, Bombay — Oxford: University Press, 1992. P. 50.

¹⁷ *Ibid.* P. 51.

tested ways of behaving in another cultural environment and their methods of influencing “Others” with the objective of integrating them into the system of European spiritual values. In terms of the acculturation of non-Christians these methods turned out to be quite successful. An evaluation of the Japanese and Mughals example demonstrates *esprit de corps* on the obvious cultural biases both in the Jesuit missionaries’ approaches to non-Christian peoples and in their interpretations of overseas civilizations.

In Japan, the missionaries had immediate success. Over the course of the two years during which Xavier was in the country, over 700 people were converted to Christianity. Among them were people from all the classes and social groups and for the first time the Japanese opened their eyes to Christianity [Takizawa 2010: 52]. By 1614, there were already over one million Christians there. From the outset of the Jesuits’ activity in Asia, Xavier in his letters and in the annual reports, frequently applauds the converts, but complains from time to time about the difficulties of evangelization, mentioning that “those who become Christians do not find themselves commonly blamed for what they have done”¹⁸. But he had to admit that that the success of evangelization was less significant than he had expected. For this reason, by the end of his time in Japan, his attitude towards the inhabitants of the country had also changed. Xavier no longer calls them “the best people on Earth” — he characterizes the Japanese as being a people “very ambitious of honors and distinctions” who “think themselves superior to all nations in military glory and valor”. They prize arms, he reports, “more than any people I have ever seen”. To each other they are polite in daily interaction, “but not to foreigners, whom they utterly despise”¹⁹.

Fifty years after Xavier first set foot on Japanese land, Toyotomi Hideyoshi started purges of the Christians, which at the beginning of the 17th century would lead to the prohibition of Christianity and complete closure of Japan to the Europeans. Over the course of those 100 years, Japan became a different country. From a “patchwork quilt” marked by feudal wars, the country was politically unified under the leadership of Tokugawa, who no longer needed the Portuguese to maintain his own power or the Christians to combat with the monasteries. Okugawa ceased to tolerate their new gods and new laws. To fight the Christians, they used the same bonzes whose power they had tried to limit using the Catholic missionaries. As Emilio Sola concludes, the Christian century in Japan “resulted in a ‘disencounter’ when colonial/imperial model confronted the great culture” [Sola 1999; Sola 2013: 237].

It was the Japanese example that inspired the missionaries led by Acquaviva. Reporting on the progress of discussions with Akbar Montserrat stated that “in our own days the kings of Japan <...> frequently visit the humble houses of the priests of our Society, that they may learn the precepts of the true faith”²⁰. The Jesuits spent more than one year in Akbar’s Court but failed to achieve even the modest results compared with Japan. They were unable to navigate the situation in the country, the system of interactions

¹⁸ *Xavier Francis*. The life and letters of St. Francis *Xavier*. Vol. 2. Ed. Henry James Coleridge. London: Burns and Oates, Vol. 2, 1872. P. 251.

¹⁹ *Ibid.* P. 331.

²⁰ *Monserrate Antoni*. The commentary of Father Monserrate, S.J., on his journey to the court of Akbar. Ed. Hoyland, S.N. Banjee, R.R. Dewhurat. Bombay — Oxford: University Press, 1992. P. 46.

of the elites and the challenges faced by Akbar. Prisoners to their own stereotypes and biases, they genuinely believed that Akbar was not far off becoming a Christian. Montserrat, when describing his numerous meetings and conversations with Akbar was sure that the main obstacle to this was the Mughal ruler's preconception against Christian dogmas, primarily "chastity of life as to forbid a man to have more than one wife and to enjoin complete celibacy on their priesthood". And then he continues, "as the King himself said, his judgment was dulled and clouded, as it were, when he heard that there are three persons in one God, that God had begotten a son from a virgin, had suffered on the Cross, and had been killed by the Jews"²¹. Although he enjoyed participating in theological debate, asking questions, his plans did not include changing his faith. All his theological research was not related to an intention to adopt a different religion, but demonstrated, first and foremost, his ambitious intention to create a spiritual doctrine under which the Emperor becomes higher than any religion. He needed a new syncretic religion to maintain the Hindu majority under the control of the Muslim minority.

By perceiving the Muslims as their traditional "Aliens" and attempting to defeat them in theological debates, the Jesuit mission acted there even less 'accommodating' than with Buddhists. Islam, like Christianity, has a missionary character and any actions against the dominant position of Islam in the Empire led to a sharp resistance from Muslim communities. As a result the relations of the Portuguese with the Mughals were reduced to "an uneasy jousting", to "a jockeying for position", which made up an age of 'contained conflict', as Subrahmanyam defines it [Subrahmanyam 2011: 6]. The misunderstanding of the 'Other' led to the failure of Acquaviva's mission to the Mughal Empire.

To understand an outlandish cultural world, a person must partially abstract of his own 'mental maps', his own values, which he carries with him. Both Xavier and Montserrat considered Oriental world exclusively through the lens of their own views, which were combined with a Eurocentric conscience, an ardent ambition to bring the Christian idea to life and the stereotypes of the perception of the 'Other', which led to a misunderstanding of the situation in the country and the peculiarity of the religion. In those missions the external support was extremely decreased: they had neither political nor military power on their side, so they could only rely on their perception of the world of the 'Other'. The preconceptions formed during communication with another people turned out to be the reasons for the failures of the Catholic missionaries which prevented them from understanding and accepting that culture. In practice this led to the limits of 'Accommodation' and they achieved far less success.

But at the same time, in the initial period of their missionary work, the Jesuits who first came to Asia have taken a step towards the understanding that the identity of different peoples is structured in their own way, that dominants cannot be the same, that religion may not represent identity. They approached to the establishment of international strategy aimed at the strengthening of influence of Western powers in the East. The achievements of the Jesuits have been linked to the fact that they sought, at first instinctively, to 'fine tune' some aspects of their activities to an 'other' mentality and

²¹ *Montserrat Antoni*. The commentary of Father Monserrate, S.J., on his journey to the court of Akbar. Ed. Hoyland, S.N. Banrjee, R.R. Dewhurat. Bombay — Oxford: University Press, 1992. P. 29.

an ‘other’ socio-cultural, spiritual and religious reality, including language, values and traditions. They succeeded in making the very first steps in the use of ‘foreign code’ in the sphere of international contacts and interaction for realizing their intentions through the development of a religious and strategy of ‘soft’, ‘non-forcible’ leverage on the ‘others’. ‘Strategies of influence’, outlined by the first Jesuits, were developed later in the 17th century when Catholic missionaries would try to ‘accommodate’ their doctrines to the local conditions which would later allow them to make their activities more effective and led the Western governments to dominate the Eastern world.

REFERENCES

- Abé, T. (2011). *The Jesuit Mission to New France: A New Interpretation in the Light of the Earlier Jesuit Experience in Japan*. Leiden: Brill.
- Brockey, L. M. (2007). *Journey to the East: The Jesuit Mission to China, 1579—1724*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Fox, J., Sandler S. (2004). *Bringing Religion into International Relations*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Haynes, J. (2014). *Religion in Global Politics*. Harlow: Longman.
- Hosne, A.C. (2013). *The Jesuit Missions to China and Peru, 1570—1610: Expectations and Appraisals of Expansionism*. London — New York: Routledge.
- Lach, D. (1965). Asia in the Making of Europe *The Century of Discovery*. Book 2. Chicago: University of Chicago Press, Vol. 1.
- Monserrate, A. (2006). *Embajador en la corte del Gran Mogol: viajes de un jesuita catalán del siglo XVI por la India, Paquistán, Afganistán y el Himalaya*. Alay Josep Lluís (ed.). Lleida: Editorial Milenio.
- Monserrate, A. (1992). *The commentary of Father Monserrate, S. J., on his journey to the court of Akbar*. Ed. by Hoyland, S. N. Banrjee, R. R. Dewhurat. Bombay — Oxford: University Press.
- Sola, E. (2013). “*España y Japón en el Siglo de Oro: historia de un desencuentro*”, *Japón y España: acercamientos y desencuentros* (siglos XVI y XVII). María Jesús Zamora Calvo (coord.). Gijón: Satori.
- Sola, E. (1999). *Historia de un desencuentro: España y Japón, 1580—1614*. Madrid: Fugaz Ediciones.
- De Souza Teotonio, R. (1994). *Discoveries, Missionary Expansion, and Asian Cultures*. New Delhi: Concept Pub. Co.
- Subrahmanyam, S. (2011). *Explorations in Connected History. Mughals and Franks*, New Delhi — Oxford, University Press.
- Takashi, G. (1990). *Nihon Kirisutokyōshi*. Tokio: Yoshikawa Kōbunkan.
- Takizawa, O. (2010). *La historia de los Jesuitas en Japón*, Alcalá de Henares: Universidad de Alcalá.
- Thomas, S. (2005). *The Global Transformation of Religion and the Transformation of International Relations. The Struggle for the Soul of the Twenty-First Century*. New York / Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Vernet, J. (2001). Carta de Juan Vernet a Soledad Gibert acerca de las aventuras de una jesuita en la India. In: *Anaquele de Estudios Árabes*. Vol. 12. Universidad Complutense de Madrid.
- Vinogradov, A. V. (2006). State-political “codes” of the East and West. *International Trends*, 4 (1), 4—20. (in Russ.).
- Xavier, F. (1872). *The life and letters of St. Francis Xavier*. Vol. 2. Ed. by Henry James Coleridge. London: Burns and Oates, Vol. 2.

Received: 14.03.2017

For citations: Volosyuk, O.V., Nesterova, O.A., Solodkova, O.L. (2017). Jesuit strategy in Japan and India in the 16th Century as a precursor to modern Western “Soft Power”. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 391—401.

About the authors: *Volosyuk Olga Vilenovna* — Doctor of World History, Professor, Faculty of World Economy and International Affairs of HSE (e-mail: ovolosiuk@hse.ru).

Nesterova Olga Alexandrovna — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head, School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs of HSE (e-mail: onesterova@hse.ru).

Solodkova Olga Leonidovna — PhD in World History, Associate Professor, School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs of HSE (e-mail: olsolodkova@hse.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-391-401

СТРАТЕГИИ ИЕЗУИТОВ ПРИ ПОКОРЕНИИ ЯПОНИИ И ИНДИИ В КОНЦЕ XVI — НАЧАЛЕ XVII В. КАК ПРЕДТЕЧИ СОВРЕМЕННОЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

О. В. Волосюк, О.А. Нестерова, О.Л. Солодкова

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Принципы «мягкой силы» в контексте исторического развития международных отношений постепенно включались в структуру стратегий влияния как на Востоке, так и на Западе. Это происходило задолго до появления самого концепта «мягкая сила» и до того, как «мягкая сила» стала использоваться в глобальном масштабе на уровне межгосударственных отношений.

В современном мире, в условиях возрастающей роли религиозного фактора в международных отношениях важно понимать, как использовать достижения и исправить ошибки этих ранних стратегий, которые уже в XVI в. были разработаны и активно использовались иезуитами в международной практике.

Деятельность Франциска Ксавье в Японии и Антони де Монсеррата в империи Моголов и стала тем опытом, на основе которого иезуиты разрабатывали основы стратегий коммуникаций в Азии. Внимательное и тщательное изучение их опыта имеет большое значение для понимания современных процессов международного взаимодействия с точки зрения использования рычагов воздействия «мягкой силы».

Ключевые слова: «мягкая сила», иезуиты, Франциск Ксавье, Антони де Монсеррат, стратегии влияния, империя Великих Моголов, миссионерская деятельность иезуитов в Азии

Дата поступления статьи: 14.03.2017

Для цитирования: *Volosyuk O.V., Nesterova O.A., Solodkova O.L.* Jesuit strategy in Japan and India in the 16th Century as a precursor to modern Western “Soft Power” // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 391—401.

Сведения об авторах: *Волосюк Ольга Виленовна* — д-р ист. наук, профессор Школы востоковедения факультета мировой политики и мировой экономики НИУ ВШЭ (e-mail: ovolosiuk@hse.ru).

Нестерова Ольга Александровна — д-р филос. наук, профессор Школы востоковедения факультета мировой политики и мировой экономики НИУ ВШЭ (e-mail: onesterova@hse.ru).

Солодкова Ольга Леонидовна — канд. ист. наук, доцент Школы востоковедения факультета мировой политики и мировой экономики НИУ ВШЭ (e-mail: olsolodkova@hse.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-402-415

«ФРАНСАФРИК» И ЭТИКА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В.Р. Филиппов

Институт Африки РАН, Москва, Россия

В статье рассматриваются коррупционные связи политических элит Франции и ряда суверенных африканских государств, бывших до середины прошлого столетия частью французской колониальной империи. Дан анализ причин, побудивших первого президента Пятой республики генерала Шарля де Голля приступить к формированию особого военно-политического феномена, получившего впоследствии название «Франсафрик». Раскрыт характер этого феномена как особой совокупности латентных лоббистских сетей военно-политического и экономического влияния Елисейского дворца в странах Черного континента, с одной стороны, и как специфического механизма реализации французской версии неокOLONИализма в политической практике, с другой. Обоснована точка зрения, согласно которой угроза утраты всех военно-стратегических, политических и, в особенности, экономических преференций Франции в ставших независимыми африканских странах побуждала Елисейский дворец к полуполюгальным, нелегальным, а зачастую и криминальным методам отстаивания интересов Франции в регионе. На практике это означало конструирование системы интегральной зависимости формально независимых стран тропической Африки от бывшей метрополии, формирование кортежа клиентелистских государств с коррумпированными властными элитами. Последние призваны были обеспечивать французским энергетическим гигантам фактически неограниченный доступ к стратегическим природным ресурсам, контроль над политическими партиями этих стран. Основной акцент в этой французской модели неокOLONИализма был сделан на тотальном подкупе формирующихся политических элит африканских стран. Тогда, когда прямой подкуп африканских политиков оказывался невозможным или недостаточным, французские спецслужбы использовали такие методы сохранения контроля над ситуацией, как шантаж, политические убийства или прямая военная агрессия. Особое внимание уделяется проблеме обратного влияния коррумпированных африканских лидеров на политический класс Франции на разных этапах истории Пятой республики. Сделан вывод о том, что послевоенная политика бывшей метрополии в ныне суверенных государствах Африки привела не только к растлению зависимых африканских лидеров, но и к коррупционному разложению верхушки французской политической системы.

Ключевые слова: «Франсафрик», Франция, Африка, неокOLONИализм, коррупция, Пятая республика, Елисейский дворец, Нигер, Габон, Кот-д'Ивуар, политическая элита, Обьянг Нгема, Омар Бонго, компания «Эльф»

Не будучи в состоянии противостоять тем геополитическим сдвигам, которые произошли в мире после Второй мировой войны, Франция сделала все, чтобы сохранить свое политическое, экономическое и военное присутствие на тех пространствах Черного континента, которые совсем недавно входили во Французскую колониальную империю и составляли основу ее могущества.

УЙТИ, ЧТОБЫ ОСТАТЬСЯ

Французские историки единодушны в том, что именно «опасный кризис 13 мая 1958 г., спровоцированный путчем мятежных офицеров в Алжире, привел к власти генерала Шарля де Голля» [Rémond 1998]. 9 мая 1958 г. президент Рене Коти обратился к «самому выдающемуся французу» [Winock 1995: 12; Winock 2006] с просьбой взять бразды правления в свои руки. Как писал авторитетный специалист

по новейшей истории Франции Жан-Поль Дозон, «обескровленная Четвертая республика сдалась на милость генерала де Голля» [Dozon 2002: 261].

Генерал понимал, что потеря алжирской нефти таит в себе угрозу энергетической независимости Франции, что суверенитет Алжира ознаменует собой начало распада всей колониальной империи [Васильев 1999: 47]. Он оказался перед трудным выбором. Вопреки своим личным симпатиям и юношеским идеалам, он постепенно склонялся к суровой необходимости признания независимости Алжира. Как отметил Николай Молчанов, «генералу приходилось бороться и с самим собой, ибо ему предстояло решиться на отказ от того, что всегда считалось достоянием Франции, основой ее могущества» [Молчанов 1972: 378].

Кроме того, над президентом довлела мощная апологетическая традиция, согласно которой Франция «облагодетельствовала» Африку, ибо познакомила дикие племена с благами цивилизации, а «принесенный французами мир пришел на смену произволу и нищете» [Monod 1926: 341]. В поздних «Мемуарах надежды» Ш. де Голля есть удивительное свидетельство наивной уверенности генерала в необходимости и полезности такого патронажа: «Мы принесли им нашу цивилизацию, вместо прежней анархической разобщенности создали на каждой территории централизованную систему управления, которая стала прообразом национального государства, мы создали элиты, которые, воодушевленные принципами прав и свобод человека, уже стремились занять наше место на всех ступенях иерархии. <...> Мы приняли на себя обязательства стать их привилегированными партнерами... Привести народы заморских владений к самоуправлению и, в то же время, наладить с ними сотрудничество — таковы были мои искренние намерения» [Gaulle 1972: 42].

Ш. де Голль соизмерял желаемое и возможное. Перед ним стояла задача уйти с африканского континента так, чтобы Пятая республика сохранила в ряде стран эксклюзивные и никем не оспариваемые стратегические преференции. Он согласился с суверенитетами молодых африканских государств, но «это была видимая часть айсберга, совершенно белая — «Франция любит Африку!». По словам Франсуа-Ксавье Вершава, «Ш. де Голль поручает своей правой руке Жаку Фоккару создать систему интегральной зависимости: это означало сохранение кортежа клиентелистских государств, доступ к стратегическим природным ресурсам и контроль над политическими партиями. Прокламированная легальность таила фактическую нелегальность. Организовывать эту нелегальность можно было лишь незаконными методами»¹. Так родилась «Франсафрик», представляющая собой особую систему латентных связей между элитами метрополии и бывшими колониями, так плелись сети военно-политического и экономического влияния, выстроилась совокупность лоббистских групп. Изначально «Франсафрик» конструировалась как латентный механизм, «призванный контролировать осуществление французской неоколониальной стратегии»².

¹ Verschave F.-X. La Françafrique. Retranscription de conférences-débat données par F. X. Verschave, président de Survie de 1995 à 2005. URL: <http://survie.org/francafrique/article/la-francafrique> (accessed: 13.01.2017).

² Жак Фоккар и французская грязная работа. URL: <http://www.psdpr.ru/rabota-cru/zhak-fokkar-i-francuzskaya-gryaznaya-rabota> (дата обращения: 13.01.2017).

СПЕЦИФИКА МЕТОДОВ «ФРАНСАФРИК»

Ж. Фоккар начал с селекции глав государств — «друзей Франции», используя пропаганду, электоральные манипуляции и фальсификации, примерные наказания непокорных. Он держал в узде марионеточных правителей африканских стран прежде всего посредством экономического контроля, особой монетаристской политики [Vinay 1988]. Конвертируемость африканского франка позволяла организовывать параллельное движение денег, получать ренту от природных богатств, присваивать гуманитарную помощь и т.д. Поощрение коррупции, тайные сделки, закулисные договоренности, подкуп государственных деятелей, политические убийства, организация военных мятежей и прямое вооруженное вмешательство в дела суверенных государств — все это стало привычным инструментарием французской тайной дипломатии на африканском континенте.

Патрик Пено, автор фундаментального исследования «Изнанка Франсафрик» свидетельствует: «Все годы независимости африканских стран Париж продолжает навязывать им свою опеку и делает все, чтобы обеспечить практически неограниченный контроль над их ресурсами (в Нигере это уран, в Габоне — нефть, в Кот-д'Ивуаре — какао...). Для достижения этой цели все правительства Франции использовали все имеющиеся в их распоряжении средства: перевороты, грязные трюки секретных служб, гарнизоны, оставшиеся в африканских странах в наследство от колониального прошлого, военные экспедиции наемников, тайные соглашения, позволяющие Парижу вмешиваться во внутренние дела суверенных стран, экономическое давление... Франция несет ответственность за многие кровавые эпизоды и убийства в странах Африки» [Pesnot 2011: 14]. Система функционирует благодаря использованию самых разных методов. Сексуальные скандалы, которые используются как средство шантажа, уголовные преступления (трафик оружия, торговля наркотиками, отмыwanie денег), захват сырья и гуманитарной помощи. Когда возникает необходимость захвата природных богатств суверенных государств (нефтяных полей, тропических лесов, месторождений урана или иного стратегического сырья), в ход идут политические убийства, разжигание родоплеменных конфликтов, массовые убийства населения.

Ж. Фоккар и его агенты широко использовали военный корпоративизм, кумовство между французской армией и рядом военных руководителей африканских государств, часто приведенных к власти агентами французских спецслужб. Используя сети влияния, Париж навязал бывшим колониям целую серию военных соглашений, большей частью секретных. Когда фундаментальные интересы Франции на африканском континенте оказываются под угрозой, эта держава не останавливается перед открытым использованием военной силы. Военное вмешательство является составной частью деятельности сети «Франсафрик» в Африке. К нему прибегают тогда, когда агентурные средства, например, подкуп, политические убийства, репрессии (то, что составляет повседневную работу секретных служб) оказываются недостаточными. «Там, где одна лишь тайная грязная работа не приносит успеха, в дело вводятся вооруженные силы»³.

³ Жак Фоккар и французская грязная работа. URL: <http://www.psdp.ru/rabota-cru/zhak-fokkar-i-francuzskaya-gryaznaya-rabota>.

Восемь африканских стран связаны с Парижем военными соглашениями, которые вплоть до 2008 г. содержали положения, позволявшие французским военным вмешаться в дела суверенных государств «для поддержания внутреннего порядка». К этим положениям апеллировали французские политики, когда нужно было защитить какого-нибудь марионеточного правителя, испытывающего «политические» трудности в собственной стране⁴. Начиная с 2008 г. эти положения были оспорены и частично отменены (что не мешает, однако, направлять «ограниченные воинские контингенты» по приглашению президентов тех или иных стран). Для выполнения жандармских функций крупные французские военные базы остаются в четырех странах Черного континента: Джибути, Сенегале, Чаде и Габоне.

Когда по каким-то причинам Елисейский дворец не хочет использовать армию для решения своих африканских проблем, на помощь приходят наемники или французский Иностраннный легион, за которым тянется шлейф военных преступлений. Пример — печально известный «король наемников» Боб Денар, который, несмотря на доказанное участие по крайней мере в пяти государственных переворотах, спокойно умер в своей постели⁵. Незадолго до смерти он дал очень интересное интервью. На вопрос журналиста: «Правда ли, что ни один путч нельзя было устроить без санкции французских спецслужб?» он ответил: «Так или иначе, какое-то взаимодействие со спецслужбами всегда было. Иногда связующим звеном выступал месье Ж. Фоккар... Для того чтобы бросить армию на ту или иную операцию, требовалась большая предварительная подготовка. Мой же отряд был легким и мобильным и мог выполнить ту же миссию малыми силами... На суде месье Фоккар назвал меня «честным человеком и патриотом, который служил своей стране»⁶.

Стоит отметить также, что зачастую под видом наемников воюют солдаты французской армии. По словам министра по делам сотрудничества и кооперации Ш. Жосселена «многие наемники носят сегодня форму, которая сильно напоминает ту, которую они носили вчера... Эти парни ведут войны от нашего имени, на наши деньги, не считая нужным информировать нас об этом»⁷. 30 ноября 2000 г. ассоциация «Survie» организовала в Национальном собрании семинар, посвященный активности французских наемников в Африке. На этом форуме известный журналист и политолог Тьерри Мейсан, президент правозащитной сети «Вольтер», убедительно доказал, что действующие сегодня организации наемни-

⁴ *Lasserre I.* La France consolide sa présence à Djibouti. URL: <http://www.lefigaro.fr/international/2011/12/22/01003-20111222ARTFIG00260-la-france-consolide-sa-presence-a-djibouti.php> (accessed: 13.01.2017).

⁵ *Трухачев В.* Наемники — кровавое орудие Запада в Африке. URL: <http://www.pravda.ru/world/restofworld/africa/05-02-2008/254452-naemnik-0/#> (дата обращения: 13.01.2017).

⁶ *Коваленко Ю.* Боб Денар: король наемников, наемник королей. URL: <http://russian-bazaar.com/ru/content/5174.htm> (дата обращения: 13.01.2017).

⁷ *Verschave F.X.* Le Crime Continue. 2000. Retranscription de conférences-débat données par F.X. Verschave, président de Survie de 1995 à 2005. URL: <http://survie.org/publications/livres/article/le-crime-continue>.

ков тесно связаны с французскими ультраправыми⁸. Следы преступлений «Франсафрик» в Черной Африке и стали предметом рассмотрения в моей книге [Филиппов 2016: 376] и отдельных публикациях. В этой статье речь пойдет о зависимости Елисейского дворца от культивируемой им африканской клиентелы.

ОБРАТНАЯ СТОРОНА МЕДАЛИ

На Черном континенте «Франсафрик» рассматривается многими лидерами как своего рода «страхование жизни»⁹. Те главы африканских государств, которые оказались в президентских креслах в результате путчей или узурпировали власть посредством непрозрачных выборов, а то и просто отказавшись от их проведения, часто искали политического прикрытия и военной помощи у президентов Франции. Г. Сидорова и Е. Корендясов обращают внимание на то, что «многие африканские лидеры не спешили отказываться от традиционных отношений с бывшей метрополией, в которых они видели важнейшее условие сохранения режима своей личной власти и надежный источник финансово-экономической помощи» [Сидорова, Корендясов 2011: 129]. Это обстоятельство побуждало их искать механизмы воздействия на правящие элиты Пятой республики, способы влияния на лиц, принимающих решения в Елисейском дворце.

Примечательный факт. Сам Валери Жискар д'Эстен рассказывал, что во время электоральной кампании в 1981 г. он узнал, что О. Бонго финансирует предвыборную кампанию его заклятого врага Ж. Ширака. «Я позвонил ему и сказал: «Вы поддерживаете кампанию моего соперника». Последовало молчание, которое я отчетливо помню до сих пор. Затем он произнес: «А... вы уже об этом знаете». С того самого момента я прекратил с ним всякие личные отношения», — вспоминал позже экс-президент [Эстен 1990: 320]. Эксперты связывают этот демарш О. Бонго с тем, что президент Франции не согласовал с ним и его африканскими коллегами решение о военной экспедиции в ЦАР и свержение императора Бокасссы. И не потому, что этот людоед был ему дорог, а потому, что президент Габона в это время уже привык к тому, что Елисейский дворец не делает на Черном континенте ничего, что бы не было согласовано с ним лично¹⁰.

В течение более чем полувека коррупционные сети «Франсафрик» как коррозия разъедали политический класс Франции. Ф.-К. Вершав, многие годы посвятивший разоблачению преступной деятельности «Франсафрик», настаивал на том, что вся система лоббистских связей существует до сих пор и «функционирует благодаря покровительству глав дружественных африканских государств, их клановых и клиентелистских режимов, некоторые из которых частично обратили в свою пользу отношения зависимости, сосредоточив в своих руках средства давления на лиц, принимающих решения во Франции» [Verschave 1999: 380].

⁸ Reseau Voltaire. URL: <http://www.librairie-voltaire.net.org> (accessed: 13.01.2017).

⁹ Boisbouvier C. 50 years later, Françafrique is alive and well. URL: <http://en.rfi.fr/africa/20100216-50-years-later-francafrique-alive-and-well> (accessed: 13.01.2017).

¹⁰ Изюмов А. 40 лет анестезии. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1185503> (дата обращения: 13.01.2017).

В 1997 г. Францию потряс политический скандал, получивший впоследствии название «Анголагейт». К суду были привлечены главные фигуранты этого дела французский бизнесмен П. Фальконе и израильский миллиардер А. Гайдамак, которые в 1993—1998 гг. в обход санкций ООН организовали масштабные поставки оружия российского производства в Анголу, где в это время шла кровопролитная гражданская война. Сумма сделки составила 790 млн долларов¹¹. Всего в качестве обвиняемых по делу проходили 42 человека, в том числе сын президента Франции Ж.-К. Миттеран, бывший министр внутренних дел страны Ш. Паскуа, его заместитель Ж.-Ш. Маршиани, а также бывший советник президента Ф. Миттерана Ж. Аттали. Ж.-К. Миттеран был признан виновным в соучастии в незаконной торговле оружием, хищениях и получении взяток на сумму 2,6 млн долларов. Эти деньги были выплачены ему П. Фальконе за «ценные консультации»¹².

В октябре 2009 г. в Париже состоялся апелляционный суд, который принял решение об отмене решения суда низшей инстанции. Незадолго до этого судья Франсуаза Дессе провела расследование по делу о недвижимости, приобретенной во Франции президентами африканских стран на сумму 160 млн евро. В деле фигурировали президенты Республики Конго Д. Сасу Нгессо, лидер Экваториальной Гвинеи Т. Обьянг Нгема, а также покойный президент Габона О. Бонго. Истцом стала международная организация «Transparency international», обвинившая африканских лидеров в том, что их недвижимость во Франции была куплена на украденные государственные средства. Апелляционный суд решил, что «Transparency international» не может выступать в качестве истца, поскольку самой организации предполагаемые преступления ущерба не причинили. Адвокат «Transparency international» В. Бурдон заявил, что будет обжаловать решение апелляционного суда. По его словам, «победу в суде одержали преступные сообщества, виновные в разграблении общественных средств стран Африки». Адвокат Бурдон считает, что суд восстановил «закон молчания» вокруг злоупотреблений африканских режимов. Уже дважды — в 2007 г. и 2008 г. — прокуратура Парижа отклоняла жалобы, поданные против трех африканских президентов. Попытки добиться расследования их финансовой деятельности существенно осложнили отношения Франции с Конго, Габоном и Экваториальной Гвинеей¹³.

Возникает вопрос: почему французская фемида так благосклонна к президентам названных африканских стран?

В сентябре 2011 г. бывший советник Жака Ширака адвокат Робер Буржи в своем интервью французскому еженедельнику «Journal du dimanche» сознался, что на протяжении десяти лет он тайно перевозил из Африки в Париж портфели, наполненные долларами и франками. Он заявил, что лично передавал деньги

¹¹ В Париже начался суд над участниками «анголагейта». URL: <http://lenta.ru/news/2008/10/06/trial> (дата обращения: 13.01.2017).

¹² Angolagate: les principaux acteurs de l'affaire // Le Figaro. 2007. 28 mars.

¹³ Французская недвижимость президентов Конго, Габона и Экваториальной Гвинеи вызывает подозрения. URL: http://www.rfi.fr/acturu/articles/118/article_4512.asp (дата обращения: 13.01.2017).

Ж. Шираку и премьер-министру Доменику де Вильпену от таких «друзей Франции», как Дени Сассу-Нгессо, Абдулай Вад, Блез Компаоре, Омар Бонго, Лоран Гбагбо¹⁴. Адвокат утверждал, что «Ж. Ширак и де Вильпен считали деньги прямо у него на глазах». По его словам, за восемь лет только Ж. Ширак получил примерно 20 млн долларов. Все это предназначалось Д. де Вильпену, который всегда был поклонником императора. В числе подарков также упоминались украшенные бриллиантами часы и ценные африканские маски. По его словам, то же самое было и при Ж. Помпиду, В. Ж. д'Эстене и Ф. Миттеране¹⁵.

Что касается Н. Саркози, то факт получения огромных взяток от лидеров африканских стран подтвердил эксперт Елисейского дворца по Африке Жан-Франсуа Пробст, заявивший, что «с приходом Н. Саркози ничего не изменилось»¹⁶. Еще один свидетель — советник Ж. Ширака Мишель де Бонкорс, рассказал журналисту П. Пеану о том, что сам видел, как Р. Буржи передавал Н. Саркози чемодан, полный денег, еще в бытность последнего министром внутренних дел Франции¹⁷. Широкою огласку получил факт финансирования в размере 50 млн евро избирательной кампании Н. Саркози лидером ливийской революции М. Каддафи [Подгорнова 2015: 34]. В свою очередь помощник бывшего ивуарийского президента Л. Гбагбо — Б. Удэн — называет такие выплаты Парижу исторической реальностью и говорит, что единственное, в чем можно усомниться, так это в указанных суммах, поскольку «те суммы, о которых сейчас говорят, безусловно, ниже реальных»¹⁸. В своей книге «Республика чемоданов» П. Пеан пишет, что в период с 1992 по 2005 г. Д. де Вильпен получил от глав ряда африканских государств около 20 млн долларов [Réan 2011]. Вполне вероятно, что впереди новые разоблачения, которые прояснят характер взаимоотношений французских президентов с их африканской клиентелой.

ОСОБЫЕ ОТНОШЕНИЯ ГАБОНА С ЕЛИСЕЙСКИМ ДВОРЦОМ

Правление О. Бонго трудно оценить однозначно: за годы, проведенные им у власти, подушевой ВВП в Габоне вырос в 15 раз — до 14 тыс. долларов США в год. Источник благополучия — это нефтяные богатства страны. Габон относится к старейшим нефтедобывающим странам Экваториальной Африки. Добыча нефти ведется здесь с 1956 г. Пик добычи был пройден в 1997 г. (18,45 млн т), и с тех пор происходит ее постепенное снижение (в 2007 г. было добыто 11,9 млн т). Доказан-

¹⁴ *Зубов Н.* Франция продолжает «доить» колонии в Африке. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1761267> (accessed: 13.01.2017).

¹⁵ *Jaigu Ch.* L'affaire Bourgi laisse l'Élysée perplexe. URL: <http://www.lefigaro.fr/politique/2011/09/12/01002-20110912ARTFIG00670-l-affaire-bourgilaisse-l-elysee-perplexe.php> (accessed: 13.01.2017).

¹⁶ *Зубов Н.* Франция продолжает «доить» колонии в Африке. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1761267>.

¹⁷ *Laurent S., Roger P.* Chirac, de Villepin et Le Pen se secrètement de l'argent hors de l'Afrique. URL: <http://inosmi.ru/europe/20110913/174615523.html> (accessed: 13.01.2017).

¹⁸ *Зубов Н.* Франция продолжает «доить» колонии в Африке. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1761267> (дата обращения: 13.01.2017).

ные запасы нефти в Габоне по состоянию в 2007 г. составляли 275 млн т. Экспорт нефти составляет около 85% экспортных доходов (примерно 8 млрд долларов из 9,3 млрд всего экспорта), доля этой отрасли в ВВП — более 60%. (Добыча марганцевой руды приносит 7% ВВП, столько же дает экспорт леса. Габон обладает значительными запасами урана — по оценке 1982 г. они составляли 100 тыс. т¹⁹. С конца 60-х гг. почти весь уран шел во Францию, лишь незначительная часть поставлялась в Японию²⁰. В 1999 г. разработка урановых месторождений была прекращена из-за крайне низких в этот период цен на уран. За время эксплуатации месторождений получено около 28 тыс. т урана.

Значительная доля нефтяной ренты использовалась не по назначению. Быстро обогащались иностранные специалисты, в основном французы, постоянно проживающие в стране. Жителям лесных деревушек почти ничего не досталось от нефтяных доходов. Журналист Брюно Мубамба, баллотировавшийся в президенты Габона на выборах 2009 г., свидетельствует: «Большинство жителей Габона находятся за чертой бедности. Задача каждого дня — просто поесть. Как так получилось, если мы богатая нефтедобывающая страна? Мы могли бы жить, как живут в странах Персидского залива»²¹.

О масштабах коррупционного обогащения элиты страны можно судить по таким цифрам: за счет разницы между стоимостью добычи нефти в Габоне и ее рыночной ценой с 1960 г. было получено более 100 млрд франков²². Не стоит думать, что все эти деньги доставались габонской элите и белым воротничкам. По мнению французских аналитиков, львиная доля доходов от торговли габонской нефтью поглощалась бывшей метрополией и агентурными сетями «Франсафрик».

В кулуарах Елисейского дворца говорили, что во Франции не может стать министром по делам сотрудничества и Франкофонии (иначе говоря, министром по отношениям со странами Африки) человек, которого по той или иной причине невзлюбил О. Бонго. В 2008 г. последний добился от Н. Саркози увольнения государственного секретаря Жан-Мари Бокеля, заявившего о своем намерении положить конец деятельности «Франсафрик»²³. В чем же состоял секрет тайного могущества бессменного президента небольшой африканской страны? Сам О. Бонго сформулировал это афористично и точно: «Габон без Франции — как автомобиль без водителя. Франция без Габона — как автомобиль без топлива...»²⁴.

¹⁹ Информационно-аналитический центр «Минерал». URL: <http://www.mineral.ru/Facts/world/116/138/index.html> (дата обращения: 13.01.2017).

²⁰ *Shaxson N. Omar Bongo; Little big man.* URL: http://www1.rfi.fr/actu/articles/114/article_3430.asp (accessed: 13.01.2017).

²¹ *Кириленко А.* В Габоне выборы. Почем копченые уши? URL: <http://www.svoboda.mobi/a/1849667.html> (дата обращения: 13.01.2017).

²² *Дютей Д.* Умер президент Габона Бонго: история «Франсафрики» завершилась. URL: http://www.rfi.fr/actu/articles/114/article_3430.asp (дата обращения: 13.01.2017).

²³ Там же.

²⁴ *Gabon president Omar Bongo Ondimba dies.* URL: <http://www.thetimes.co.uk/tto/news> (accessed: 13.01.2017).

Советник президента Габона Али Бонго (сын О. Бонго и ныне президент страны) охарактеризовал суть отношений его страны с Елисейским дворцом таким образом: «Французы защищают нашу систему от внутренних и внешних угроз. Взамен мы поддерживаем французскую политику в Африке». После смерти О. Бонго в августе 2009 г., за несколько дней до президентских выборов, на которых должен был быть избран новый глава Габона, один из неофициальных советников президента Франции Н. Саркози, адвокат Р. Буржи, в интервью газете «Le Monde» заявил: «В Габоне Франция не имеет кандидата, но кандидатом Р. Буржи является Али Бонго. А я очень влиятельный друг Н. Саркози. Избиратели поймут»²⁵.

КОМПАНИЯ «ЭЛЬФ»

Говоря об особых отношениях О. Бонго с политической элитой Франции, нельзя не сказать о деятельности энергетической компании «Эльф» («Elf»). Созданная генералом де Голлем для обеспечения энергетической безопасности Франции, эта компания фактически была агентом государственного влияния Елисейского дворца в африканских странах. Примечательно, что с 1965 по 1967 г. ее возглавлял Пьер Гийома, который с 1958 г. по 1960 г. был министром обороны Франции. (В 1979 г. стал одним из участников скандала, связанного с инвестициями в размере 500 млн швейцарских франков в огромную мошенническую ловушку, связанную с авиационным бизнесом²⁶.) Казалось бы, почему экс-министр обороны? Причем здесь нефть? Однако «в компании «Эльф» изначально главенствовали торговцы оружием, и не нефтяники попутно торговали оружием, а торговцы оружием попутно добывали нефть»²⁷. Цель обеспечения «энергетической независимости» и покровительство президента превратили концерн, якобы призванный разрабатывать новые месторождения в бывших французских колониях в Африке, в «министерство нефти». Концерн успешно сочетал эту деятельность с функциями спецслужб. Значительная часть, как нефтяной ренты, так и комиссионных от торговли оружием, попадала в руки спецслужб, увеличивая в три-пять раз их финансирование, утвержденное парламентом. Кроме того, «на эти деньги спецслужбам удалось подкупить почти весь политический класс Франции. Французские спецслужбы прибрали к рукам наркотрафик, а также отмывание африканских денег через лотереи, ипподромы и казино»²⁸. В Конго и Заире, Габоне и Камеруне «Эльф» менял правительства, где-то финансируя предвыборные кампании, а где-то военные поставки. «Конечно, его акции котировались на бирже, но гендиректор

²⁵ Boisbouvier C. 50 years later, Françafrique is alive and well. URL: <http://en.rfi.fr/africa/20100216-50-years-later-francafrique-alive-and-well> (accessed: 13.01.2017).

²⁶ Pierre Lucien Jean Guillaumat (1909—1991). URL: <http://www.annales.org/archives/x/guillaumat.html> (accessed: 13.01.2017).

²⁷ Verschave F.X. La Françafrique. Retranscription de conférences-débat données par F.X. Verschave, président de Survie de 1995 à 2005. URL: <http://survie.org/francafrique/article/la-francafrique> (accessed: 13.01.2017).

²⁸ Ibid.

назначался президентом, а первые руководители П. Гийома и А. Шаландон и вовсе считали ниже своего достоинства координировать планы с министром промышленности»²⁹.

В ноябре 2003 г. на суде в Париже бывший в 1989—1993 гг. генеральным директором «Эльфа» Лоик Ле Флок-Прижан признался в том, что в течение многих лет под Новый год он лично в кабинете президента Пятой республики отчитывался перед Ф. Миттераном о проделанной за год работе по подкупу африканских лидеров. Так государственная нефтяная компания обеспечивала влияние Франции в стратегически важных регионах путем поощрения системы государственной коррупции. Примечательно, что Л. Флок-Прижан был осужден на 5 лет тюрьмы за хищение средств компании в личных интересах, но вопрос о государственной коррупции во время следствия и самого суда был вынесен за скобки³⁰. На судебном процессе он заявил: «Давайте называть вещи своими именами, деньги от «Эльфа» направляются в Африку, но возвращаются во Францию»³¹.

Известно, что сети «Франсафрик» в ситуациях, когда интересы Франции оказывались под угрозой, прибегали к услугам наемников и торговцев оружием. Спецслужбы имели дополнительные ресурсы от компаний, больших и малых, находящихся под их контролем. В 2003 г. Л. Флок-Прижан признался на суде, что его компания была создана именно для этой цели. Он, его заместитель Альфред Сирвен и эксперт «Эльфа» по африканскому региону Александр Тарло были приговорены к пяти годам лишения свободы и огромным штрафам за хищение денег и «подкуп политиков различных стран». Нанесенный ими ущерб оценивается в 350 млн долларов. Всего по этому делу проходили 37 человек, включая и экс-министра иностранных дел Франции Ролана Дюма.

На сайте французской правозащитной ассоциации «Survie» размещена информация о том, что тесная связь существует не только между торговлей оружием и добычей нефти, но и между этой торговлей и секретными службами. Значительная часть, как нефтяной ренты, так и комиссионных от торговли оружием попадает в руки сетей «Франсафрик», увеличивая в три-пять раз их финансирование спецслужб, утвержденное парламентом. На эти деньги сетям «Франсафрик» удалось подкупить почти весь политический класс многих африканских стран. Именно поэтому «Эльф» превратился в тайную политическую структуру, которая фактически управляла такими странами как Габон, Камерун, Конго-Браззавиль, реализовывала политику Франции в Анголе и Нигерии. Имя О. Бонго не раз всплывало на процессах, связанных со скандальной деятельностью корпорации «Эльф». Однако президент Габона настаивал на том, что все эти интриги были «внутренним делом Франции»³².

²⁹ «Эльф» попутал. URL: <http://www.itogi.ru/archive/2001/6/124059.html> (дата обращения: 13.01.2017).

³⁰ Компания «Elf» покупала президентов пачками. URL: <http://izvestia.ru/news/283772> (дата обращения: 13.01.2017).

³¹ Boisbouvier C. 50 years later, Françafrique is alive and well. URL: <http://en.rfi.fr/africa/20100216-50-years-later-francafrique-alive-and-well> (accessed: 13.01.2017).

³² Shaxson N. Omar Bongo; Little big man. URL: http://www1.rfi.fr/acturu/articles/114/article_3430.asp (accessed: 13.01.2017).

Благодаря активности компании «Эльф» в Африке образовалась широкая коррупционная система, прозрачной сетью опутывавшая весь мир, и О. Бонго стал ее центральной фигурой. Через Швейцарию, Люксембург и другие налоговые гавани нефтедобывающая промышленность бывших французских колоний была тайно связана с господствующими политическими силами Франции.

Активность «Эльфа» не сводилась к финансированию политических партий. Этим «кошельком» могли пользоваться крупнейшие французские корпорации; это позволяло им раздавать взятки от Венесуэлы до Германии и от острова Джерси до Тайваня при полной гарантии анонимности. Николас Шексон пишет: «Эти грязные деньги смазывали шестеренки французской политической и торговой дипломатии по всему миру. Компания «Эльф» разрасталась и приобретала все более причудливую, сложную и многоуровневую структуру, в конце концов, она превратилась в грандиозную международную коррупционную систему; даже французские разведывательные службы не брезговали широко черпать из ее фонда грязные деньги. По признанию Ле Флош-Прижана, этот механизм действует, как один огромный бордель, в котором уже никто не знает, кто и что делает»³³.

ФИНАНСОВЫЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

О том, как О. Бонго одаривал своих покровителей из Елисейского дворца, было сказано выше. Здесь же стоит остановиться на том, как президент Габона реализовывал во Франции дивиденды, полученные от поставок в Пятую республику нефти по демпинговым ценам. По данным габонской оппозиции, на его личных счетах во французских банках находилось 3 млрд долларов³⁴.

Еще в 1997 г. федеральные банковские эксперты США предложили руководителям Ситибанка (Citibank Private Bank) объяснить источник более 50 млн долларов, хранящихся на секретном счету, контролируемом президентом Габона. Выяснилось, что капитал О. Бонго был создан «в результате его положения» и «за счет пожертвований французской компании», осуществляющей добычу и переработку нефти в этой африканской стране³⁵. В 1999 г. комиссия сената США оценила вклады О. Бонго в Ситибанк в 130 млн долларов³⁶.

В феврале 2009 г. французские судебные инстанции признали приемлемым иск правозащитной организации «Международное доверие» (Transparency international), представители которой утверждали, что О. Бонго, а также президенты Конго Д.С. Нгессо и Экваториальной Гвинеи Т.О. Нгема приобрели недвижимость во Франции на государственные средства.

³³ *Shaxson N.* Omar Bongo; Little big man. URL: http://www1.rfi.fr/acturu/articles/114/article_3430.asp (accessed: 13.01.2017).

³⁴ Габонская модель государственности для России. URL: <http://ttolk.ru/?p=1579> (дата обращения: 13.01.2017).

³⁵ *Gerth J.* Hearings Offer View Into Private Banking. URL: <http://www.nytimes.com/1999/11/08/world/hearings-offer-view-into-private-banking.html> (accessed: 13.01.2017).

³⁶ *Perry A.* Gabon Faces Bongo's Disastrous Legacy. URL: <http://content.time.com/time/world/article/0,8599,1903805,00.html> (accessed: 13.01.2017).

Финансовая полиция Франции и судья Федерика Дессе установили, что О. Бонго и его родне принадлежало 33 объекта элитной недвижимости в столице Франции (среди прочего резиденция на Елисейских полях стоимостью 18 млн евро) и на Лазурном берегу³⁷. В 2007 г. он приобрел особняк в Париже за 19 млн евро для своего сына Омара Дени, которому тогда было 13 лет. О. Бонго отрицал коррупционную составляющую этих сделок, хотя наличие парижской собственности сомнению не подвергал³⁸. Президент Габона оказался на первом месте в списке лиц, не являющихся гражданами Франции, но владеющих недвижимостью на территории этой страны. Общая стоимость этой недвижимости составила 160 млн евро. Нет нужды говорить о том, какую реакцию возымело это расследование. Власти Габона выразили протест и объявили о своей готовности пересмотреть все соглашения о сотрудничестве, заключенные ранее с Францией. Елисейский дворец в ответ на это объявил о своем намерении закрыть французскую военную базу в Либревиле. Это никак не устраивало президента Габона, который хорошо помнил, какую роль в его политической биографии сыграли французские десантники. Напомню, что французская армия несколько раз спасала О. Бонго. Самый опасный для президента мятеж случился в 1990 г., когда цены на нефть упали в несколько раз. Тогда габонская молодежь вышла на улицы с требованием демократизации и отставки президента; были прекращены работы на нефтедобывающих предприятиях французской нефтяной компании Тоталь (Total Gabon). Французские войска жестоко подавили это восстание.

В результате закулисных переговоров в октябре 2009 г. в Париже состоялся апелляционный суд, который принял решение об отмене решения суда низшей инстанции. Апелляционный суд решил, что правозащитная организация не может выступать истцом, так как сама не понесла никакого ущерба. Адвокат Вильям Бурдон заявил после рассмотрения апелляции, что «победу в суде одержали преступные сообщества, виновные в разграблении общественных средств стран Африки». По его мнению, суд восстановил «закон молчания» вокруг злоупотреблений африканских режимов: в 2007 и 2008 гг. прокуратура Парижа уже отклоняла жалобы, поданные против африканских президентов³⁹.

Сам же О. Бонго относился к проблеме инкриминируемых ему финансовых злоупотреблений с философским спокойствием. Стала знаменитой его реплика во время интервью одному из французских журналов: «Не смейте мне говорить о коррупции. Это не африканское слово»⁴⁰. Похоже, в Елисейском дворце это слово тоже не очень любят. Ф.-К. Вершав считал коррупционные сети, созданные Ж. Фоккаром в Габоне, своего рода шедевром, «grande œuvre» всей системы «Франсафрик».

³⁷ Эль-Хадж Омар Бонго Ондимба. URL: http://historyline.ru/gabon/el_hadzh_omar_bongo_ondimba.html.

³⁸ Perry A. Gabon Faces Bongo's Disastrous Legacy. URL: <http://content.time.com/time/world/article/0,8599,1903805,00.html> (accessed: 13.01.2017).

³⁹ Французская недвижимость президентов Конго, Габона и Экваториальной Гвинеи вызывает подозрения. URL: http://www.rfi.fr/acturu/articles/118/article_4512.asp (accessed: 13.01.2017).

⁴⁰ Изюмов А. 40 лет анестезии. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1185503> (дата обращения: 13.01.2017).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Васильев А.П.* Генерал де Голль и крушение французской империи // Национальные интересы. 1999. № 2 (3). С. 47.
- Молчанов Н.* Генерал де Голль. М.: Наука; 1972.
- Подгорнова Н.П.* Политика Франции в странах Северо-Западной Африки. М.: Институт Ближнего Востока; 2015.
- Сидорова Г.М., Корендясов Е.Н.* Франция — Африка: в поисках новых подходов // Африка в современных международных отношениях. М.: ИАФР РАН; 2011.
- Филиппов В.Р.* «Франсафрик»: тень Елисейского дворца над Черным континентом. М.: Горячая линия — Телеком; 2016.
- Эстен В.Ж. де.* Власть и жизнь. М.: Международные отношения; 1990.
- Dozon J.-P.* L'état franco-africain // Les Temps Modernes. 2002. № 4.
- Gaulle Ch. de.* Memoires d'Espoir. Le renouveau 1958—1962. Paris: Plon; 1972.
- Monod J.-L.* Histoire de l'Afrique Occidentale. Paris: C. Delagrave; 1926.
- Péan P.* La République des mallettes — Enquête sur la principauté française de non-droit. P. Fayard; 2011.
- Pesnot P.* Les Dessous de la Francafrique. Nouveau Monde; 2011.
- Rémond R.* Le retour de De Gaulle. Vol. 96 de la collection Questions au XXe siècle. Éditions Complexe; 1998.
- Verschave F.X.* La Françafrique: Le plus long scandale de la République. Paris: Stock; 1999.
- Vinay B.* Zone franc et cooperation monétaire. Paris: République française, Ministère de la coopération; 1988.
- Winock M.* La Fièvre hexagonale. Les grandes crises politiques de 1871 à 1968. Paris: Seuil; 1995.
- Winock M.* L'agonie de la IVe République. 13 mai 1958. Paris: Gallimard; 2006.

Дата поступления статьи: 02.03.2017

Для цитирования: Филиппов В.Р. «Франсафрик» и этика в международных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 402—415.

Сведения об авторе: Филиппов Василий Рудольфович — д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения стран тропической Африки ИАФР РАН (e-mail: fvr@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-402-415

FRANSAFRIQUE AND ETHICS IN INTERNATIONAL RELATIONS

V.R. Filippov

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the corruption ties between the political elites of France and a number of sovereign African states that were part of the French colonial empire until the middle of the last century. An analysis of the reasons is given that prompted the first President of the Fifth Republic, General Charles de Gaulle, to begin the formation of a special military and political phenomenon, later named “Fransafrique”. The nature of this phenomenon is revealed as a special combination of latent lobbyist networks of the military-political and economic influence of the Elysee Palace in the countries of the Black Continent, on the one hand, and as a specific mechanism for implementing the French version of neocolonialism in po-

litical practice, on the other hand. The point is made that the threat of the loss of all military and strategic, political and, in particular, economic preferences of France in the newly independent African countries, prompted the Elysee Palace to semi-legal, illegal, and often criminal methods of defending the interests of France in the region. In practice, this meant the construction of a system of integral dependence of the formally independent countries of Tropical Africa from the former metropolis, the formation of a tuple of client-states with corrupt power elites. The latter were designed to provide the French energy giants with virtually unlimited access to strategic natural resources, control over the political parties of these countries.

The main emphasis in this French model of neocolonialism was made on the total bribery of the emerging political elites of African countries. The French special services used such methods maintaining control over the situation as blackmail, political assassinations or direct military aggression when the direct bribery of African politicians proved impossible or insufficient. Particular attention is paid to the problem of the influence of corrupt African leaders, in their turn, on the political class of France at different stages of the history of the Fifth Republic. It is concluded that the post-war policy of the former metropolis in the now sovereign states of Africa has led not only to the corrupting of dependent African leaders, but also to the corrupt decay of the leaders of the French political system.

Key words: *Françafrique*, France, Africa, neocolonialism, corruption, Fifth Republic, Elysee Palace, Niger, Gabon, Côte d'Ivoire, political elite, Ognang Nguema, Omar Bongo, “Elf” company

REFERENCES

- Dozon, J.-P. (2002). L'état franco-africain. *Les Temps Modernes*, 4.
- Esten, V. Zh. de. (1990). *Power and Life*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. (in Russ.).
- Filippov, V. R. (2016). “*Françafrique*”: the shadow of the Elysee Palace on the Black Continent. Moscow: Goriachaia liniia — Telekom.
- Gaulle, Ch. de. (1972). *Memoires d'Espoir. Le renouveau 1958—1962*. Paris: Plon.
- Molchanov, N. (1972). *General de Goll*. Moscow: Nauka. (in Russ.).
- Monod, J.-L. (1926). *Histoire de l'Afrique Occidentale*. Paris: C. Delagrave.
- Péan, P. (2011). *La République des mallettes — Enquête sur la principauté française de non-droit*. Paris: Fayard.
- Pesnot, P. (2011). *Les Dessous de la Françafrique*. Paris: Nouveau Monde.
- Podgornova, N. P. (2015). *French policy in North-West Africa*. Moscow: Institut Blizhnego Vostoka. (in Russ.).
- Rémond, R. (1998). *Le retour de De Gaulle. Vol. 96 de la collection Questions au XXe siècle*. Éditions Complexe.
- Sidorova, G. M. & Korendiasov, E. N. (2011). France — Africa: in Search of New Approaches. *Afrika v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniakh*. Moscow: Institut Afriki. (in Russ.).
- Vasil'ev, A.P. (1999). General de Gaulle and the collapse of the French Empire. *Natsional'nye interesy*, 2 (3). (in Russ.).
- Verschave, F. X. (1999). *La Françafrique: Le plus long scandale de la République*. Paris: Stock.
- Vinay, B. (1988). *Zone franc et cooperation monétaire*. Paris: République française, Ministère de la coopération.
- Winock, M. (1995). *La Fièvre hexagonale. Les grandes crises politiques de 1871 à 1968*. Paris: Seuil.
- Winock, M. (2006). *L'agonie de la IVe République. 13 mai 1958*. Paris: Gallimard.

Received: 02.03.2017

For citations: *Filippov V.R. Françafrique and Ethics in International Relations. Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 402—415.

About the author: *Filippov Vasily Rudolfovich* — Doctor of History, Senior Researcher of the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa IA RAS (e-mail: fvr@mail.ru).

©Филиппов В.Р., 2017

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-416-424

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ:
**Little, D. Us versus Them: The United States, Radical Islam,
and the Rise of the Green Threat. Chapel Hill: University
of North Carolina Press, 2016. — 314 p.
ISBN 978-1-4696-2680-2**

И.А. Соков

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

В 2016 г. было опубликовано исследование профессора истории Университета Кларка (США) Дугласа Литтла «Мы против них: Соединенные Штаты, радикальный ислам и подъем зеленой угрозы». Безусловно, эта монография актуальна для современных международных отношений, в которых проблема международного терроризма стала одной из важнейших тем как для изучения исследователями, так и для обсуждения широкой общественностью.

Прежде всего, следует обратить внимание читателя на название книги — «Мы против них...», а не «Они против нас...». Автор сам объясняет, почему так названо его произведение: «Я намеренно написал эту книгу с точки зрения „нас“, а не „их“, не потому что я считаю, то как мусульмане думают, не имеет никакого значения или оно маловажно, а потому, что зеленая угроза, которая достаточно много преобладает в дискурсе относительно радикального ислама в США, была создана американской политикой, поп-культурой и общественным мнением» [Little 2016: 14].

Монография состоит из введения, шести глав, примечаний, библиографии, индекса и карт.

Во введении Д. Литтл кратко излагает историю ислама, происхождение в нем различных течений, возвышение и падение исламских государств, возрождение ислама в 80-е гг. XX в. с падением коммунистических режимов и замещением для США потенциальной «красной угрозы» реальной «зеленой угрозой». Исламский радикализм достаточно быстро перерос в терроризм за период с ноября 1979 г., когда «сторонники аятоллы Хомейни заняли американское посольство в Тегеране и держали пятьдесят два американца заложниками в течение 444 дней» [Там же: 10] до событий в Нью-Йорке 9 сентября 2001 г.

По мнению автора, ошибки четырех последних правительств в определении политики национальной безопасности США в отношении «зеленой угрозы» не только не ограничили влияние радикального ислама в мире, но и способствовали «исламизации Америки» [Там же: 13].

В первой главе Д. Литтл анализирует роль сдерживания (containment) в политической истории и в политической культуре Соединенных Штатов, утверждая, что всегда «американцы были склонны рассматривать мир с точки зрения „мы против них“» [Там же: 15]. Сначала это была индейская «красная угроза», затем «черная угроза» американского Юга и восстаний рабов на островах Карибского бассейна, «желтая угроза» хлынувших иммигрантов на западное побережье США, «коричневая угроза» во время Второй мировой войны, «новая красная угроза» со стороны Советского Союза во время холодной войны, которая сменилась «зеленой угрозой» в новом тысячелетии.

Автор утверждает, что все возникавшие расовые или идеологические угрозы всегда представляли собой экзистенциальную опасность для Америки. С другой стороны, он указывает на то, что постепенно сдерживание переместилось с американского континента на другие континенты, а условия сдерживания потребовали проведение американских войн, начиная с Кореи и заканчивая Афганистаном и Ираком.

Во второй главе Д. Литтл анализирует первую американскую войну на Ближнем Востоке, операцию «Буря в пустыне» в январе 1991 г., которая не достигла цели создания нового порядка в регионе Персидского залива, создав «проарабский и антиизраильский мир» [Там же: 54]. В то же время автор признает, что «проблема Саддама Хусейна» была создана самими американцами в результате сначала политики сдерживания Ирана, а затем противоположной политики «Ирангейта» (Irangate) — сдерживания Ирака [Там же: 65].

Важно отметить, что Д. Литтл на основании первоисточников сообщает читателю, что в то время была альтернатива американскому военному вмешательству на Ближнем Востоке.

19 октября 1990 г. известный советский арабист Е.М. Примаков в овальном кабинете Белого дома предложил Дж. Бушу-ст. компромиссный вариант, позволяющий иракскому лидеру сохранить «свое лицо» в арабском мире и одновременно вывести свои войска из Кувейта. Для этого было достаточно, чтобы Израиль передал палестинцам земли на западном берегу р. Иордан. «„Не загоняйте Саддама в угол“, — сказал Примаков президенту Бушу» [Там же: 75].

У американского президента на тот момент имелись проблемы, которые были сопряжены с Ираком: 3800 американских граждан работали в Ираке и Кувейте и могли стать заложниками С. Хусейна; Сенат США по вопросу войны и мира занимал неопределенную позицию; Советский Союз мог наложить вето в Совете Безопасности ООН на резолюцию, санкционирующую военные действия США на Ближнем Востоке.

Между тем, как выяснил автор монографии, «Кремлевские лица, принимающие решения, испытывали на самом деле гораздо меньше симпатии к Саддаму Хусейну, чем Примаков старался уверить Буша» [Там же: 75]. 8 ноября 1990 г. государственный секретарь США Джим Бейкер посетил М.С. Горбачева в Кремле и получил от него заверения в поддержке американского военного вмешательства (заметим, до решения самого американского сената. — И.С.). Это дало возможность, как пишет Д. Литтл, получить «преимущество в победе Буша в сенате, со-

ставившее 52 голоса против 47, благодаря полудюжине демократов, в том числе Альберту Гору из Теннесси, которые обеспечили решающие голоса» [Там же: 76]. В дальнейшем, за 100 часов блицкрига (с 24 по 28 февраля 1991 г.) американский генерал Норман Шварцкопф-мл. (Norman Schwarzkopf Jr.) освободил Кувейт, Ирак потерял 20 000 человек мертвыми и еще 60 000 ранеными, американцев было убито в бою 148 человек [Там же: 77]. «Шварцкопф был готов к походу на иракскую столицу и к смене режима, но Белый дом забеспокоился, что штурм Багдада приведет к разрыву антисаддамовской коалиции и создаст вакуум власти в Персидском заливе, что будет только на пользу Ирану» [Там же: 77].

Далее, в этой же главе Д. Литтл анализирует арабо-израильский мирный процесс и влияние распада СССР на рост исламского фундаментализма.

Третья глава посвящена анализу «расширения» (enlargement) нового униполярного американского порядка в период президентства Б. Клинтона и политике «двойного сдерживания» (dual containment) США на Ближнем Востоке, которая заключалась в одновременной изоляции Ирака и Ирана, угрожавших «безопасности Израиля и доступу Америки к нефти Персидского залива» [Там же: 92]. Такую политику американские «мозговые центры» назвали проектом «Новый американский век» (Project for a New American Century).

Но «миссия расширения» (mission enlargement) не обошлась без американского военного вмешательства — «нас против них», сначала в Боснии, затем в Сомали. Позднее были проведены операции «Лиса пустыни» (Desert Fox), «Бдительный воин» (Vigilant Warrior) и планировалась, но не состоялась операция «Гадюка пустыни» (Desert Viper) в Ираке. Причем, как замечает автор, «двойное сдерживание» было ключевым компонентом более широкой стратегии расширения правительства Клинтона» [Там же: 108] и оно было различным в достижении целей. В отношении Ирака — это было «агрессивное сдерживание» (aggressive containment), в результате которого ожидалась смена режима путем внутреннего разрушения, подобно СССР. Что касается Ирана — это было «активное сдерживание» (active containment), не предусматривающее смену режима, а лишь «дипломатическую изоляцию и односторонние американские экономические санкции» [Там же: 108] как ответ на его противодействие усилиям США по мирному арабо-израильскому процессу.

В этой же главе Д. Литтл анализирует политический процесс мирных арабо-израильских переговоров при посредничестве США и делает вывод о том, что оно не достигло никаких результатов, потому что не решило основных вопросов конфликта: вопрос статуса восточного Иерусалима и передачи территорий на западном берегу р. Иордан палестинцам. Кроме того, хотя автор вскользь упоминает, что внешняя политика правительства Б. Клинтона не приняла «хантингтонизм» (huntingtonism), все же она проводила политику двойных стандартов, деля джихадистов на хороших и плохих.

Даже взрыв американского военного корабля «Коул», отправленного на дно в Аденской гавани, унесший жизнь 17 моряков и ранив 39 человек, не открыл военные действия против террористов. По мнению автора рецензируемого издания, «хорошо зная об опасностях военного вмешательства в третьем мире, Клинтон

намеревался положиться на «мягкую силу» для продвижения мира и процветания, и он решил, что внешняя политика не должна отвлекать его от насущных экономических вопросов, близко связанных с внутренними вопросами» [Там же: 128].

В четвертой главе Д. Литтл анализирует политику противодействия «зеленой угрозе» правительством Дж. Буша-мл. По его мнению, новый президент поделил соперников на международной арене на «страны-изгои» (rogue states), к которым он отнес Ирак, Афганистан, Северную Корею, и «врагов свободы» (enemies of liberty), к которым отнес Россию и Китай [Там же: 129]. По отношению к первым, получившим определение «ось зла» (Axis of Evil), Белый дом решил применить «доктрину превентивной войны» (doctrine of preventive war), ко вторым — «бинарную логику холодной войны» [Там же: 132].

«Мягкая сила» и общественная дипломатия правительства Б. Клинтона заменялась «дипломатией большой дубинки» (big-stick diplomacy) правительством Дж. Буша-мл. [Там же: 134]. Кроме этого, автор считает, что правительством Дж. Буша-мл. были неправильно расставлены приоритеты в организации национальной безопасности. Им была принята изначально установка, что негосударственные акторы, такие как Усама бен Ладен (UBL) и Аль-Каида представляют меньшую угрозу, чем государства-противники.

В своем исследовании Д. Литтл указывает, что в администрации президента были две группы специалистов, работающих в области безопасности: новая команда, поддерживающая точку зрения президента и оставшиеся специалисты от команды Б. Клинтона, которые считали основной угрозой США террористические группы, а не государства.

Более того, автор полагает, что ужасные события 9/11 можно было предотвратить. При подготовке передачи власти вновь избранному президенту Дж. Бушу-мл. в подготовленной справке директор ЦРУ Дж. Тенет «разместил Аль-Каиду первой в списке» указав, что вероятными целями могли бы стать «американские сооружения на Ближнем Востоке, особенно, на Аравийском полуострове, в Турции и Западной Европе ... сеть бен Ладена глобальна ... и способна к нападениям в других регионах, включая США» [Там же: 142].

При первой двухчасовой встрече с Дж. Бушем-мл. в овальном кабинете Б. Клинтон сказал своему преемнику: «Я думаю, что вы найдете, что вашей самой большой угрозой будет бен Ладен и Аль-Каида. Одним из наибольших извинений за мое президентство является то, что я не заполучил его для вас, сколько бы я не пытался» [Там же: 142].

Примерно то же сказал Сэмюэл Ричард Бергер (Sandy Berger), советник по вопросам национальной безопасности Б. Клинтона, своему преемнику Кандолизе Райс: «Я хочу подчеркнуть, насколько важна эта проблема. Вы потратите больше времени за свои четыре года на борьбу с терроризмом в целом и на Аль-Каиду, в частности, чем на любую другую проблему» [Там же: 142].

Как видим, предупреждения были основательными.

25 января 2001 г., спустя 5 дней как К. Райс разместились в новом офисе западного крыла Белого дома, Ричард Кларки (Richard Clarke), глава антитеррористической группы по обеспечению безопасности (Counterterrorism Security

Group — CSG), представил ей отчет, в котором указал, что Аль-Каида — это не узкая территориальная проблема, а межнациональный вызов.

Д. Литтл считает, что сложившееся двоякое представление в решении первоначальной угрозы для США в период с января по сентябрь 2001 г., не позволило своевременно на нее реагировать. Проект президентской директивы против агрессивных действий Аль-Каиды лежал «на столе президента, ожидающий его подписи, когда самолет Боинг-767 авиакомпании «Американ Эйрлайнс» с пассажирами на борту врезался в северную башню Всемирного торгового центра в 8:46 утра 11 сентября, во вторник» [Там же: 145].

По оценке Дж. Буша-мл. день 11 сентября 2001 г. стал «днем беспрецедентного национального позора, начиная с 7 декабря 1941 г. „Перл-Харбор 21-го столетия“» [Там же: 146].

После события 9/11 сразу же поменялись акценты. Президент на объединенной сессии конгресса 20 сентября сказал: «Наш враг — это радикальная сеть террористов и каждое правительство, которое поддерживает их» [Там же: 146], а Пентагон стал планировать операцию «Несокрушимая свобода» (Enduring Freedom) в Афганистане.

В обращении к нации 29 января 2002 г. президент Буш указывал, что операция «Несокрушимая свобода» преследует две цели: уничтожение двух фронтов терроризма Талибан и Аль-Каиду и строительство демократического режима в Афганистане под руководством Хамида Карзая.

Как считает Д. Литтл, «хотя нет доказательств того, что Ирак или Иран обладали оружием массового поражения или что эти государства намеревались предоставить такое оружие Аль-Каиде, администрация Буша настаивала на иной версии и развернула широкую антитеррористическую кампанию» [Там же: 152]. Для ее реализации Белый дом разрешил ЦРУ передавать подозреваемых террористов иностранным разведывательным службам для проведения пыток, проводить пристрастные допросы и использовать зверские методы, запрещенные Женевской конвенцией. Чиновниками Министерства обороны США была выработана доктрина упреждающей самообороны (doctrine of anticipatory self-defense), которая предусматривала использование военной силы против любой страны в случае возникающих подозрений об угрозе с ее стороны.

К 20 сентября 2002 г. СНБ подготовила доктрину национальной безопасности, главная идея которой заключалась в превентивных мерах, включая использование военной силы, для нераспространения ядерного оружия в мире. Один из разделов этого документа, названный «Предотвращение тому, чтобы наши враги угрожали нам, нашим союзникам и нашим друзьям оружием массового поражения» впоследствии стал именоваться как доктрина Буша.

По мнению автора монографии, использование принципа превентивности по отношению к Ираку было обусловлено еще и тем, что на тот момент не действовали другие меры: ни жесткие экономические санкции по отношению к режиму «мясника Багдада» (Butcher of Baghdad), ни организация его физического устранения, ни смена режима иракскими диссидентами (операция ДБ/Анабейсис [Operation DB/Anabasis] стоимостью 400 млн долларов США).

18 марта 2003 г. американцы начали операцию «Иракская свобода» (Iraqi Freedom), а спустя 3 недели «американские танки вошли в Багдад и свалили со-рокафутовую статую диктатора, сторонника партии „Баас“» [Там же: 163]. 14 апреля администрация Дж. Буша-мл. объявила о победе и завершении миссии. Между тем, как полагает Д. Литтл, миссия оказалась невыполнимой (Mission Impossible) из-за ошибок, допущенных американцами на стадии нового государственного строительства, а «доктрина Буша преобразовала Ирак в нерестилище для исламских радикалов» [Там же: 167].

Неудачными можно считать и действия американской администрации в Палестине. Оказав давление на нового лидера Махмуда Аббаса, который стал палестинским президентом после смерти Ясира Арафата, в необходимости проведения демократических выборов в законодательное собрание, они после победы членов ХАМАС отказались признать их законными из-за жесткой оппозиции ХАМАС Израилю и тесной связи победителей с Ираном. По мнению Д. Литтла, «палестинско-израильские мирные переговоры, которые Буш организовал в Аннаполисе, штат Мэриленд, в конце своего второго срока, были лишней тратой времени отчасти потому, что он подсознательно уравнил ООП с Аль-Каидой» [Там же: 172]. Таким образом, ближневосточная политика администрации Дж. Буша-мл. возродила антиамериканизм от Ливии до Пакистана.

В главе пять анализируются меры американской администрации по противодействию терроризму в мусульманском мире на основе доктрины Обамы «сдерживания и обязательств» (contagement), которая представляла собой сложную смесь сдерживания и обязательств по отношению к Китаю, затем Ирану и арабам» [Там же: 174].

Как пишет Д. Литтл, у нового президента США «рецепт „сдерживания и обязательств“ на Ближнем Востоке казался довольно простым — Соединенные Штаты должны были принять умеренных радикалов и изолировать экстремистов» [Там же: 174]. Кроме того, необходимо было сместить акцент борьбы с государственными на негосударственные акторы, которые, по мнению Б. Обамы, представляли большую угрозу: «Полезно напомнить себе, что Усама бен Ладен не Хошимин, и что угрозы, с которыми сегодня сталкиваются Соединенные Штаты, являются реальными, многократно и потенциально разрушительными» [Там же: 177].

Другими словами, доктрина Обамы преследовала цель снизить уровень антиамериканизма на Ближнем Востоке после политики администрации Дж. Буша-мл. Что касается военного участия, то широкомасштабное участие американских войск было заменено действием спецназа и боевых дронов. В течение первых трех лет президентства Б. Обамы, таким образом, было убито «более двух тысяч боевиков, в том числе несколько граждан США и почти тысячу невинных мирных жителей» [Там же: 174].

Поэтому вряд ли можно согласиться с автором монографии о том, что американское сдерживание на Ближнем Востоке в период Б. Обамы было мирным и способствовало снижению уровня антиамериканизма. Его девиз «Давайте связывать обязательствами, но не нападать» (Let's engage, not attack) был понят арабами, как продолжение западного вмешательства другими средствами в их «другую»,

«незападную» жизнь с навязыванием чуждых им западных ценностей через поддержание целого ряда цветных революций и без того нестабильного региона.

Начало «цветным революциям» на Ближнем Востоке и в Северной Африке положила «Президентская исследовательская директива» (Presidential Study Directive 11 — PSD-11) Б. Обамы в 2010 г., которая рекомендовала СНБ заменить одиозные репрессивные режимы не тайными операциями ЦРУ, а выступлениями новой молодой национальной элиты, получившей в большинстве образование на Западе и поддерживающей западные универсальные ценности [Там же: 194].

Первой страной в череде «арабской весны» оказался Тунис, после саможжения продавца фруктов Мохаммеда Буазизи (Mohammed Bouazizi) и поднятой социальной волны сопротивления, растиражированной средствами социальных сетей Интернета. Удавшийся эксперимент был распространен на другие страны, но с разным подходом. Так в Ливии, где оппозиция режиму была достаточно слаба, использовалась сначала военная поддержка США с организацией операции «Рассвет Одиссея» (Odyssey Dawn), а затем европейских союзников по НАТО. В Египте, где светский режим сменился на режим «братьев-мусульман», он был быстро устранен силами национальной армии.

В целом успешные, с точки зрения США, перевороты руками самих арабов во время «арабской весны» привели их к мысли о смене режима Б. Асада в Сирии. Но, как и ранее в Ираке, втягиваясь в этот процесс, американцы не имели ясного представления, кто его может заменить и не создаст ли такой переворот вакуум в региональной власти.

Д. Литтл пишет: «Когда репортер спросил госсекретаря Клинтон спустя пятнадцать месяцев, будет ли она приветствовать падение режима Асада, ее ответ был двойственен: „Зависит от того, кто его заменит“» [Там же: 202].

В этой же главе автором анализируются неудачи администрации Б. Обамы по реализации арабо-израильского мирного урегулирования. Новые строительства поселений Израилем на западном берегу р. Иордан и восточного Иерусалима только усугубили возможность мирного разрешения конфликта. Кроме того, принцип «обмена территориями и населением», взятый на вооружение израильскими политиками фактически блокировал создание палестинского государства. Отход администрации Б. Обамы от выполнения резолюции ООН от 1967 г. и трактовки ее, что по «зеленой линии» палестинцы и израильтяне должны договориться сами, означал поддержку Израиля «противодействовать созданию палестинского государства на Святой земле».

Безусловной заслугой президента Б. Обамы, по мнению Д. Литтла, является операция «Копье Нептуна» (Neptune Spear), в результате которой американским спецназом был убит Усама бен Ладен в Пакистане. В то же время он признает, что эта тайная операция, как и развернутая война боевых дронов на территориях стран Ближнего Востока, создала опасный прецедент нарушения суверенитета арабских государств без одобрения Советом Безопасности ООН и бесконтрольной гибели безвинных граждан, которых только в Пакистане погибло более 400 человек [Там же: 204]. Избирательное убийство дронами людей, которые не преследовались по американскому суду, а выбирались по списку президентом, создало другой прецедент в современной политической истории США: «Обама и Джон Брэннан,

глава по борьбе с терроризмом, просто составили список, который иногда включал несколько американских граждан, и решали, кто должен жить, а кто должен умереть» [Там же: 206].

Шестая заключительная глава посвящена росту исламофобии в США и массовому распространению «зеленой угрозы» в течение второго срока президента Б. Обамы.

Автор считает, что непонятная президентская риторика об «обязательствах и сдерживании» никак не вписывалась в американскую политическую культуру «мы против них» и соответственно способствовала росту исламофобии в самих Соединенных Штатах.

«Существовало растущее число американцев, которые настаивали на том, что их президент был мусульманином — одним из них, а не одним из нас» [Там же: 213].

Далее, Д. Литтл на примерах из американского прошлого пытается доказать, что ксенофобия и другие расовые патологии исторически присущи американскому народу, а потому не надо удивляться, что поп-культура только стимулирует исламофобию в современных США.

В то же время он пытается обосновать историческими примерами отношение американцев к исламскому миру как «чужому», и «бремя белого человека» иметь дело с «инакомыслящими и любителями интриги» арабами [Там же: 219].

Можно согласиться с автором монографии, что в таких условиях «те американцы, которые выступили против политики „мускулов“ администрации Буша на Ближнем Востоке, „напоминали о противостоянии коммунистической партии в период холодной войны“» [Там же: 223]. Исламофобия способствовала появлению общественной организации «Остановим исламизацию Америки» (Stop Islamization of America — SIOA), влияние которой было настолько сильным, что в семи штатах законодатели внесли поправки в конституцию, запрещающие закон шариата (sharia law).

В монографии приводится реплика вновь избранного президента США Д. Трампа, сказанного им в начале президентской гонки 8 июля 2015 г. корреспонденту Си-Эн-Эн Андерсону Куперу: «С Исламским государством Ирака и Сирии надо бороться жестко и решительно. Я сделаю все, чтобы проводить политику жестко, что я даже не знаю, смогут ли они после этого сесть за стол переговоров» [Там же: 239].

Американский историк Д. Литтл предупреждает, что «в мире, рассматриваемом через призму „мы против них“ и управляемым железным законом взаимной демонизации, американская исламофобия и мусульманский антиамериканизм могут легко стать смертельно взаимными сбывающимися пророчествами» [Там же: 241]. В связи с этим автор задается вопросом: «Как можно было бы сломать этот порочный цикл взаимной демонизации?» и дает ответ: во-первых, «религиозные фанатики Америки должны сдерживать свои порывы крестоносцев и признать, что исламофобия играет только на руку мусульманским экстремистам, таким как Аль-Каида и Исламское государство Ирака и Сирии» [Там же: 244]. Во-вторых, «улучшение подорванных отношений Америки с мусульманским миром не будет ни быстрым, ни легким ... сдерживание потребует терпения, и смелое лидерство требует веры» [Там же: 245].

В заключение следует отметить, что более подробное знакомство с монографией Дональда Литтла будет полезно и интересно не только исследователям современных международных отношений, но и студентам, отечественным политикам, общественным деятелям, а также всем, кого волнует проблема международного терроризма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Little D. Us versus Them: The United States, Radical Islam, and the Rise of the Green Threat. Chapel Hill: University of North Carolina Press; 2016.

Дата поступления статьи: 02.03.2017

Для цитирования: Соков И.А. Рецензия на монографию: Little, D. *Us versus Them: The United States, Radical Islam, and the Rise of the Green Threat* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 416—424.

Сведения об авторе: Соков Илья Анатольевич — канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета (e-mail: sokov@volsu.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-416-424

REVIEW OF THE BOOK:

Little, D. *Us versus Them: The United States, Radical Islam, and the Rise of the Green Threat.* Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2016. — 314 p. ISBN 978-1-4696-2680-2

I.A. Sokov

Volgograd State University, Volgograd, Russia

REFERENCES

Little, D. (2016). *Us versus Them: The United States, Radical Islam, and the Rise of the Green Threat.* Chapel Hill: University of North Carolina Press.

Received: 02.03.2017

For citations: Sokov, I.A. (2017). Review of the book: Little, D. *Us versus Them: The United States, Radical Islam, and the Rise of the Green Threat.* *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 416—424.

About the author: Sokov Ilya Anatol'evich — PhD in History, Associate Professor of the Department of International Relations, Political Science and Area Studies of Volgograd State University (e-mail: sokov@volsu.ru).

© Соков И.А., 2017

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-425-431

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Voskressenski, A.D. Non-Western Theories
of International Relations: Conceptualizing World
Regional Studies. Palgrave Macmillan, 2017. — 271 p.

Е.Н. Грачиков

МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Профессор А.Д. Воскресенский — известный российский ученый, синолог, пожалуй, один из немногих, кто осмысление российско-китайских отношений возвел в разряд крупных теоретических обобщений («концепция многофакторного равновесия» [Воскресенский 1999]) и собственных методологических подходов («метод сфокусированного структурированного сравнения» [Воскресенский 2004]). Последние 15 лет Воскресенский посвятил пространственно-аналитической концепции сравнительного анализа политических систем Востока [Voskressenski 2006; Воскресенский, 2007], мировому комплексному регионоведению и незападной теории международных отношений [Воскресенский 2013].

Новая монография А.Д. Воскресенского «Незападные теории международных отношений: концептуализация мировых региональных исследований» стала результатом изысканий ученого последних лет и посвящена теоретическому осмыслению роли (глобальных, макро-) регионов в (незападных) международных отношениях. Автор дает логическое обоснование эволюции мировой системы и связывает новую стадию развития с вовлечением «не запада» в этот процесс, но предупреждает, что мы живем в условиях «множественной модернизации» (multiple modernities) и надеяться на универсальную применимость западных или незападных теорий является иллюзией. Проведя анализ основных концепций взаимосвязи между экономической и политической модернизацией, автор делает вывод о важности социально-политического подхода для объяснения эволюции политической карты современного мира. Он утверждает, что западные теории международных отношений (ТМО) упускают «пространство» в качестве объекта измерения, которое является главным в теоретико-прикладном анализе мировых региональных исследований, и предлагает его как потенциальный объяснительный формат для незападных ТМО. Регионализация, по мнению автора, исходит из существования различных типов регионов, что требует согласования теоретических и практических аспектов региональной трансформации.

Интерес представляет изложенный во введении методологический инструментарий, который можно отнести к социологии международных отношений, поскольку речь идет о международном и региональном *обществах* в системе глобальных *отношений* (system of global relations), и, конкретно, о функциональной и структурной дифференциации, предложенной Никласом Луманом в теории диф-

ференциации [Луман 2009], и принятой в последнее время в качестве аналитического формата при исследовании проблем мировой политики [Bringing Sociology 2013]. Следуя логике Лумана и соглашаясь с Аппадуром (Appadurai) о существовании различных культурных ландшафтов, автор утверждает, что социально сконструированная дифференциация основывается на объективно существующей структурной дифференциации между обществами различных типов (западных/незападных). Для объяснения региональной специфики гетерогенизации/гомогенизации любому исследователю сначала необходимо уяснить различия, укорененные в объективно существующей дифференциации социальных структур, так же, как и тех, которые были социально сконструированы. В международных отношениях политикам, дипломатам или исследователям приходится иметь дело с дифференциацией обоих типов, как внутри, так и вне государств-наций.

Данное исследование также можно рассматривать с позиций классического конструктивизма, где естественным выглядело бы использование «теории отношений» процессного конструктивизма видного китайского ученого Цинь Яцина [Qin Yaqing 2009; 2012, 2016], упоминаемого в тексте, который изучает международное общество (в данном случае глобальное и макрорегиональные) как процесс, — термин, неоднократно встречающийся в монографии в виде «processes», «global processes», «local processes», «world processes», «national process», «sociopolitical processes» и «process logic». «Теория отношений» и процессный подход в китайской ТМО представляют наиболее влиятельные и обсуждаемые концепции, основанные на национальных политических и философских традициях [Cao Dejun 2017].

Авторский исследовательский подход заключается в расширении де-вестернизированного (или внекультурного/исторического) формата анализа международных отношений, который позволяет включить в себя как структурные, так и культурные/исторические различия между регионами и национальными государствами в качестве их главных составных частей, а также других акторов, вместо специального конструирования какого-то сегмента незападных теорий (но не исключая полностью подобной возможности). Такой подход исходит из «неравного характера международного политического и экономического пространства» и основан на убеждении, что концептуализация в существующих классических дисциплинах международных отношений (политическая теория, международная политическая экономия и сравнительная политология) не может больше объяснить в полной мере многие процессы, вызванные тесными и более интерактивными связями между локальным, региональным и глобальным измерениями.

В этом труде использован новый интегрированный подход анализа социально-экономических и культурно-политических пространств, который устанавливает расстояния и дифференциации в формировании, функционировании и развитии «глобальных политических отношений». Такой подход позволил использовать максимально необходимое количество переменных, которые оказывают влияние на каузальные параметры, связанные с историческим результатом. Понимая, что количество переменных может быть ограничено средствами формализованного и неформализованного факторального анализа (factor analysis), фокус исследования был направлен на стратегию междисциплинарного изучения с использова-

нием качественных и количественных методов, в которых гипотезы направляются объяснительными средствами, определяемыми историками, в то время как конструирование научных гипотез должно быть структурировано на основе методов социальных наук.

Монография состоит из 10 глав: первая — введение, десятая — заключение. Основная часть работы А.Д. Воскресенского начинается с главы «Вызовы существующей системе международных отношений и как они отображены в литературе по международным отношениям в западном и незападном сегментах», где анализу была подвергнута мировая научная литература: основная повестка европейских и американских исследований, западно-центричные и восточно-центричные подходы, незападная повестка в международной литературе, российские достижения, сравнение российских и китайских концептуализаций незападной реальности. По мнению автора, главная повестка *европейских* исследований обычно включает процесс европейской интеграции и влияния ее различных аспектов на каждую страну и Евросоюз в целом, *американских* — концентрируется на роли США в создании предпочтительных зон и сфер своей глобальной и региональной политики. Объединенные на общих ценностях межатлантической истории, эти два макрорегиона отражают взгляд на мир с точки зрения будущего евро-атлантического сообщества. Поскольку эти регионы тесно связаны с распределением/перераспределением власти в глобальной системе и в международной управленческой структуре, их исследования касаются сферы международной политики и политико-экономического анализа, а также использования собственной отличительной методологии формулирования (*problem-posing*) и решения проблемы (*problem-solving*), определяемые спецификой международного анархического общества, направляемого суверенными государствами.

Интерпретация мировой истории Западом и Востоком — «синтетическая политическая экономия» (*synthetic political economy*), в прогнозировании трендов будущей «синтетической парадигмы» (*synthetic paradigm*) развития человечества (главные черты которой сейчас только начинают формироваться) представляет западно-центричные и восточно-центричные взгляды на историю, которые исторически ограничены, что не отменяет необходимости анализа дихотомии глобальных макрорегионов (в частности, проблем дихотомии Запада и Востока). Сейчас существуют два вектора концептуализации в мировых и глобальных исследованиях: первый — представляет вероятность появления и развития незападных концепций международных отношений, глобальной политики и сравнительной политологии; второй — будет фокусироваться на других незападных конструктивистских подходах в теоретических построениях глобального и регионального уровней, определенных между универсальными и исключительными регионально/страновыми подходами.

В России, как верно утверждает автор, наряду с подходом об азиатском способе производства, рассматриваемом в марксистской парадигме в работах Л. Васильева, О. Непомнина, Л. Алаева, также развивался взгляд о структурных разли-

чиях обществ западного и восточного типов. В последние годы, вследствие возрождения российского национализма, фокус в исследованиях сместился на структурную трансформацию международного порядка, связанную с социетальной структурной дифференциацией, международными дебатами о существовании незападных ТМО и возможностью русской ТМО играть незападную роль. Новые российские публикации он группирует в 4 категории: *первая* — представлена Андреем Макарычевым и Вячеславом Морозовым, которые настаивают на том, что «незападные» теоретические рассуждения строятся на ошибочном допущении бесконечности разнообразия коллективного опыта, которое может быть понято на основе эпистемологического плюрализма; *вторая* — представлена Татьяной Алексеевой, которая, используя западный конструктивистский подход, делает идентичность зависимой переменной. Таким образом, идентичность приобретает не абстрактную сущность, а становится переменной, которая может быть распространена и изменена конкретными людьми, имеющими собственные системы ценностей и убеждений; *третья* — представлена группой авторов «Мирового комплексного регионоведения» и некоторыми другими авторами, к коим профессор А.Д. Воскресенский причисляет и себя, которые приняли «метатеоретические рамки» (metatheoretical framework) и «качественный подход среднего уровня» (a qualitative middle-range approach), чтобы объяснить непрерывность и изменения в международных отношениях и, в частности, в региональном измерении; *четвертый* — представлен работами Андрея Цыганкова и совместными работами Андрея и Павла Цыганковых, которые считают, что русская ТМО должна развиваться как часть незападной ТМО по двум основаниям: а) международные исследования и сами ученые находятся в определенных социальных условиях и отражают культурные предпочтения; и б) международные отношения отражают политические, идеологические и эпистемологические основания.

Рассуждая о переходе от гегемонистской однополярности к многополярному миру в направлении структурной трансформации международной системы, глобального стратегического баланса, профессор А.Д. Воскресенский поднимает такие глобальные и в целом философские вопросы, как рациональность эволюции мировой системы, новый грядущий период в мировом развитии и незападное движение, рассматривает главные гипотезы о связях между экономической и политической модернизацией, важность концепта социально-политического подхода, эволюцию системы социального и политического порядка, формирование политической карты современного мира. На основе глубокого анализа широкого круга источников делает вывод, что меркантильное поведение «победителей» (Запад) в конце XIX и нулевых годах XXI в. привело к появлению конструктивного, деконструктивного и даже агрессивного национализма в незападном секторе мирового пространства. В комплексном глобальном политическом процессе и глобальном пространстве социальных наук роль Востока не нашла релевантного отражения. Поэтому в глобальных социальных науках возникает перспектива для международных мировых региональных исследований в качестве субдисциплины

международных отношений, основанной на методе политико-экономического анализа региональных субсистем и глобальных регионов.

Для западных исследователей (книга вышла на английском языке и в первую очередь обращена к англоговорящей аудитории) будет важна данная в монографии оценка теории незападных международных отношений и попыткам дальнейшей концептуализации незападной реальности, методологических проблем и контекста повестки мировых региональных исследований, а также, что упускается в западных теориях международных отношений — пространство, как ключевое измерение в мировых региональных исследованиях, «многослойность» пространственно-временной категории в современных международных отношениях. В двух главах автор обращается к исследованию проблемы изменения пространства в макрорегиональном измерении (новые пространственные акторы, различные типы регионов, соотношение между теоретическими и практическими аспектами региональных трансформаций) и дифференциации в мировом пространстве и ее последствий для концептуализации де-вестернизированных международных отношений, где затрагиваются вопросы структурной дифференциации мирового пространства, дифференциации в геопропространственном измерении, региональные субсистемы, соотношение дифференциации и фрагментации.

Важными остаются проблема интеграции пространства в комплексную глокальность, на которую в исследовании обращено особое внимание, поскольку требуются разъяснения таких дефиниций, как местоположение (*locality*) и определение местонахождения (*location*), и связанный с этим анализ взаимоотношений между окружающей средой и социумом, мировой культурно-цивилизационной системой и региональными культурно-цивилизационными комплексами, а также политико-географическая эволюция государств и регионов, гуманитарных систем и ландшафтов. В результате в книге формируются новые обобщающие теоретические понятия — пространство глобальных регионов и региональных субсистем, совмещающих множественные модерности, где исследуются историческая трансформация международной системы, интеграция мирового пространства и формирование глобальных регионов, суть и формы «Восточного Возрождения» и трансформация всего мира.

В конце своего исследования профессор А.Д. Воскресенский приходит к выводу (приведенному здесь в очень сжатой и упрощенной формуле), что практическими принципами *незападного видения мира* могут быть: выбор модели открытого, эгоцентричного регионального развития, которая включает собственную модель модернизации; переход на кросс-региональное сотрудничество, которое приведет к изменению мирового порядка с более справедливой и взаимовыгодной структурой; подобная модель образует прогрессивное транснациональное (в дальнейшем, трансрегиональное) политико-экономическое пространство глобального сотрудничества регионов в качестве новых акторов в мировой политике.

Книга профессора А.Д. Воскресенского — это серьезный инновационный теоретический труд, куда вложены результаты многолетних изысканий, в котором

главным является синтез, синтез методов, подходов, теорий и мировосприятий незападных пространств. Для российских преподавателей факультетов международных отношений и мировой политики — это обязательная литература для использования в учебной и научной деятельности. В России, надо признаться честно, не так много ученых, которые могут не только создавать работы такой теоретической глубины, но и быть востребованы в глобальном пространстве социальных наук. Исследование профессора А.Д. Воскресенского относится к их числу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Воскресенский А.Д.* Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М.: Муравей; 2004.
- Воскресенский А.Д.* Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений // Полис. Политические исследования. 2013. № 6. С. 82—96.
- Воскресенский А.Д.* Политические системы и модели демократии на Востоке: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс; 2007.
- Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ»; 1999.
- Луман Н.* Общество общества. Книга 4: Дифференциация. Пер. с нем. Б. Скуратов. Книга 5: Самоописания. Пер. с нем. А. Антоновский, Б. Скуратов, С. Тимофеева. М.: Логос; 2009.
- Bringing Sociology to International Relations. World Politics as Differentiation Theory.* Ed. by Mathias Albert, Barry Buzan and Michael Zurn. Cambridge: Cambridge University Press; 2013.
- Cao Dejun.* Guoji zhengzhi “guanxi lilun”: gainian, lujing yu tiaozhan [The Relational Theory of International Politics in Chinese Context: Concepts, Approaches and Challenges] // *Shijie jingji yu zhengzhi* [World Economics and Politics]. 2017. N 2. P. 36—53. (in Chinese).
- Qin Yaqing.* Guanxi yu guocheng: zhongguo guoji guanxi lilun de wenhua jiangou [Relations and Process: Cultural Foundations of Chinese IR Theory]. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe; 2012. (in Chinese).
- Qin Yaqing.* Guoji zhengzhi lilun de ji ge jiating [Assumptions for Relational Theory of World Politics] // *Shijie jingji yu zhengzhi* [World Economics and Politics]. 2016. Is. 19 (434). (in Chinese).
- Qin Yaqing* International Society as a Process: Institutions, Identities, and China's Peaceful Rise // *The Chinese Journal of International Politics*. 2009. Vol. 3. P. 129—153.
- Voskressenski, A.* Regional Studies in Russia and Current Methodological Approaches for Social/Historical/Ideological [Re] construction of International Relations and Regional Integration in Eastern Eurasia. In: *Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and Its Neighboring Worlds*, eds. Ieda Osamu and Uyama Tomohiko. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University. pp. 3—42.

Дата поступления статьи: 14.03.2017

Для цитирования: Грачиков Е.Н. Рецензия на книгу: Voskressenski, A.D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 425—431.

Сведения об авторе: Грачиков Евгений Николаевич — канд. полит. наук, доцент факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, постоянный член Центра мирового социализма академии общественных наук КНР, приглашенный профессор Института азиатских исследований Хэнаньского университета (e-mail: egrachikov@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-425-431

REVIEW OF THE BOOK:
**Voskressenski A.D. Non-Western Theories
of International Relations: Conceptualizing World
Regional Studies. Palgrave Macmillan, 2017. — 271 p.**

E.N. Grachikov

Moscow State University, Moscow, Russia

REFERENCES

- Bringing Sociology to International Relations. World Politics as Differentiation Theory. Ed. by Mathias Albert, Barry Buzan and Michael Zurn. Cambridge: Cambridge University Press; 2013.
- Cao Dejun (2017). Guoji zhengzhi “guanxi lilun”: gainian, lujing yu tiaozhan [The Relational Theory of International Politics in Chinese Context: Concepts, Approaches and Challenges]. *Shijie jingji yu zhengzhi* [“World Economics and Politics”], 2, 36—53.
- Luman, N. (2009). Society of society. B. 4: Differentiatsiya. Transl by. B. Skuratov. B. 5: Samoopisaninya. Transl by. A. Antonovskii, B. Skuratov, S. Timofeeva. Moscow: Logos. (in Russ.).
- Qin Yaqing (2012). *Guanxi yu guocheng: zhongguo guoji guanxi lilun de wenhua jiangou* [Relations and Process: Cultural Foundations of Chinese IR Theory]. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe.
- Qin Yaqing (2016). Guoji zhengzhi lilun de ji ge jiating [Assumptions for Relational Theory of World Politics]. *Shijie jingji yu zhengzhi* [World Economics and Politics], 19 (434). (in Chinese).
- Qin Yaqing (2009). International Society as a Process: Institutions, Identities, and China's Peaceful Rise. *The Chinese Journal of International Politics*, 3, 129—153.
- Voskressenskii, A. D. (2004). China and Russia in Eurasia: Historical Dynamics of Political Interactions. Moscow: Muravei. (in Russ.).
- Voskressenskii, A. D. (2007). *Political systems and models of democracy in the East*. Moscow: Aspekt Press. (in Russ.).
- Voskressenski, A. Regional Studies in Russia and Current Methodological Approaches for Social/Historical/Ideological [Re] construction of International Relations and Regional Integration in Eastern Eurasia. In: *Reconstruction and Interaction of Slavic Eurasia and Its Neighboring Worlds*, eds. Ieda Osamu and Uyama Tomohiko. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University. pp. 3—42.
- Voskressenskii, A. D. (1999). *Russia and China: Theory and History of Interstate Relations*. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond; OOO «Izdatel'skii tsentr nauchnykh i uchebnykh programm». (in Russ.).
- Voskressenskii, A. D. (2013). World complex regional studies and prospects for building a non-Western (Sinetic) theory of international relations. *Polis. Political Studies*, 6, 82—96. (in Russ.).

Received: 14.03.2017

For citations: Grachikov, E.N. (2017). Review of the book: Voskressenski, A.D. Non-Western Theories of International Relations: Conceptualizing World Regional Studies. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 425—431.

About the author: *Grachikov Evgeniy Nikolaevich* — PhD in Political Science Associate Professor of the Faculty of Political Science of Moscow State University, permanent member of the Center of World Socialism of the Academy of Social Sciences of PRC, visiting professor of the Institute of Asian Studies, Henan University (e-mail: egrachikov@gmail.com).

© Грачиков Е.Н., 2017

В издательстве «Аспект Пресс» выходит учебник *Д.А. Дегтерева «Теоретико-игровой анализ международных отношений»*.

Это в несколько раз расширенная и дополненная версия учебного пособия «Введение в теорию игр для политологов и международников» 2010 г. Приведен не только инструментарий (так называемая математическая теория игр), но практически в каждом параграфе приведены основные приложения теории игр к анализу международных отношений. Различные типы изучаемых игр и методы их решения иллюстрируются многочисленными примерами из истории международных отношений.

Особое внимание уделяется построению формализованных моделей в международно-политической науке в контексте теории рационального выбора, теории перспектив, кросс-культурных особенностей принятия решений. В доступной форме излагаются наиболее известные в мировой политической науке теоретико-игровые модели, а также результаты авторских исследований.

Приводятся основные модели баланса сил, гонки вооружений и режимов нераспространения, алгоритмы справедливого дележа на международных переговорах и концепции оказания международной помощи, модели Карибского кризиса, территориальных споров, опосредованных и региональных конфликтов. Рассматриваются механизмы голосования в международных организациях, стратегическая дезинформация в международных отношениях, роль репутации и когнитивные стратегии двусторонних отношений.

В процессе теоретико-игрового анализа принимаются во внимание положения основных теорий международных отношений, в том числе при оценке абсолютных и относительных выигрышей государств, а также при двухуровневом моделировании (внутренняя и внешняя политика) международных переговоров.

Учебник рекомендуется для студентов и аспирантов, обучающихся по направлениям «Международные отношения», «Политология», «Зарубежное регионоведение». Особый интерес он представляет для исследователей, изучающих современную методологию количественного анализа международных процессов, применяемую в ведущих научных изданиях мира.

В связи с увеличением доли внеаудиторной нагрузки в образовательном процессе особую важность приобретает организация самостоятельной работы студентов. В конце каждой главы данного учебника помимо 10 контрольных вопросов в разделе «Практикум» приведено 3—5 практических заданий для студентов, сформированных на основе 10-летнего опыта преподавания курса в РУДН и в МГИМО МИД России. Каждое из заданий подразумевает самостоятельную работу студентов с использованием учебной, а также научной литературы из ведущих журналов мира по международным отношениям.

Учебник «Теоретико-игровой анализ международных отношений» — это возможность быстрого погружения в международный академический дискурс по данной проблематике!